

An artistic illustration featuring two hands, one larger than the other, holding various elements of nature. The larger hand holds a large green leafy plant, a blue damselfly, and a small white daisy. The smaller hand holds a green frog. The background is a lush green field with various plants, including yellow dandelions, blue flowers, and several glowing, spherical objects that resemble planets or moons. The overall style is soft and painterly.

Алексей
Яблоков,
Элеонора
Бакулина

ВОЛШЕБНЫЙ БРАСЛЕТ

Издательство „Детская литература“

Элеонора Дмитриевна Бакулина
Алексей Владимирович Яблоков

Волшебный браслет

Москва, Детская литература, 1971.

Мальчик Тимка неожиданно становится обладателем волшебного браслета, который ведёт его через опасные приключения к знакомству с основными законами развития живой природы. Вместе с героем этой повести–сказки читатель побывает в гнезде ворона и в норе выхухоли, услышит разговоры растений и попадёт в разные эпохи развития жизни на Земле.

ЧТО ЕДЯТ МУРАВЬИ?

Мальчишку все звали Тимкой, хотя настоящее его имя было Тимофей. Но называть Тимофеем человека в одиннадцать лет не принято. Тимка был этому очень рад. Последний раз его называли Тимофеем недели две назад, когда он принёс домой дневник, в котором красными чёрнилами размашистым почерком классной руководительницы было написано: «Прошу родителей зайти в школу, Ваш сын отвлекается на уроках». Вот тогда у отца был с Тимкой крупный разговор, который начинался словами: «Тимофей, объясни мне...» После этого не было сомнений, что Тимка звучит гораздо лучше, чем Тимофей.

Тимка жил в Москве, на широкой старинной улице около Новодевичьего монастыря. Иногда бабушка выдавала Тимке копеек тридцать и посылала в булочную купить пару ситников и четвертинку чёрного. Тимке нравилось ходить в булочную: он чувствовал себя большим и самостоятельным человеком. А так как большие и самостоятельные люди всегда сами выбирают себе дорогу, то и Тимка ходил в булочную разной дорогой. С этого, наверное, всё и началось: с той тихой улочки, на которой стоял старый большой дом с огромными окнами. Выход из этого дома был не на улицу, а во двор, а над калинкой висела вывеска: «Государственный музей».

В музее работали люди, которые были всегда очень заняты. Тимка догадывался, что главным был невысокий и подвижной старик, с быстрыми и ласковыми глазами, огромной белой бородой лопатой. К этому старику с уважением обращались студенты, приходившие на экскурсии в музей. Но всего больше удивился Тимка, когда однажды на экскурсию в музей пришли совсем взрослые и даже пожилые люди, среди которых он узнал учительницу биологии из их школы.

– И если бы вы только знали, как слушала Мария Семёновна этого старика, когда он говорил про обезьян! – захлебываясь, рассказывал Тимка во дворе друзьям. – Я тихонечко стоял позади и всё слышал, только не всё разобрал. Зато какой там огромный мамонт стоит и какая совсем маленькая лошадь, величиной с собаку!

Два или три раза в неделю в музее собирались большие ребята седьмых–восьмых классов. Они приходили не со школой, а сами по себе, по одному, по два. Все они хорошо знали друг друга, и у них были очень важные общие дела. Они часто говорили про какие–то выезды, у них был свой председатель и ещё был ППД. Он был важнее председателя, потому что то и дело ребята говорили: «ППД сказал», «ППД просил», «ППД послал». Потом они уходили в глубь музея и не выходили до самого вечера. А Тимке уже пора было идти домой ужинать.

Однажды Тимка не выдержал. Он подошёл к старику с седой бородой, когда тот шёл от троллейбусной остановки к музею.

– А можно мне прийти в музей вечером вместе с другими ребятами? – собравшись с духом, спросил Тимка.

Старик ничуть не удивился, даже не приостановился и на ходу спросил:

– Ты хочешь заниматься в кружке?

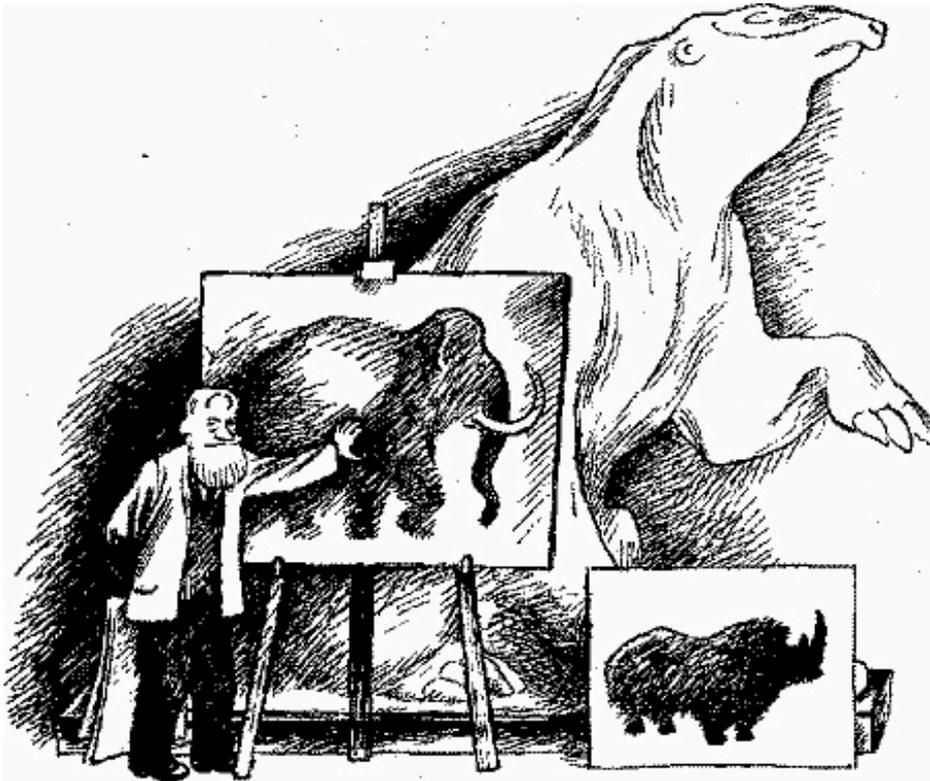
– Да, – твердо сказал Тимка.

– А в каком ты классе? В четвертом? Тогда приходи в музей следующей осенью, в сентябре. Запомнил?

Они уже почти дошли до дверей музея, и Тимка, которому совсем не страшно было идти с этим быстрым стариком, вдруг вспомнил:

– А кто такой ППД?

Тут старик приостановился и внимательно взглянул на Тимку:

– ППД – это я. Меня зовут Павел Павлович Дегтярёв, сокращенно ППД, просто и удобно. Я не обижаюсь на ребят – привык за сорок лет, а они довольны. Ну, а об остальном узнаешь осенью. Да, кстати, ты куда поедешь летом?

– На дачу, – тихо сказал Тимка.

– Мы в этом году изучаем питание муравьёв, – продолжал ППД. – Вот и ты попробуй узнать, чем они питаются. Нарисуй разные муравейники. Всё приноси в первую среду сентября сюда. До свиданья. – Старик остановился, посмотрел на мальчишку. – А впрочем, если хочешь, можешь пойти сейчас со мной, сегодня последнее заседание кружка.

Тимка был счастлив. Тихий, как мышь, уселся он на самый задний ряд в небольшом, битком набитом зале.

– Ребята, – начал Павел Павлович, – все вы получили летние задания. Занятия в этом году закончим разговором о трёх великих законах природы, знать которые должен каждый. Первые два закона открыл великий Дарвин и назвал их **борьба за**

существование и естественный отбор. Он доказал, что жизнь одних живых существ обязательно связана с жизнью других и, если кто-то в природе погибает, его место тотчас занимает новый организм.

Павел Павлович ходил между притихшими рядами и говорил, показывая на картинки, чучела, карты:

– Жизнь не стоит на месте! Сегодня живут одни, а завтра – совсем другие существа. Посмотрите на этих гигантских ящеров, посмотрите на вымерших предков лошади. Эти организмы уступили место новым, ушли с великой арены жизни, оставив после себя изменённых потомков. Естественный отбор привёл к этому замечательному результату: выживали только те, которые оказывались самыми сильными, самыми выносливыми – и так шаг за шагом изменялось всё живое... Третий закон – **закон отношения человека к природе**. Люди, всё человечество – только часть природы, и мы должны не «покорять» природу, а, узнав её законы, использовать их для улучшения и разумного изменения природы. Природные богатства должны не скудеть, а множиться. И потому в завтрашнем человеческом обществе биология будет одной из самых нужных специальностей. Только биологи смогут сказать, как нужно обращаться с живой природой, чтобы не нарушить замечательного равновесия, которое установилось в течение миллионов лет. Великие умы человечества видели опасность нарушения этого равновесия. Один из самых светлых и глубоких мыслителей сказал в прошлом веке: «... культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню». Вспомните–ка сами, кто сказал эти слова...

Взволнованный шёл домой Тимка.

«Так, значит, вот какой ППД! Здорово! Почему он предложил всё разузнать про муравьёв? Интересно, в самом деле, чем питаются муравьи?»

Часто потом вспоминал Тимка этот короткий вечер. А через несколько недель с Тимкой случилось...

НА ВОЛОСКЕ ОТ СМЕРТИ

Дачный посёлок, где летом жил Тимка, стоял на высоком лесистом берегу небольшой речки, рядом с деревней Мокруха. С одной стороны к посёлку примыкала большая и светлая берёзовая роща, где в конце лета, если выйти из дому пораньше, всегда можно было набрать корзину грибов: белых, подберёзовиков, чёрнушек. А уж дождевиков и грибов-зонтиков, которые деревенские считали поганками и не собирали, росло сколько угодно. С другой стороны – со стороны речки – к посёлку вплотную подходили молодые сосновые и еловые посадки, среди которых тут и там возвышались старые могучие ели и берёзы.

В посадках муравейники были высокие, и их было много. Рыжие лесные муравьи деловито сновали по своим дорожкам. У одной из таких дорожек, как-то после завтрака, и занял наблюдательный пост Тимка. В руке у него был карандаш с записной книжкой, в кармане – пинцет и большой огурец (Тимка очень любил огурцы и, когда уходил гулять, всегда прихватывал с собой несколько для подкрепления). Дома бабушке он сказал, что пошёл погулять и вернётся часа через два.

Замешкавшиеся было муравьи при появлении Тимки через минуту вновь побежали бесконечной чередой: один поток от муравейника, другой навстречу и помедленнее – к муравейнику. Те муравьи, что бегут от муравейника, бегут пустые и быстро, те, что к муравейнику, – с грузом, помедленнее. Вот два муравья тащат еловую хвоинку, вот ещё такая же пара, вот третья. Ясно: строительный материал для муравейника. Веточка, за которую

уцепились три муравья сразу, наверное, балка для потолка в переходе внутри муравейника.

А вот что–то интересное – небольшая гусеница.

– Гусеница больше муравья вдвое и ещё живая... Да нет, не её муравей тащит, а она ползёт вместе с муравьём, что прицепился сбоку. Так–так! Всё ближе и ближе к муравейнику! Не даёт ей муравей свернуть с чистой дорожки... Запишем: гусеница... – тихонько бормотал Тимка. – Ага, вот и жучишка какой–то... Чёрный, с синеватым отливом. Ну, этот, кажется, мёртвый, и тащат его два муравья. Интересно, зачем этот муравей несёт зелёный лист к муравейнику? Разве муравьи едят листья?... Запишем про лист... Ну, а это вообще непонятное что–то: один муравей тащит другого. А вот ещё такая же пара. Может быть, это раненые? Но кто их ранил? Надо посмотреть: куда это тащат муравьёв? – не выдержал Тимка. – Может, просто один решил на другом прокатиться... А ну–ка я вас подцеплю пинцетом!

Он ловко ухватил пинцетом сразу двух муравьишек, да так сжал, что те сразу и погибли. Охота за муравьями настроила Тимку на боевой лад, и он принялся уже не наблюдать и записывать, а ловить, отнимать, а то и губить одного муравья за другим. Маленький охотник подобрался к муравейнику и решил было поглядеть, что делается внутри этого холма из хвои и веточек. Вот в руках у Тимки оказался кусок сухой ветки.

Раз!.. Сучок глубоко врезался в мягкий купол муравейника.

Муравьи испуганно забегали.

Раз! Раз!.. Работа спорилась, и скоро в муравейнике зияла глубокая дыра.

...Что-то больно стукнуло Тимку по затылку... Он перестал крутить палку и с опаской огляделся. Никого нет. Только ветка крепкая качается над ним.

«Пожалуй, напрасно я всё-таки разрушил муравейник: ничего не увидел – всё те же хвоинки кругом, и ничего больше... – сокрушенно вздохнул он. – Хотя ладно, построят новый... Или заделают дырки в этом, вон их сколько, не пересчитаешь!» – рассуждал Тимка.

– А куда ведут дорожки от муравейника? – вслух спросил себя Тимка. – Может, пройти до конца дорожки и посмотреть, что там делают муравьи?

Ему вдруг очень захотелось уйти куда-нибудь подальше от муравейника. Низко наклоняясь, он двинулся вдоль муравьиной дороги между небольших сосёнок. Пять, десять, пятнадцать шагов... Муравьиная тропка не исчезает и даже не становится меньше.

Стоп! Прямо перед Тимкой глубокая песчаная яма. Здесь брали песок для строительства, и сюда Тимка уже приходил вместе с папой за хорошим крупным песком для аквариума.

Деловитые муравьишки спешили прямо вниз в яму, не сворачивая ни вправо, ни влево.

«Где же муравьиная дорога? Это становится интересным...» – подумал Тимка и решительно прыгнул в яму.

Яма была широкая, но не особенно глубокая. Когда Тимка встал на дно, его голова торчала над верхним краем ямы. Муравьи бежали теперь прямо перед его глазами, не надо было даже наклоняться, чтобы рассмотреть их. Они даже стали казаться чуть-чуть побольше.

«Как ловко и быстро движутся их шесть лапок! Ого! Какие мощные челюсти вот у этого мураша! Если подставить палец, то он так и перекусит его пополам...» – Тимка даже вздрогнул.

Летний день был в разгаре. Солнечные лучи, горячие и ослепительные на поляне, слабели и чуть-чуть зеленели, когда доходили сюда, в гущу сосновых стволов.

Кругом было так тихо и спокойно, как бывает в после-полуденные часы жаркого дня в середине недели.

«Хорошо бы чего-нибудь поесть, – подумал Тимка и вытащил из кармана огурец. – А теперь поглядим, что понадобилось муравьям в этой яме!»

И Тимка снова принялся следить за деловой суетой муравьёв. Ему пришлось присесть на корточки и заглянуть за песчаный выступ на стенке ямы – туда вела муравьиная дорога, огибая торчащий корень сосны. Здесь тропинка круто поворачивала вниз и ныряла в дырку в песчаной стене.

«Откуда взялся этот муравей с зелёным кусочком листа в правой лапке?» – удивился Тимка. Муравей-регулировщик стоял на повороте, высоко приподнявшись на задних лапках, помахивал зелёным листом, словно приглашая Тимку двинуться вперёд. Тимка без колебаний встал на четвереньки и чуть-чуть продвинулся вперёд.

«Странно, все муравьи пропали. Где же они? А нет ли их за этим выступом? Нет никого... – Тимка огляделся. – Да тут, оказывается, яма не кончается: дальше широкий проход, а сквозь него виден яркий свет. Вот это да! Ура! Я, кажется, нашёл выход из пещеры к берегу реки! Вот можно будет поиграть с ребятами!» – чуть было не закричал от радости Тимка.

Видневшаяся вперёди река казалась совсем близкой. Вот блестит вода, вот чуть покачиваются ветви берёз над самым берегом... Тимка двинулся дальше, забыв про муравьёв. Но – странное дело! – чем больше он проникал в глубь пещеры, тем дальше отодвигалась река и тем выше и шире становился проход, тем всё необычнее становилось вокруг. Свет впереди уже не

казался солнечным, он был какой-то голубоватый, мерцающий. Песчаные стенки пещеры стали мягкими и тёплыми.

«Пахнет разогретым асфальтом, смешанным с лимоном, или нет, пожалуй, больше резиновыми сапогами и мармеладом», – подумал Тимка.

От этого запаха засвербило в носу. Тело будто покалывали тысячью маленьких иголочек. Ему стало страшно.

– Неужели я успел уйти под землей так далеко? – пробормотал Тимка.

Он споткнулся обо что-то твёрдое и растянулся. Из глаз его посыпались искры, и в тот же момент незнакомый старческий голос ворчливо прошамкал:

– Не успел поздороваться, а уже искрами кидается!

– Так ведь я же не нарочно, – начал было оправдываться Тимка, но вдруг вспомнил, что он под землей, на мягком, пушистом настиле пещеры, где только что – ну вот секунду назад! – не было ни одной живой души и разговаривать ему вроде бы не с кем. Мурашки пробежали по Тимкиной спине, он не смог пошевелить ни рукой, ни ногой.

А тот же ворчливый шамкающий голос продолжал:

– Ну что же ты лежишь на полу? Или тебе, может быть, нравится лежать на ковре моей Пещеры Приёмов? – И совсем уже другим, хвастливым тоном продолжал: – Верно, приятный пол в этой моей пещере?

Тимка проворно вскочил на четвереньки, огляделся. Прямо перед ним стоял невысокий, странно одетый старикашка. Трудно было рассмотреть его подробно, потому что свет шёл из-за спины старика. Тимка разглядел только ноги в ярко-зелёных чулках и в красивых жёлтых деревянных башмаках. Лёгкий плащ покрывал плечи незнакомца и доходил ему до колен. Плащ был сделан из материала, до удивления похожего на бересту, снятую с середины

ствола большой берёзы: такой же белый и с такими же небольшими чёрными штришками тут и там.

– Здравствуй, Тимка! Дай–ка руку, я помогу тебе встать! – С этими словами незнакомец подошёл, протянул маленькую руку. Хотя старичок был совсем маленький, он подхватил Тимку под мышку и, как пёрышко приподняв над полом, аккуратно опустил рядом с собой.

«Ну и силища!» – подумал было Тимка и, забыв ответить на приветствие, затараторил, решив разом всё выяснить:

– А вы тоже живёте в нашем посёлке? Вы пришли в эту пещеру со стороны реки, да?

– Не всё сразу, не всё, не всё... – перебил его шамкающий старичок. – Сначала давай–ка пройдем немного вперёд. В этом углу пещеры слишком темно, а искры из тебя больше не вылетают, хе–хе, не вылетают, не вылетают... Мы действительно живём с тобой в одном посёлке, – говорил старичок, ведя Тимку за руку вперёд. – Точнее сказать, ты, хехехе, именно ты, живёшь вместе со своими родителями у меня во владениях. А в пещеру, – старичок хохотнул: хахаха... – в пещеру в этот раз я, как бы поточнее тебе объяснить, не пришёл, конечно, а появился из другой моей пещеры, которую ты, может быть, да, пожалуй, очень–очень может быть, скоро увидишь. Может быть...

Тимке всё больше не нравился этот неправдоподобно маленький рот и этот непонятный разговор с повторениями и смешками.

«Пожалуй, надо бежать отсюда, пока не поздно!» – подумал он и быстро оглянулся вокруг, прикидывая, куда лучше шмыгнуть.

– А вот и поздно! Хехехе! Теперь уже поздно! – прищурился, насмешливо заворчал старик, определенно прочитав Тимкины мысли, крепче сжал его ладонь своими сильными пальцами и добавил тем же противным голоском: – И думать

забудь о том, чтобы убежать отсюда! Забудь, забудь, забудь! Хехехе!..

Они продвинулись ещё на несколько шагов в глубь пещеры. Становилось всё светлее и светлее. Наконец Тимка и старичок оказались в самом центре пещеры. Но нет, пожалуй, пещерой это место назвать было бы неправильно, так же как не назовешь пещерой станцию метро. У Тимки по привычке уже было открылся рот, так ему захотелось, позабыв страх, спросить насчёт конструкции пещеры. Но тут его взгляд остановился на старичке, и вопрос так и замер: вместо небольшого и странно одетого человека рядом с Тимкой стоял...

«Нет, этого не может быть, я, наверное, заснул, и всё это мне снится», – пронеслось в голове.

Перед ним возвышался огромных размеров серо-зелёный доисторический ящер: ни на что другое это существо не было похоже. Огромное чешуйчатое туловище заканчивалось мощным хвостом со страшными, наверное, роговыми шипами, торчавшими в разные стороны; массивные лапы, поддерживавшие туловище, опирались на когти, каждый из которых был размером

с руку Тимки. Треугольная голова казалась маленькой для такого огромного тела. Из широко раскрытой кроваво–красной пасти чуть высовывался кусок серовато–розового языка, по которому стекали капли сверкающей слюны.

Тимка хоть и остолбенел от неожиданности, но почему–то не особенно испугался. Он любил чудесные превращения, с удовольствием ходил в цирк и даже сам делал всякие фокусы, выискивая их описания в разных популярных журналах, вроде «Юного техника», «Химия и жизнь» или «Знание – сила».

Он не испугался всерьёз, а был весьма обеспокоен таким странным превращением деда в ящера. Собравшись с духом и привстав на цыпочки, чтобы быть всё–таки поближе к голове чудовища, он прокричал:

– Дедушка...

– Хахаха! – раздался не то свист, не то клёкот, и голова чудовища описала над Тимкой большой круг. – Он называет меня дедушкой! Да я твой пращур, а не дедушка! Да знаешь ли ты, сколько времени я живу здесь?

– Кажется, знаю! – смело перебил ящера Тимка. – Таких, похожих на тебя ящеров я видел в Палеонтологическом музее. Там было написано, что жили они, кажется, двести миллионов лет тому назад, в меловом периоде, когда даже ещё не было никаких млекопитающих! Верно?

– Ишь ты! В общем, верно, – более миролюбиво рыкнул ящер. – У тебя, я смотрю, голова не всегда глупая бывает. Ладно, пока хватит тебя пугать, давай поговорим.

С этими словами ящер начал уменьшаться и превратился опять в уже знакомого старика.

– Сказки любишь? – спросил старик своим обычным шамкающим голосом. – Можешь не отвечать, и так знаю, что любишь. Не было ещё в моих владениях мальчишки, который не любил бы сказок. Про леших и лесовиков слышал?

– Так вы и есть леший? – даже оторопел от неожиданности Тимка.

– Ну, раньше нас так иногда называли люди. Тебе, я вижу, интересно знать моё настоящее имя. Так вот, я не леший, а Великий и Могучий Хранитель Вит. Ну конечно, всякие там страсти–мордасти, что вы про леших рассказываете в своих сказках, это я могу делать, могу. Ну, например, закружить, заплутать туристов, особенно если они север с югом путают. Бабке какой–нибудь, что коз гоняет по лесу да рубит рябины, чтобы накормить их, в страшном виде показаться – всё это, конечно, тоже мои шутки, мои. Да зачем далеко за примерами ходить; вспомни–ка, что ты делал наверху, на земле, только что? Зачем палкой ковырял муравейник? Зачем? Зачем? – Вит высоко подпрыгнул да так и остался висеть в воздухе, болтая своими деревянными башмаками почти у Тимкиного носа. – Мало я тебя по затылку стукнул! Эх, мало! Надо бы посильнее двинуть, чтобы забыл навсегда, как моих помощников и друзей всего леса тревожить. У тебя, кажется, был пинцет? Правильно мама тебе его давать не хотела утром, правильно...

Тимка тут даже вздрогнул от неожиданности, и противное чувство страха и тревоги опять охватило его.

«Откуда знает этот старикашка о том, что было утром дома? Ну, предположим, он просто подсмотрел несколько минут назад, как я ворошил муравейник, но дома–то его определенно не было! А мама точно не хотела давать пинцет...» – пронеслось мгновенно в голове Тимки.

– Правильно мама не хотела давать тебе пинцет, правильно, – повторял между тем старикашка на разные лады. – Впрочем, мы его сейчас, кажется, используем для дела!

С этими словами он опустил на пол пещеры и протянул маленькую руку к Тимке. И вдруг рука стала утоньшаться. С ужасом Тимка смотрел, как рука, гибкая, тонкая, как карандаш,

превратилась в змейку и проскользнула к нему в карман, обвилась вокруг пинцета и с легкостью вытащила его. Теперь знакомый пинцет держала толстая и короткая рука старикашки. Теперь уж Тимке стало по–настоящему страшно.

«Как бы поскорее выбраться отсюда, от этого непонятного старика?» – снова подумал он.

И старикашка, опять словно прочитав его мысли, подхватил:

– И не думай, что сможешь без моего согласия уйти отсюда! Но об этом немного позже, позже. Сейчас главное – посмотреть, что можно сделать с таким замечательным пинцетом.

Он подбросил пинцет вверх, поймал его, снова бросил, на этот раз в сторону. Но пинцет, вместо того чтобы удариться о стенку пещеры, начал медленно вертеться вокруг старикашки и Тимки, становясь по пути всё больше и больше. Вот он уже ростом с человека, вот уже раза в два больше... Вит сделал какой–то жест рукой, и пинцет оказался рядом с ним. Без всякого видимого напряжения Вит направил пинцет, чуть пододвинул его и – чик! – схватил Тимку за правую руку. По телу Тимки пробежала дрожь, он съежился от мгновенной боли и расширенными от ужаса глазами увидел, как его правая рука, которую Вит отщипнул пинцетом, медленно поплыла в сторону.

– Славно! Исправно! – радостно завопил Хранитель Вит и прицелился пинцетом снова.

Тимка опомнился, страх придал ему силу, и он прыгнул что есть мочи в сторону. В следующий миг острая боль опять пронзила всё тело: так и есть – ноги как не бывало!

А Вит знай себе похохатывает:

– Ловко я его схватил! Не хуже, чем он муравьёв!

– Дедушка! Не буду больше трогать муравьёв! – захныкал, дергаясь на полу, Тимка.

– А зачем из дроздиного гнезда на ёлке на прошлой неделе яйца вытащил?

– Айай! Не трогайте меня, пожалуйста! Я хотел попробовать яичницу из них! Отпустите меня домой! Я никогда–никогда не буду разорять гнёзд!

Слёзы бежали из Тимкиных глаз, он весь трясся от страха и ужаса, ожидая, что вот–вот страшный пинцет схватит его опять.

– Ладно, – неожиданно успокоившись, сказал Хранитель Вит, – посмотрим, что будет дальше, посмотрим.

Тимка перевёл дух и перестал плакать. Только внутри него всё дрожало.

«Ну, пропал я! Вот мама расстроится, наверное...» – мелькнуло в голове.

– Конечно, расстроится! Да ещё как расстроится! И ребята играть будут без тебя, и в классе твоё место будет пустое! И не проси меня, – старик остановил Тимку, который хотел, видно, что–то сказать, – я не могу ничего для тебя сделать. Не могу! Всякий плохой поступок должен быть наказан – есть такое правило, есть. А если ты в свои одиннадцать лет столько вреда природе умудрился наделать, то что же будет, когда ты подрастёшь? Что будет тогда? Слышал про бульдозериста, что чуть не утонул прошлым летом?

Тимка хорошо знал историю про бульдозериста. В посёлке рассказывали, что пьяный бульдозерист вечером свернул с дороги и проехал по посадкам на своей мощной машине, поломал и изувечил много деревьев, прежде чем свалился с крутого берега в речку. Машину вытащили через несколько дней, а водитель, который чудом спасся, говорят, с тех пор работает продавцом в киоске – боится садиться за руль.

– Пришлось прибегнуть к крайним мерам, – продолжал старичок, – чтобы прекратить этот разбой в природе. А из тебя, наверно, как раз такой бы бульдозерист и вышел. Возись потом с тобой, мучайся... Я уж лучше прямо сейчас с тобой разделаюсь! Прямо сейчас!

Тимка потерял всякую надежду выбраться отсюда живым и приготовился к неизбежной гибели.

Но старичок вовсе не спешил: на него, видно, напала охота поговорить.

– Слышал про скважину артезианскую, что пробурили в пионерском лагере на бугре? Думаешь, мне жалко воды подземной? Да бери хоть тысячу вёдер в день, мне хватит. Так нет, ведь что удумали эти мудрые головы: открыли трубы и без толку выпустили целое озеро воды. Молодцы, – ядовито продолжал он, – властелины природы! Лужайки внизу и новые сосновые посадки затопили – раз! Моё подземное озеро осушили чуть не до дна – два! Ключи перестали бить в округе и две деревни остались без воды – три! Деревья большие на холме засохли без подземной воды – четыре! Безмозглые! Вот посмотрю, и, если впрок им урок этот не пойдет, придётся поучить кое-кого. Уж придётся! – Старичок покраснелся, берестяной плащ на нём топорщился, длинные серебристые волосы на бороде разошлись веером. Видно было, что он очень, очень сердится. – Итак, силы в человеческих руках прибавилось. А как правильно да с пользой для природы и для себя использовать эту силу? Послушай, а может, сразу перевести всякую живность подальше, оставлю только песок с глиной, глину с песком, посмотрю издали, как жить будете! Потом–то, конечно, сами станете зелень да живность разводить – без них жить–то нельзя, – да десять потов сойдет, пока всё наладите, – опять чуть успокаиваясь, продолжал Хранитель Вит.

Тимка уже заметил: он очень легко сердился и тут же быстро успокаивался.

– Я такую штуку уже сделал около железнодорожной станции лет пять назад. Там один шлак да золу с песком, шлак да золу оставил, куда ни пойдешь. А жалко было на вас, на людишек, смотреть. Как мухи, поползли в больницу: кто с

больными, пылью испорченными, легкими, кто с глазами красными, кто с кожей воспалённой. Потом надоумил я двух–трех, кто показался мне получше других, а они уже всех остальных подбили. И что ты думаешь: видел, какой парк сделали около школы? Там даже белки не боятся людей, я уж не говорю о воробьях да синицах. Поняли там наконец, что чем больше народу становится на земле, чем больше посёлков и городов, тем драгоценнее и нужнее каждая зелёная веточка, каждый муравей на дорожке! Нужнее! Драгоценнее!

Тимка уже заметил, что когда Вит начинал особенно сердиться, его борода расходилась серебряным веером и с кончиков волос слетали небольшие искорки. Сейчас искры погасли, и борода стала принимать обыкновенный вид.

«Ну, кажется, перестал сердиться», – облегченно передохнул было Тимка.

– А знаешь, что мне пришло в голову? – снова, уже спокойнее, начал Вит. – Чем время не шутит, вдруг из тебя ещё приличное существо вырастет? Может, не случайно ты решил закрыть палочками гнездо трясогузки в ямке, чтобы туда не пробрался одичавший кот и не сожрал птенцов? Хорошее дело сделал, хорошее! Да и ещё, помнится мне, были какие–то хорошие дела: посадил в гнездо выпавшего дроздёнка и не дал туристам срубить молоденькую ёлочку... Решено: задам–ка я тебе пару задач, задам–ка. Справишься – на всю жизнь запомнишь и польза от тебя будет, нет – расправлюсь с тобой в два счёта. Но как бы это получше всё оборудовать?

Было приободрившийся Тимка снова приуныл: ни жив ни мёртв сидел он на мягком полу пещеры и только устало хлопал красными от слёз глазами.

– Вернуться к людям он должен только тогда, когда научится: уму–разуму, да, только после этого... – бормотал Хранитель Вит. – Значит, он должен смотреть и соображать,

смотреть и делать выводы... Ага! Для такого случая, пожалуй, подойдет мой малый браслет. – Старик отодвинул повыше берестяной рукав на правой руке и отстегнул тяжёлый многоцветный браслет, составленный из восьми камней. – Держи! – протянул он браслет Тимке.

Тимка безропотно взял браслет, втайне ожидая какого-нибудь подвоха. «Нет, всё, кажется, обошлось, руки и ноги пока целы».

– Посмотри-ка на браслет, посмотри-ка! Какие камни знаешь, называй, – потребовал Вит, и борода его чуть взъерошилась.

Браслет был искусно сделан из прямоугольных, чуть продолговатых камней разного цвета. Камни были плотно подогнаны один к другому и соединены таким образом, что каждый из них мог чуть выдвигаться от соседних.

Красный, фиолетовый, зелёный, жёлтый. Камни засверкали перед глазами Тимки. Вот один совсем прозрачный, ну конечно же, это горный хрусталь, – такой кристалл стоит у папы на столе, вделан в чёрнильный прибор.

– Горный хрусталь!

– Предположим... – проворчал старикашка.

– Этот прозрачный темно-жёлтый – янтарь! – уже увереннее сказал Тимка, вспомнив мамино колечко с точно таким же камнем.

– Ишь ты, правильно, – услышал он подобревший голос и увидел, как волоски бороды улеглись один к одному.

– А этот, – Тимка держал в пальцах тёмно-красный камень, – этот, наверное, рубин или гранат!

– «Или – или»! Гранат это! – услышал Тимка недовольство в голосе своего мучителя. – Дальше называй!

Как ни старался Тимка, другие камни назвать он не мог. Он видел их, конечно, много раз и на картинах. Вот этот совсем

простой камень, чуть прозрачный и с коричневатыми прожилками, он встречал даже на речке, но как же он называется? Старик, видно, обрадовался, что Тимка не может вспомнить название камней, и принялся снова стыдить его:

– Эх ты, Тимка, Тимка! Живёшь на русской земле, книжки читаешь, картинки смотришь, а камней не знаешь. Смотри – вот пёстрая яшма, вот голубой сапфир, а этот, с золотыми переливами, – тигровый глаз, а этот зелёный с прожилками стыдно не знать тому, кто любит уральские сказки, стыдно!

– Малахит?

– Слава богу, хоть тут догадался! Ну вот и все восемь камней. Надень–ка браслет на руку. Ну, смелее, смелее! – подбадривал он Тимку, нерешительно крутящего браслет в руках. – Просовывай, просовывай руку... Вот так! – удовлетворённо закончил он, увидев, что браслет плотным широким кольцом охватил запястье левой руки Тимки. – Ну, мне, пожалуй, пора! Погуляй–ка, погуляй–ка здесь пока один. Мне пора, пора... – И он ловко подскочил вверх, повис в воздухе и тихонько запел–заверещал:

Восемь камешков заветных –
От восьми дверей запретных.
Будешь двери открывать,
Тайны жизни узнавать...

И пока бормотал он эти слова, делался всё меньше и меньше. Вот уже с кошку... вот с яблоко величиной... вот не больше маленького кузнечика...

Не найдёшь – пропадёшь,
Не найдёшь – пропа...
Не най...шь... –

донёлся до Тимки откуда–то из пространства тоненький голос, а на том месте, где только что был Хранитель Вит, никого не стало.

ОДИН В ПЕЩЕРЕ

Старикашка растворился где–то вверху, и в пещере стало тихо–тихо. Тимка, живой и невредимый, стоял посредине огромного подземного зала. На левую руку был надет тяжёлый браслет.

«Что же это я теряю время? – подумал Тимка, который не любил долго сидеть без дела. – Надо скорее рассмотреть всю пещеру...» – решил он.

И как, только Тимка подумал об этом – вся пещера засветилась ещё сильнее, а пропадавшие вдали её стены будто придвинулись поближе.

Прямо перед Тимкой поднималась крутая стена. Она снизу доверху была покрыта, как черепицей, огромными зеленовато–голубыми еловыми лапами. Точно такие же голубые лапы на ёлках видел Тимка у кремлёвской стены на Красной площади и очень тогда удивлялся, узнав, что на свете есть голубые ели. Кое–где поверх лап лежали пышные ослепительно–белые снежные шапки, искрящиеся всеми цветами радуги. На концах лап висели грозди красно–бурых смолистых шишек, и по ним прыгали большие серые птицы с ярко–красными грудками.

«Снегири», – вспомнил тут же Тимка.

От стены будто бы тянуло холодом, и Тимка поежился, хотя было совершенно ясно, что вся стена и лёгкое движение веток,

шелест морозного ветерка и треск прыгающих птиц какой-то невидимой преградой отделены от него.

Тимка повернулся. Соседняя стена пещеры словно была покрыта ярким ковром: она была усыпана багровыми и бронзовыми, золотыми и пурпурными, медными и пунцовыми осенними листьями. Среди разлапистых, огромных листьев клёна, спокойно раскачи-вающихся на неслышимом ветерке, мелко дрожали на тонких черешках листья осины, бурыми пятнами выделялись дубовые ветки, нежно розовели полу-прозрачные листочки бересклета.

Среди этих разноцветных россыпей то тут, то там раскачивались оранжево-красные гроздья рябины, как будто светились изнутри прозрачные, рубиновые ягоды калины и боярышника, образуя пёстрый ковёр.

Третья стена...

«Ну какая же это стена!» – подумал Тимка.

Третья стена была и в самом деле не стеной, а... солнечной лесной полянкой на берегу речки в жаркий июльский полдень. Ни ветерка, ни облачка на светло-голубом летнем небе. Глазастые бело-жёлтые ромашки тихо покачивались в траве, которая чуть вздрагивала от пробежавшего по земле зверька; сиреневато-голубые колокольчики – какие растут только в лесу – с ярко-жёлтыми пестиками и тычинками приветливо кивали головками. В одном углу этой волшебной стены были разбросаны цветы иван-да-марьи, похожие издалека на гаснущие угольки костра. В другом углу причудливым образом переплелись ярко-жёлтые кувшинки на толстых крепких ножках с нежными, чарующими глаз чашами водяных лилий. Ни единого звука не доносилось отсюда. Но когда Тимка прислушивался, ему чудился отдалённый мелодичный треск кузнечиков.

«Зима, осень, лето... – подумал Тимка про только что осмотренные стены. – Наверное, последняя должна быть стена–весна...»

И точно: последняя стенка пещеры являла собой весну во всей её неповторимой красоте. Нежно переплетались тонкие, почти голые веточки берёз и ив. На них качались маленькие распускающиеся, совсем ещё светло–зелёные листочки – такого цвета не увидишь ни осенью, ни летом. Веточки вздрагивали от тяжести неторопливых и лохматых, цепких майских жуков. На тех берёзовых ветках, где ещё не распустились листочки, висели длинные серёжки, и любое их движение поднимало облачка жёлтой пыльцы. Эта пыльца перемешивалась с ещё более яркой пыльцой распустившейся ивы. В нижней части в орнамент стены вплетались голубые огоньки подснежников, ярко–белые пятнышки ветрениц, жёлтые шарики купальниц.

Тимка ещё раз быстро огляделся кругом, желая сразу побывать и в зиме, и в весне, и в лете, и в осени – никогда раньше он не замечал, что в лесу может быть так красиво. Он сделал шаг в сторону зимней стены, и его ноги тотчас же потонули во влажном и тёплом мху, которым был покрыт весь пол в этой удивительной пещере.

«Да что же я рассматриваю эти стены? Мне же надо искать выход! – Тимка содрогнулся, вспомнив ужас, который он пережил, когда Хранитель Вит наказывал его за глупые и подлые делишки. – Я, конечно, больше не буду вытаскивать яйца из гнёзд или отрывать у муравьёв лапки, но всё–таки хорошо бы поскорее выбраться отсюда!»

Внимательно, шаг за шагом, начал Тимка обходить пещеру вдоль стен.

«Что же там такое пел старикашка про какие–то дверки, которые надо найти? Никаких дверок не видно в этих стенах!» – думал Тимка, шагая вдоль зимней стены и удивляясь, как она

огромна вблизи. Он думал, что обойти всю пещеру можно, сделав каких-нибудь сто шагов... Вот уже сто шагов только около одной стены, а ей и конца нет!

Наконец измученный Тимка добрёл до осенней стены и присел на пол, соображая, что же делать дальше. Огромная, пустая и тихая пещера, полная света и тепла, казалась ему таинственной и угрожающей.

«Наверное, придётся сидеть здесь, пока не умру от голода... Недаром Хранитель Вит говорил, что пропаду я здесь. Лучше бы уж сразу прикончил! – с отчаянием подумал Тимка. – А хорошо бы сейчас поесть!»

– Да где здесь найдёшь еду! Вот если бы кругом был лес, я не испугался бы, – прошептал сам себе Тимка, вспомнив, как в прошлом году они с папой приносили из леса и орехи, и грибы, и ягоды, и щавель и как отец объяснял ему, что в лесу без еды умный человек никогда не останется. – Вот найти бы малинник, какой мы нашли в прошлом году, когда ходили за грибами в дальний лес! Сколько ни срывай ягод – их кругом видимо-невидимо... А нет ли здесь хотя бы веточки малины или куста орешника с орехами? Надо посмотреть повнимательнее на летней стене...

Почти бегом, утопая по щиколотку в тёплом моховом покрове, Тимка пересёк пещеру. Странное дело; теперь она опять вроде небольшая! Вот и летняя стена – полянка на берегу реки. Малинник может быть рядом с рекой, там, где погуще кусты и небольшой пригорок.

Тимка шагнул вперёд раз, другой, потом протянул вперёд руку, боясь наткнуться на невидимую преграду, отделяющую пещеру от этого луга и леса. Но никакой преграды не было: он просто подошёл к пригорку, у подножия которого были заросли малины.

«Ура! Да какие вкусные здесь ягоды! И почти нет крапивы!»

Горсть за горстью отправлял Тимка в рот душистые лесные ягоды, двигаясь вперёд и теперь уже радуясь, что пещера такая большая. Но вот кусты малины стали встречаться всё реже, а ольха и крапива всё чаще. Тимка оказался недалеко от края летней стены, где покрытый лилиями водоём смыкался с весенней стеной. Стараясь найти ещё ягоды, он раздвинул густые заросли, и... перед ним среди густых переплетённых веток открылся овальный, с окошко величиной, гладко отполированный выпуклый камень. Издалека его было трудно заметить, потому что он был темно-зелёного цвета с красивыми, замысловатыми прожилками. Тимка оторопело уставился на этот неожиданно появившийся камень и вдруг сообразил, что он наконец нашёл!

– Это же и есть, наверное, дверка? – сообразив, громко сказал он. – Но как же открыть её? Как?

«Как же открыть её? Как же открыть её? Как же открыть...»
Гулкое эхо многократно раскатилось по пещере. Тимка вздрогнул,

испугавшись отражённого звука своего голоса. Но вот в пещере стало абсолютно тихо, так тихо, как никогда не бывает на поверхности. И снова голос Тимки зазвучал в этой тишине неожиданно громко.

– Как же мне открыть эту дверь? – повторил он ещё раз, оглядываясь вокруг и ища какую-нибудь палку, которую можно было бы подсунуть под массивный камень.

Бесполезно; ни палки, ни сучка не было кругом. В ровной зелёной каменной поверхности отражалась растерянная Тимкина физиономия. Он попробовал покачать камень из стороны в сторону, взявшись руками за края. Тоже бесполезно; руки скользили по гладкому камню, не находя опоры. Приложил ухо к полированной поверхности и прислушался. Оттуда, из-за камня, раздавались приглушенные странные звуки.

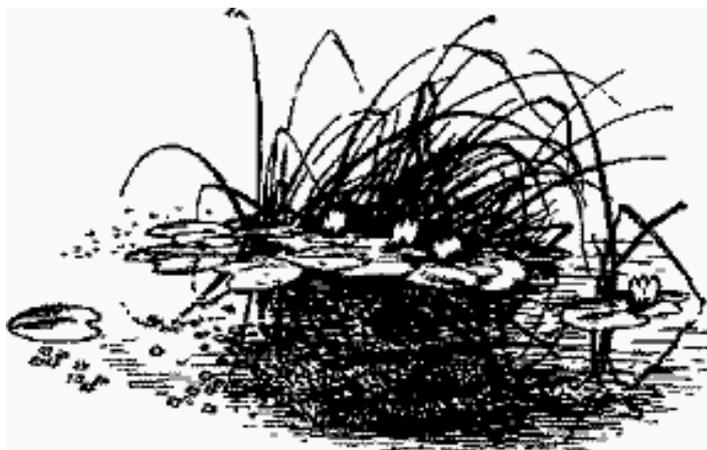
– Значит, там не продолжение этой таинственной молчаливой пещеры!

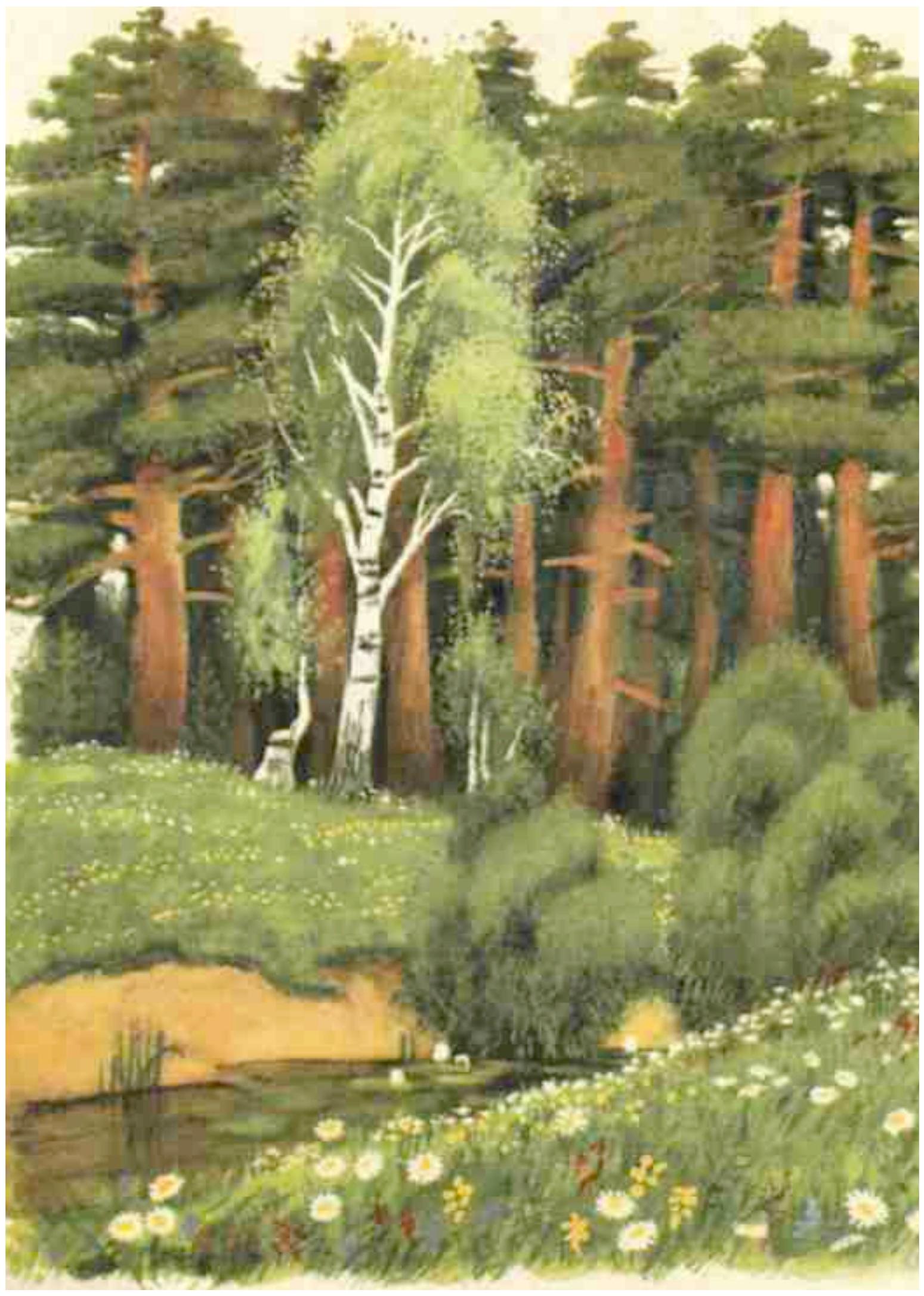
Тимка сначала осторожно («Не появился бы Хранитель Вит!»), а потом всё более решительно начал стучать в дверь

кулаками. При одном из ударов что-то непривычно звякнуло о дверцу.

– Это же браслет, который дал мне Хранитель Вит! И дверка сделана из такого же малахита, как один из камней браслета! Я, кажется, догадался, в чём загадка этой дверки! А ну, открывайся! – И Тимка поднёс малахитовый камень браслета к поверхности дверки. Но она не открылась и на этот раз. – Но недаром дверка из такого же камня, – упрямо шептал Тимка, внимательно – в который раз! – осматривая овальную массивную плиту малахита.

И не напрасно: на верху плиты едва заметное аккуратное четырехугольное углубление. «Такой же формы, как камень в моём браслете!» – догадался Тимка и решительно приложил браслет малахитовым камнем к дверке. Камень браслета как будто сам чуть выдвинулся и плотно вошёл в углубление. Раздался лёгкий треск, и... малахитовая дверка широко раскрылась. Не раздумывая, Тимка шагнул вперёд.

ЗА МАЛАХИТОВОЙ ДВЕРКОЙ

Не раздумывая, Тимка шагнул вперёд и замер: его ноги тотчас же увязли в иле. Он стоял на дне какого-то водоёма. Лучи солнца, падавшие сверху, пронзали воду, окружавшую его, золотисто-жёлтыми колоннами света. У ног вились гирлянды переплетённых водорослей. Поверхность воды была совсем близко от головы, примерно в полуметре. Тугими толстыми струнами поднимались из глубины стебли кувшинок и лилий; их круглые большие листья плавали над ним чёрными и зелёными пятнами. Тимка встал на цыпочки и поднял вверх руки – пальцы высунулись наружу. Но странное дело! Ему совсем не захотелось всплыть наверх: на дне озера было тепло и уютно.

Писк и скрежет, трещанье и уханье, шелест и скрип слились в общий гомон и после гнетущей тишины молчаливой пещеры оглушили растерявшегося Тимку. Он внимательно прислушался.

И вдруг обычное весеннее кваканье лягушек стало складываться в слова, слова во фразы...

– Завтра, завтра! Кваква! Если будет тёплая погода! Квакква! Завтра, если будет тёплая погода, я буду откладывать икру! Кваквика! Завтра! Уракуок!

– Не опоздай! Куовва! Куовва! – вторил первой лягушке басовитый голос второй. – Может – куок! куоковк! – может, лучше это сделать сегодня? Квакк! Кракк! Кекс! Уже тепло! Уже хорошо! Опоздаешь!

В этот разговор, напоминающий перекличку друзей в шумном зале, влетали другие слова, обрывки чужих разговоров. Приглядевшись получше, Тимка скоро обнаружил и самих говоривших. Это были большие лягушки, распластавшиеся у поверхности. Их почти не видно было – снизу белые брюшки сливались со светлой поверхностью воды. Лягушки лежали, высунув из воды лишь голову и свободно свесив вниз непомерно длинные задние ноги. Многие из них держались за краешки листьев кувшинок и лилий, а некоторые вылезли на листья и сидели, пригретые тёплыми лучами весеннего солнца.

«Вот так чудеса! – подумал Тимка, догадавшись, что попал на дно весеннего озера. – Вот так чудеса! Почему же я никогда раньше не понимал языка лягушек? Он, оказывается, такой простой и красивый! Хорошо бы выучить его как следует и научить ему всех ребят в классе! Куаккуакккуокк! Александр Македонский жил в четвертом веке до нашей эры. Вот здорово можно подсказывать!»

В Тимкиной голове моментально созрели дерзкие планы создания «Подсказцентра» и разветвлённой его сети под таинственным названием «Лягуш» – «ловкие, ясные, гибкие, умные, шмелые» (что такое «шмелые», Тимка и сам не знал, но всякому понятно, что очень похоже на «смелые»).

«Ребята нашего класса – „лягуши“ – будут переговариваться между собой только на лягушачьем языке, и никто не будет знать, о чём мы разговариваем!» – размечтался Тимка.

Его планы внезапно были расстроены парой крупных лягушек, которые нырнули вниз и неожиданно уселись у него на плече. Тимка почувствовал их холодное прикосновение и сразу же вспомнил, что он находится во владениях страшного и непонятного Хранителя Вита и, возможно, никогда не увидит ни своих приятелей, ни родителей, если не найдет каких-то таинственных законов, о которых так противно пел этот берёзовый старикашка, растворяясь в пещере.

А чудеса кругом продолжались. Впрочем, всё происходящее казалось чудом только для Тимки: кругом шла та обычная жизнь, которая незаметна нелюбознательному глазу и мимо которой и ты, читатель, с друзьями и один каждый год весной проходишь безразлично мимо. Необычно было, пожалуй, только то, что в царстве Хранителя Вита что-то странное творилось со временем: Тимка пробыл здесь несколько минут, а для обитателей озера прошло много часов. Те две симпатичные лягушки, которые сидели у него на плече, вскоре отплыли на место помельче, поближе к берегу. Они долго невнятно переквакивались между собой (было далеко, и Тимка не разбирает всех слов), наконец, обхватив друг друга лапами, застыли в странной, скрюченной позе. Тимка не знал, сколько ещё пролетело времени, пока он был в озере (для него прошло не больше минуты), когда он увидел около лягушек небольшую кучку мелких шариков с темными пятнышками посередине.

– Да они, оказывается, откладывают икру! – сообразил наконец он. – Но почему она такая мелкая? Ага! Вот в чём дело! Оказывается, икринки набухают после того, как попадают в воду! Почему я этого раньше никогда не видел? Интересно, сколько же

икринок в этом комке? Наверное, штук сто, не меньше. Дай-ка посчитаю поточнее...

Тимка запустил руку в комок икры и пересчитал икринки, оказавшиеся на ладони. В одной только горсти их было около сотни, а таких горстей в комке несколько десятков.

– Вот тебе и сотня! Да тут не меньше нескольких тысяч! – решил он и тут же засомневался в своих расчетах. – Что же это получается? – бормотал Тимка. – Одна пара лягушек даст несколько тысяч новых лягушек на будущий год. А сейчас взрослых я вижу лишь несколько десятков. Куда же денутся остальные сотни тысяч икринок?

Тимка никогда не был особенным любителем арифметики. Но тут его разобрало любопытство, и он принялся осматриваться кругом, решив подсчитать, сколько же он видит пар лягушек с икрой.

«Ква! Ква! Ква! Ква! Ква! Ква! Ква!»

Вот уже семь пар больших лягушек выпустили икринки недалеко от него, на теплом и мелком месте у берега. А вдали

кричало ещё много лягушек, которых Тимка просто не мог сосчитать.

– Эй! Кввуакк! Квуакк! Куакуаааааакуааак! Зачем столько икринок отложила ты, глупая? – неожиданно даже для самого себя громко проквакал Тимка вопрос, который так и вертелся на кончике языка.

Большая зелёная Рана Ридибунда – так звали эту красавицу лягушку – совсем не удивилась невежливому вопросу и прекрасно его поняла.

– Сам увидишь! Кеуккеуррк! Сам увидишь! Смотри и не болтай глупостей! Кауррок! Квуакк! А мне здесь делать больше нечего! Прощай! Куокуокккуорркуас!

Легким и изящным движением лягушка повернулась и плавно поплыла прочь в глубокую часть озера. На мелком месте остался большой комок икры, он плавал у самой поверхности и даже чуть выступал из воды.

– Ну и посмотрю – кваукк! куоккк! – что же будет дальше! Квааак! – немного обиженно проквакал Тимка ей вдогонку.

Всё–таки странные дела творились со временем во владениях Хранителя Вита. Пока Тимка в течение нескольких минут рассматривал да подсчитывал икринки для населения озерца, прошло не меньше нескольких дней. Зацвёли новые растения по его берегам, ближе к поверхности подтянулись водоросли, которые сначала вились у самого дна. Вода, нагретая солнцем, потеплела, и икринки заметно изменились. Большин–

ство икринок увеличивалось в размере, и скоро не чёрные точки, а скрюченные как запятые, маленькие существа, стали заметны в центре каждой икринки. Так было не со всеми икринками – в некоторых почему-то развитие шло медленно, а другие совсем, видно, погибли: помутнели, заволоклись белесой пленкой.

Комок икры плавно колебался вместе с легкими волнами, чуть переворачивался, словно неуклюжее живое существо. Отвернулся Тимка на какое-то время, чтобы посмотреть, что делается вокруг, а когда взглянул снова на свой комок, увидел нечто ужасное: на икру напали два больших, плоских, глянцевых и чёрных жука-плавунца. Мощные челюсти работали без остановки, и лишь остатки прозрачных оболочек икринок летели в разные стороны.

«Если бы пропадали только мёртвые, погибшие икринки, было бы не жалко!» – подумал Тимка, наблюдая это страшное побоище.

Наконец он не выдержал и осторожно пальцем отогнал плавунцов от икры. Но тут же появилась новая опасность: откуда ни возьмись, налетели, точнее, наплыли стрекозиные личинки – тоже страшные подводные хищницы. У этих милых особ челюсти были посильнее и пострашнее, чем у плавунцов: снова остатки разодранных икринок дождём полетели в разные стороны. Пришлось Тимке и тут вмешаться; защищая свою подопечную икру.

Запятые в икринках тем временем стали уже двигаться: то выпрямятся, то согнутся, то выпрямятся, то согнутся. И осталось, конечно, уже не столько, сколько было вначале: штук сто не стали развиваться вообще, помутнели, штук сто съели плавунцы, штук двести разорвали и поранили стрекозиные личинки.

«Если дело пойдет и дальше так, то скоро от моей икры ничего не останется», – подумал Тимка.

Но он не знал ещё, какая новая беда надвигается. А беда буквально свалилась с неба. На утренней заре на мелководный заливчик опустилась стая диких уток. Тут–то и начался настоящий утиный пир, а на Тимкин взгляд – страшное икряное побоище. Тимка в ярости схватил за ноги проплывающую над ним утку. От неожиданности та подняла ужасный крик. Мгновение – и перепуганная стая взмыла вверх.

– Убирайтесь прочь! – И Тимка погрозил им вдогонку кулаком.

А что же с икрой? И он с грустью отметил, что в его комке уцелело не больше сотни икринок. С другими кладками дело обстояло и того хуже: тут и там плавали маленькие кучки икры по

несколку штук в каждой. Но это был ещё не конец несчастьям. К полудню поднялся сильный ветер. Волнистой рябью покрылось озеро. Волны лизали жалкие островки икры и легонько, будто играючи, подталкивали их всё ближе и ближе к берегу. Новый порыв ветра, всплеск волны – и икра лежит на сухом берегу. Лишь Тимкин комок уцелел, ветер был добр к нему. И когда озеро стало мелеть под тёплыми лучами весеннего солнца, ветерок отогнал икру на более глубокое место.

– Ура! Наконец–то появились головастики! – обрадовался Тимка, увидев, как из икринок, разрывая прозрачную оболочку, выплывали маленькие продолговатые существа.

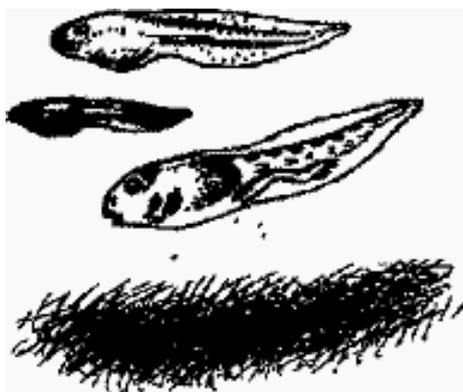
Странные это были существа. Как ни старался рассмотреть их Тимка получше, ни глаз, ни ног найти не мог. Только длинное тело с толстой головой да смешной хвостик. Потыркались, потыркались эти безглазики в разные стороны и пристроились почти все на поверхности водорослей – кто на листочках, кто на стебельках. Кто повыше, кто пониже. Конечно, и тут не обошлось без жертв – налетали и плавунцы, и стрекозиные личинки, и даже рыбки мальки разевали свои пасти и глотали беззащитных лягушачьих детёнышей. А время идёт быстро: для Тимки полчаса, а для пруда уже неделя прошла. Сидели–сидели головастики на водорослях и начали потихоньку соскребать с них нежную зелёную кожицу.

– Ясно, – бормочет Тимка себе под нос, – значит, прорезался рот! А какие смешные роговые зубчики – настоящие тёрки... Таким зубатым самое время стать самостоятельными. Ну вот и хвост подрос, и жабры выросли – теперь и кислорода из воды можно вылавливать побольше, и плыви себе куда хочется!

«Ну уж теперь–то не пропадёте!» – думает Тимка, радуясь за своих питомцев.

Не тут–то было. Чем больше становятся головастики, тем вкуснее, видно, делаются для всякой другой живности в озере.

Раньше только подводная мелюзга на них нападала, а теперь и кто покрупнее за разбойное дело принялись. Щурята да окунишки даже специальные охоты на головастиков устраивают. Бросятся головастики поближе к берегу, а тут на них кулики да утки нападают.

– Ну уж это слишком! Каукккауккквекк! – сердито закричал Тимка на большого Рана, подбиравшегося к головастику с явным намерением проглотить его.

Об этом огромном зелёном Ране Тимка уже слышал от обитателей водоёма. Он был самым рослым в лягушачьем мире. Оказывается, Ран не только любил охотиться на мух и комаров, высиживая в засаде и ловко хлопая языком, но он каждый год не пропускал того времени, когда головастики подрастают и собираются в стайки под большими листьями лилий. Тут–то он и нападал на них, нисколько не смущаясь тем, что это были его родственники. Спасались только самые проворные и осторожные, которые вовремя замечали приближение Рана и успевали удрать и замереть неподвижно под самым листом или затаиться в глубине у дна.

Тимка замахал руками и решительно двинулся на Рана. Тот с удивлением поглядел на Тимку и недовольно заквакал, отплывая в сторону.

«Ну, теперь я, кажется, понял, почему у лягушек так много икры! Если бы икринок было мало, они все бы и погибли в

первые же дни жизни, – подумал Тимка, – а так, наверное, хоть несколько да дорастёт до взрослых лягушек...»

Только он это подумал, как наступила мёртвая тишина, пропало озеро с его лягушачьим царством и пожирателями головастика, потух солнечный свет, и Тимка непонятным образом, сухой и невредимый, оказался в Пещере Времени Года, откуда он начал своё путешествие за малахитовую дверцу.

НОВАЯ ЗАДАЧА

В пещере по-прежнему было тихо, светила летним солнцем одна стена, голубела весенним небом другая, переливалась осенними красками третья, и искрилась снежными шапками четвертая. Пожалуй, всё было в пещере точно таким же, как и в тот момент, когда Тимка шагнул за порог малахитовой дверцы. Но нет, кое-что изменилось: невидимая прежде за ветвями кустов малахитовая дверка, через которую Тимка недавно прошёл в весеннее озеро, чётко выделялась в стене.

– Кто-то что-то увидел, кто-то что-то отгадал!

Тимка вздрогнул от неожиданности, услышав сверху знакомый тонкий, писклявый и слегка шамкающий голосочек; в тишине подземного зала он раздавался очень чётко, и слышно было каждое слово. Сверху, увеличиваясь с каждой секундой, спускался к Тимке Хранитель Вит, в своём берестяном плаще, ярко-зелёных чулках и больших жёлтых деревянных ботинках. Он не двигал ни рукой, ни ногой, только его серебристая борода слегка колыхалась от движения воздуха.

– Всё видел, всё знаю, можешь не рассказывать про головастика! – не давая сказать ни слова Тимке, заговорил

старичок. – Кое–что увидел с моей помощью в болоте – и очень хорошо! Знаешь, теперь так трудно живётся головастикам весной и летом. Ну–ка скажи мне: зачем Рана столько икринок откладывает? Зачем? Зачем?

Теперь Тимка не особенно боялся Хранителя Вита и быстро, как на уроке, ответил:

– Очень много икринок и головастиков погибает. Если икринок будет мало, их всех съедят плавунцы, стрекозы, утки, лягушки, рыбы...

– Правильно, – прервал его Вит, – посмотри на браслет. Тимка взглянул на браслет и увидел, что малахит браслета стал чуть–чуть прозрачным и в нём что–то двигалось. Он поднёс браслет ближе к глазам и ясно различил в глубине камня большого неуклюжего головастика, слегка шевелящего хвостом. Этот оживший камень в браслете резко отличался от остальных – красивых, переливающихся разными цветами и оттенками, но холодных и неподвижных.

– Ну, я пошёл по другим делам! Посмотрю, что будешь делать дальше! Посмотрю, что найдёшь ещё! А мне некогда тут рассиживаться. Только помни: не узнаешь, не найдёшь, не поймешь – пропадёшь!

Не узнаешь – пропадёшь!

Не найдёшь – пропа...

Не пой... – про...

Голос Хранителя опять замер где–то вверху пещеры, и вновь наступила гнетущая тишина.

– Ну, если я не пропал за первой дверкой, то почему бы не попробовать найти остальные? – вслух проговорил Тимка, чтобы подбодрить себя в этой молчаливой пещере. – Теперь мне всё ясно: надо искать новую дверку и узнавать, что там делается...

Вот, наверное, следующая дверка должна быть на этом месте стены, здесь как будто тропка какая-то проходит. – Разговаривая так сам с собой, Тимка внимательно разглядывал каждую травинку, каждый камешек на стенке у основания пещеры, где ему почудилась тропинка.

Ага! Есть тропинка незаметная, вот она стала побольше... Тимка шагнул прямо в стену, она чуть отодвинулась, тропка обозначилась яснее, яснее, и вот на тебе! Дверка! Ну конечно же, снова каменная дверка!

«Ишь ты, какая она на этот раз красивая – жёлтоватая, с коричневыми и чёрными прожилками! И опять без единой трещинки или щелки. Ни петель, ни ручек нет. А ну-ка, какой камешек из браслета подходит к ней?»

Тимка повертел браслет на руке и обнаружил чудесный кусочек пёстрой яшмы, который как раз подходил по цвету к этой дверце.

– Надо теперь найти место, куда приложить этот камень... – увлеченно шептал он. – Сверху вроде ничего не видно, внизу тоже нет подходящего углубления. Постой-ка, – скомандовал он сам себе, – а здесь, на боку дверки, что за щербинка? Не это ли замочная скважина для моего камешка?

Так и было: стоило Тимке вставить браслет кусочком яшмы в эту выемку, как дверка бесшумно открылась, и Тимка смело шагнул вперёд, навстречу новым приключениям.

Шагнул и опять, как в прошлый раз, замер, поражённый. Он-то собирался ещё долго бродить по подземным лабиринтам пещеры, отгадывая загадки Хранителя Вита, а тут прямо перед ним стояла... их дача. На террасе хлопочет бабушка, видно, готовит обед. Мамы нет, ещё не приехала из города, да и солнце высоко – греет сильно, до обеда осталось часа два, не меньше.

– Вот чудеса! Уж не приснилась ли мне пещера Хранителя Вита? Баабушка! Бабаа!.. – позвал Тимка. – Да послушай же! –

закричал он во весь голос, видя, что бабушка даже не повернула головы на его голос. – Бабушка! Я такое видел!

Забыв обо всем, Тимка рванулся в сторону с дорожки прямо к террасе... и не смог сделать ни шагу. Нет, ноги не прилипли, и никто не тянул сзади, просто он не продвинулся ни на шаг вперед, хотя все мышцы работали, ноги вроде бы бежали и всё было совершенно нормально. Чувствуя неладное, Тимка рванулся ещё сильнее, но результат был тот же: дача с бабушкой стояла рядом, в нескольких метрах от него, но сколько он ни бежал, ни на сантиметр не продвигался вперед. Тимка хотел было испугаться, но неожиданно для себя рассмеялся, подумав, как нелепо выглядит он со стороны, дрыгаясь на одном и том же месте.

«Ладно, рано или поздно бабушка посмотрит в мою сторону и увидит меня! Она уж что-нибудь придумает, чтоб вытащить меня отсюда. Не может быть такого, чтобы сила старикашки распространялась и на неё тоже, – с надеждой подумал Тимка. – Надо, пожалуй, помахать посильнее руками, чтобы бабушка увидела».

Он сначала махал руками, потом, сняв с себя майку, принялся размахивать ею. Безрезультатно. Бабушка раза два посмотрела в его сторону, но, наверное, ничего не заметила, потому что спокойно продолжала что-то делать на террасе. Между тем Тимка устал, и постепенно его восторг по поводу неожиданного возвращения домой сменился унынием: он остаётся в плену у Хранителя Вита.

– Посмотри на меня! Посмотри на меня! – до Тимки донесся слабый голос.

Тимка удивленно оглянулся кругом, но никого, кто бы мог его позвать, не увидел.

– Посмотри на меня! Посмотри на меня! – снова и снова прозвучали тихие слова.

Звуки были приглушенные, шелестящие и неслись откуда-то снизу. Тимка сел на корточки и с ещё большим вниманием стал оглядываться кругом, чуть не носом ползая по дорожке и по траве рядом. Опять никого.

– Куда посмотреть? Куда? Кто ты?! – не выдержал Тимка и, к своему ужасу, прошелестел, а не проговорил эти слова.

– Ну вот и хорошо, что ты заговорил на нашем языке, – донеслось откуда-то сзади.

Он быстро обернулся и не увидел никого, кроме двух приземистых кустиков подорожника, пристроившихся у края дорожки, там, где ещё не начиналась высокая трава.

Именно от них и неслись шелестящие звуки, складывающиеся – как это ни странно! – в ясные и чёткие слова.

– У меня есть что сказать тебе! Есть что сказать, пока ты понимаешь наш язык.

– Подорожник разговаривать не умеет! Не обманывайте меня!

– Ну, разговаривай тогда с кем хочешь, посмотрим, кто тебя поймет! Ведь ты кричал своей бабушке, – услышал он в ответ, – и она тебя не услышала и не поняла! А попробуй позови эту берёзу!

Невольно подчиняясь совету, Тимка позвал берёзу, стоящую у дома:

– Здравствуй, берёза! Ты меня понимаешь?

– Здравствуй, Тимка! Но мы с тобой уже виделись сегодня много раз! Почему ты мне раньше никогда не говорил «здравствуй»?

Тимка прикусил язык от удивления: «Ну и ну! Видно, в самом деле я разговариваю на языке растений! Но ведь у растений нет языка, нет слов и нет речи – это–то я отлично знаю!»

– У кого на руке волшебный браслет, тот знаком с Хранителем! – словно отвечая на его мысли, прошелестела берёза. – Только Хранитель Вит понимает наш язык, только он может разговаривать с нами. Он или его друзья с волшебным браслетом. А всё–таки неплохо, когда тебе говорят «здравствуйте»! – берёза зашелестела тысячами своих листочков, закачала ветвями и снова замерла, греясь на солнышке; казалось, что она задумчиво улыбается.

– Ну кто был прав? – услышал Тимка снизу голос подорожника. – Я тебе что говорил? Хватит удивляться, а

расскажи–ка мне лучше, зачем ты у меня вчера оторвал целый лист! Зачем?

– А я обрезал палец осокой и не хотел показывать ранку бабушке – она бы залила её йодом! Вот ты не знаешь, как щиплет йод, когда им мажут свежий порез?!

– Зато я знаю, как бывает больно, когда отрывают целый лист! – недовольно зашёлестел подорожник. – А главное, лист мне очень нужен в эти дни. Вот оторвать бы у тебя руку или ногу!

– Нет, пожалуйста, не надо об этом говорить, – зашептал Тимка, с испугом оглядываясь по сторонам и невольно ощупывая рукой карман: здесь ли его пинцет? – Я тоже знаю, как бывает плохо, когда у тебя отрывают руку или ногу. А ты жадина! Ведь у тебя много листьев, зачем их столько?

– Ты разве не знаешь, что без листьев я не могу жить? Как бы я дышал без листьев? Откуда бы у меня взялись силы для жизни, если бы не мои зелёные листья, которые так хорошо ловят солнечные лучи? А особенно нужны мне эти силы теперь. Посмотри, сколько на мне цветов, их всех надо выкормить и вырастить из них хорошие семена!

– О каких цветах ты говоришь? – с удивлением зашёлестел Тимка. – Я не видел никогда цветов на подорожнике. И сейчас я вижу только какие–то зелёные крысиные хвостики, торчащие вверх между листьями!

– Сам ты крысиный хвостик! – с обидой прошелестел подорожник и замолчал. Помолчав немного, он продолжал обиженным голосом: – Посмотри на мой замечательный колосок на крепкой высокой ножке! Посмотри, какие чудесные цветы сидят на этой ножке, какие у них красивые тычинки с большими коричневыми пыльниками!

Тимка наклонился пониже и – что бы вы думали? – увидел, что высокий стебель подорожника в самом деле весь плотно усажен мелкими цветами. Он–то думал раньше, что это какие–то

чешуйки, а на самом деле это были цветы с прозрачными лепесточками, с большим длинным пестиком и четырьмя нежными тычинками в каждом. Тычинки были полны пылью, и от каждого покачивания она слетала с них маленьким коричневым облачком. В верхней части колоса цветочки ещё не распустились, в средней из каждого торчал только пестик, а полностью раскрытые цветы были только в нижней части колоска; самые нижние цветы, видно, уже отцвели и чуть побурели.

– Прости, пожалуйста, меня, – начал оправдываться Тимка, – но я на самом деле никогда раньше не думал, что у тебя столько цветов!

– Вот тебе и «не думал»! Смотреть надо внимательнее вокруг себя! Ты ещё и не знаешь, сколько у меня семян бывает! В каждом цветке штук по семь–восемь, а во всём колоске их несколько тысяч! Теперь понимаешь, что выкормить столько цветов мне трудновато! А тут ещё ты со своей болячкой оторвал самый лучший листок.

– Постой–постой! Зачем же тебе выкармливать столько семян? Ну у лягушек, я понимаю, жизнь тяжёлая – пока ещё дорастут до больших, так их останется из тысячи одна–две. А у тебя–то, у тебя какие заботы? Расти себе и расти! Дождя не боишься, солнца не боишься, ветра не боишься. На тебя даже наступать можно сколько хочешь – вот на самой дорожке растешь и хорошо себя чувствуешь! – стал стыдить Тимка очень уж, по его мнению, расхныкавшийся подорожник. – Никто тебя не ест – наверное, ты невкусный. В букеты тебя не собирают – ты не очень красивый. Косой тебя не косят – слишком маленький...

– Всё это так, а жизнь всё равно очень трудная! – начал оправдываться подорожник. – Во–первых, тесно очень: смотри, сколько других растений кругом растёт – им всем надо и место наверху для листьев, и место в земле для корешков. Во–вторых,

для того чтобы вырастить здоровые семена, надо, чтобы на мои зрелые пестики попала пыльца с других подорожников. А тут то ветер подует не вовремя и пыльцу принесёт тогда, когда у меня пестики ещё не готовы; то дождь пойдёт и смоеет пыльцу; то жучище прилетит какой-нибудь неуклюжий – столько пестиков обломает да цветков повредит, что уж лучше бы не прилетал, не приносил на себе пыльцу с других подорожников. Посмотри-ка внимательнее на колосок. Видишь, сколько пустых цветочков? Отцвёли, а семян не завязалось!

– Да что я тебе всё рассказываю, – продолжал шелестеть подорожник, – сам можешь увидеть всё: ты же с волшебным браслетом. Выбери несколько семечек на моём колоске да посмотри, что с ними будет.

«Было бы здорово посмотреть, что будет с семенами! – подумал Тимка. – Вот, например, что будет с семенами из этого цветка? Сколько их тут? Ага, штук восемь! Вот и посмотрю...»

Только он так подумал, как время для подорожника чудесным образом побежало невероятно быстро. Вот уже перед ним на дорожке и наступила осень, подул ветер, семечки из колоска рассыпались в разные стороны. Тимка внимательно смотрел на выбранные им семена – они все легли недалеко друг от друга. Четыре попали на дорожку, два отлетели вбок и упали между травинками, одно упало прямо вниз, между листьями подорожника (там скопилось много семян), а последнее закатилось в щель между двумя небольшими камешками.

«Ну всё-таки, – подумал Тимка, – шесть семечек в хорошие места попали, наверняка из них вырастут новые растения».

А между тем на дорожке появилась группа маленьких рыжих муравьёв. Их членистые усики-антенны непрерывно двигались из стороны в сторону, выискивая, что бы можно утащить в муравейник. Два последних муравья уже тащили какую-то упирившуюся гусеницу.

Вот передовой муравей заметил семечко подорожника, лежащее на дорожке. Он замер, словно обдумывая что-то, потом тщательно ощупал его усиками-антеннами и решительно схватил челюстями. Чуть отставший товарищ его немедленно юркнул вправо – нет ничего; влево – ага, есть, и ещё такое же! – и без колебаний схватил второе семечко. Тимка с замиранием сердца следил за третьим муравьем. Но тот не заметил других семян, лежавших поодаль, и пробежал мимо.

Пошёл густой осенний дождь. Скоро на дорожке появилась тонкая струйка ручейка, которая всё росла, набухала, и наконец один берег потока подобрался к третьему семечку. Струйка воды подхватила его, лениво крутанула и понесла с тысячью других семян и мусоринок куда-то вдаль.

«А что же с другими семенами?» – подумал Тимка и стал рассматривать, что происходит с остальными.

Между тем наступила зима, и рассматривать особенно было нечего – всё покрылось снегом. Тимка не испугался, он уже привык, что в этом мире Хранителя Вита можно наблюдать за происходящим, как будто за прозрачной стеной, как в аквариуме. На вот уже весеннее солнышко растопило снежную корку, и Тимка с облегчением обнаружил, что два семечка, которые попали между травинками, спокойно принялись расти навстречу теплым солнечным лучам. Проросли и два семечка, оставшиеся на дорожке.

«А из-под камней никакого росточка не показалось, — отмечает Тимка, — наверное, слишком глубоко провалилось семечко. Не проросли и семена, скопившиеся между листьями старого подорожника: здесь было так много семечек и так влажно от воды, что они все, видно, сгнили».

Четыре оставшиеся растения быстро набирали силу: вот уже развернулись розетки листьев около земли. Особенно славно росли и те, что поближе к середине дорожки — вот-вот появится и цветоножка с цветками. Но тут случилось непредвиденное — откуда ни возьмись, пришёл сам Тимка с метлой (странно было Тимке смотреть на себя со стороны) и вырвал с корнем это самое большое из оставшихся, а на крайнее у дорожки наступил так сильно, что все листья его поникли и только что появившийся колосок с цветами сломался.

«И зачем это я протопал по краю дорожки!» — с огорчением подумал Тимка и принялся искать среди густой травы два последних растения. Их легко было найти в траве — рядом с ними поселился погребок. Его светло-зелёный стебелёк хорошо выделялся среди других темно-зелёных растений. Двум малень-

ким подорожникам, конечно, тесно было в траве, и даже их розетки не расстилались по поверхности, а торчком поднимались вверх. Но листьев у них было много, и вот–вот оба должны были зацвести.

Да, казалось, что они вот–вот зацветут, а вместо этого оба цветка стали быстро желтеть, чахнуть, вот и листья их повисли бессильными тряпочками, и оба растения погибли. А погремек рядом расцвёл пышным цветом.

«Вот тебе и хорошая жизнь! Ни одного семечка из моих подопечных не успело вырасти до взрослого растения! – рассердился Тимка. – Почему же погибли два последних подорожника? Сейчас раскопаю и посмотрю, что там делается».

А под верхним слоем земли крепкие корешки погремка густо оплели корешки подорожника, срослись с ними и тянули соки из них.

«Ну конечно, разве выживёшь рядом с таким бессовестным паразитом! Но как же тогда вообще ухитрится выживать подорожник – ведь у него столько неприятностей в жизни?! Пожалуй, действительно и подорожнику живётся не проще, чем лягушкам... И недаром столько семян приносит каждое растение. Из всех этих тысяч, хорошо, если выживут несколько... Эге–ге! А что было бы хорошего, если бы все семена выросли? – начал спорить сам с собой Тимка. – На следующий год от одного вырастет несколько, через год от нескольких этих – несколько раз по столько, и скоро весь сад зарос бы только одними подорожниками! Во–первых, в этом ничего хорошего нет, а во–вторых, им тогда бы пришлось воевать друг с другом за землю, воду и свет... Вот и правильно выходит, что гибнет много семян...»

Не успел Тимка закончить свой спор, как вновь оказался посредине Пещеры Вре́мён Го́да на густом моховом ковре. Как сюда попал – не понимает, но обрадовался, будто домой вернулся:

– Ага, значит, пока всё правильно узнаю!

Оглянулся кругом: ничего в пещере не изменилось. Тихо кругом. Не выдержал этой тишины Тимка, закричал:

– Дедушка! Хранитель Вит!

Прокатилось по пещере эхо, и полная тишина снова обступила Тимку.

– Что делать мне? Куда теперь идти? – опять вслух, но потише произнёс он, обращаясь скорее к себе: ему приятно было слышать свой, человеческий голос, а не шелест листьев, несущийся изо рта.

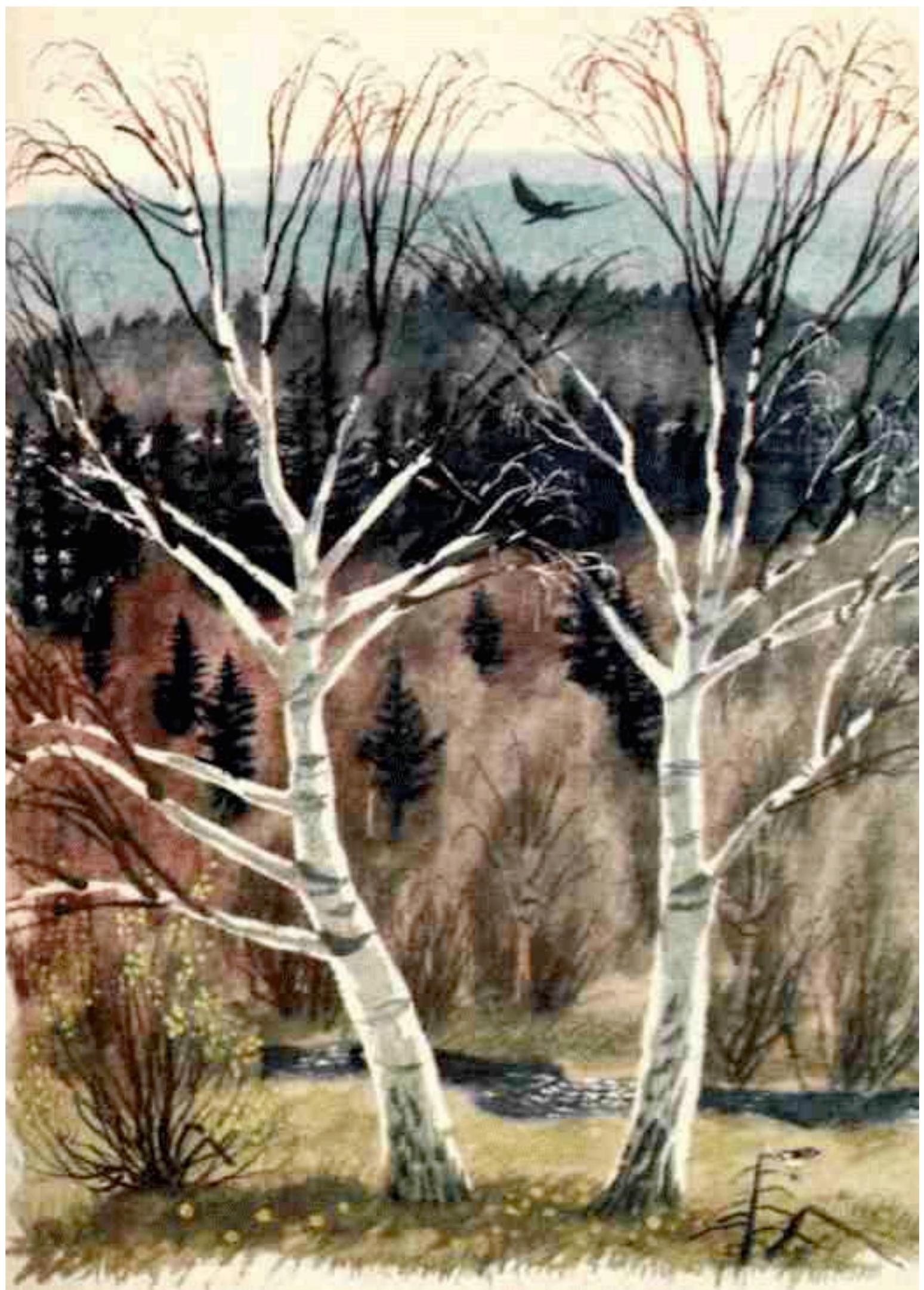
Тимка взглянул на браслет. Рядом с малахитовым камешком ожила, заструилась жилками поверхность яшмы. Казалось, на ней вырос подорожник, слегка покачивая своим высоким колоском.

«Эх, жалко, так и не сумел поговорить с бабушкой, предупредить, что могу опоздать к обеду! Вот будет нагоняй от мамы! – подумал Тимка, но тут же спохватился: – Ещё неизвестно, смогу ли я вообще выбраться отсюда, от этого таинственного Хранителя Вита».

Однако, скажем прямо, последняя мысль теперь не доставила Тимке особенного огорчения, и он подумал об этом скорее по привычке, а совсем не потому, что ему хотелось поскорее отсюда выбраться. Наоборот, любопытство, этот извечный друг и враг человечества, захватило его в плен и повлекло за собой.

«Что же скрывается за другими камнями браслета?» – только этот вопрос назойливо крутился в голове. Но молчали и агат, и янтарь, и сапфир, и мрачно темнел гранат, и даже тигровый глаз, казалось, зажмурился...

– Где же искать следующую дверцу? Наверное, камень–ключ от следующей дверки должен быть либо рядом с малахитом, либо рядом с яшмой, а значит, это янтарь или агат!

КТО ДОЛЖЕН ЗДОРОВАТЬСЯ ПЕРВЫМ

– Агат или янтарь... Агат или янтарь... – вслух размышлял Тимка.

Где же могут скрываться такие дверки в стенах пещеры? Он ещё раз внимательно посмотрел на браслет: рядом с малахитом чёрнел агат, а рядом с яшмой матово переливался жёлтоватый янтарь.

– Предположим, жёлтых, янтарного цвета, дверок много может скрыться на осенней стене за жёлтыми листьями, их там и не увидишь... издали... Да и всю стенку осеннюю никогда не просмотришь как следует – очень уж она велика и высока... Пожалуй, лучше поискать чёрную дверку... Но где же может скрываться в пещере чёрная дверка? На зимней стене вроде бы нет чёрного цвета... На летней стене тоже нет... На осенней опять же ничего чёрного не видно, и на весенней не должно быть... Не должно быть, не должно быть, – на разные лады запел Тимка, чтобы подбодрить себя звуками собственного голоса. – Не должно быть, не должно быть... Ну хоть немножечко бы чёрного найти где-нибудь! – в порыве огорчения вскрикнул он. – Хоть немножечко! Вот никогда не думал, что в лесу нет нигде чёрного цвета! Как же нет чёрного! Какой же я осел! А на берёзе чёрные пятна есть? Есть! Ну-Ка, где здесь берёзовый ствол? Ну разве я не говорил! – торжествуя завопил Тимка, обнаружив на стволе большой берёзы, что стояла у весенней стены, большие чёрные полосы и метины. Они-то и придавали белоствольной берёзке её неповторимый узор, по которому всякий издали отличит берёзовый ствол от покрашенного столба. – А теперь посмотрим, не скрывается ли за чернотой агатовая дверка? – внимательно осматривая ствол берёзы, приговаривал Тимка. – Нет, только кора чернеет здесь; сразу видно, лопнула, когда берёза стала большой

и толстой. Вон там, вверху, что-то уж очень много чёрного... Не дверка ли?

Пришлось вскарабкаться по сучкам повыше. Ствол берёзы стал гладким и без трещин, а самые большие чёрные пятна располагались только в тех местах, где от ствола отходили толстые ветки. Тимка был так уверен, что где-то здесь должна скрываться агатовая дверка, что даже не особенно обрадовался, когда нашёл её за толстым корявым суком.

– Дальше всё уже просто, – продолжал рассуждать Тимка, – найти надо впадинку на поверхности дверки... Ага, вот она здесь, теперь сверху; вставляю агат из браслета в эту впадинку, и вот она открывается... Айяйяй! Держите меня, я падаю! – в страхе закричал Тимка, почувствовав, как ноги провалились в пустоту, и отчаянно замахал руками, будто крыльями.

Земля, покрытая кустарником и небольшими ёлками, была далеко внизу. Он сидел верхом на большом и толстом берёзовом сучке на вершине огромной старой берёзы и балансировал, чтобы не свалиться. На развилке соседних веток, что росли чуть пониже, у самого ствола, прочно лежало на первый взгляд бесформенное сооружение из сучков. Оно было большое и круглое, наверное, не меньше чем в половину Тимкиного роста. Сучки и ветки, лежащие в основании, были потолще и подлиннее, наверху – совсем тоненькие. Посредине было сделано овальное углубление, выстланное шерстью.

«Да ведь это же птичье гнездо!» – сообразил Тимка.

В центре, на шерстяной подстилке, лежали шесть голубовато-зелёных, с серыми отметинами крупных яиц. На краю стояла, привлечённая появлением Тимки, большая и совершенно чёрная птица. Верх головы, шея и поверхность крыльев отливали фиолетовым оттенком, на нижней стороне тела этот оттенок переходил в синеватый. Птица повернулась, слегка распустила

крылья, став величиной почти с Тимку, раскрыла острый чёрный клюв длиной с Тимкин палец и прокаркала:

– Я всегда говорила, что люди удивительно невежливые создания! Каакрукук! Кто должен первым здороваться: кто приходит или кто сидит на месте? Краакрук!

– Ну конечно, кто приходит! Это я хорошо знаю, – стал оправдываться Тимка, – но я чуть было не свалился с этой ветки, когда появился, и так испугался, что забыл поздороваться. Здравствуйте, меня зовут Тимка!

– Здрравствуй! Здрравствуй! Меня зовут Кора. Я о тебе знаю от Хрранителя Вита. Он прредупредил нас, что ты появишься и тебе надо будет показать нашу жизнь. Это хоррошо, это хоррррошо! Поживи с нами!

– А кто вы?

– Фу ты, глупый какой попался человек! Ты не узнал меня срразу, как увидел? Айай! А ещё сказки любишь! У бабы–яги кто

служил? Ивана–царевича кто выручал из беды? Воррррон!
Воррон я и есть.

– А я думал, что ворон – это чёрный самец вороны, – начал было Тимка, но его тут же гневно перебила Кора:

– Нет, вы только послушайте, что говорит этот человек! Воррон – это самец ворроны! Хаха! Кракра! Можно кракракнуть от смеха!

– Теперь я вижу, что вы побольше, чем вороны, и совсем чёрные, – не сдавался Тимка, покрепче ухватившись за сучок, который он оседлал.

В это время солнце, до того скрытое за облаком, выглянуло и осветило всё вокруг. Тимка даже удивился, до чего красивой оказалась Кора. Металлический отлив перьев, важная осанка и спокойная уверенность придавали ей совершенно царственный вид.

– И ещё вы очень красивые! Гораздо красивее вороны! – польстил Тимка.

– Эрр! Брррсь подлизываться, каждый из нашего рода – вороны, грачи, галки, сороки, сойки – хоррош по–своему. Но мы – самые большие и сильные.

Тень набежала на лицо Тимки, и не успел он оглянуться и сообразить, что происходит, как что–то огромное, чёрное накрыло его сверху, и сильнейший удар твёрдым острием пронзил затылок. В следующий момент крепкие крылья с силой ударили его справа и слева. Тимка завалился на правую сторону и почувствовал, что неудержимо сползает и вот–вот свалится с ветки вниз.

Удар! Ещё удар по голове! Тимка уже не чувствовал боли и лишь судорожно держался за сучок, думая только о том, как бы не свалиться с этой высоты. Руки были заняты, и он пытался слабыми поворотами головы увёртываться от ударов клюва. Но силы оставили его...

«Ну, всё, – обреченно подумал Тимка, – сейчас разобьюсь...»

Он повернул руку, в отчаянии в последний раз пытаясь покрепче ухватиться за сук, и в этот момент на солнце блеснул волшебный браслет. Удары сверху внезапно прекратились. Ветка закачалась и пригнулась под тяжестью большой чёрной птицы. Она миролюбиво уселась рядом с Тимкой на том же суку. Этот второй ворон был такой же красивый и, пожалуй, побольше, чем сидевшая на гнезде Кора.

– Краа! Краа! Ты чего сразу браслет не показал? Я подумал, что это какой-то хулиган лезет рразоррять моё гнездо.

– А я слышал, что среди образованных птиц, – начал наступление оправившийся от испуга и нападения Тимка, – первым полагается здороваться тому, кто приходит!

– Я решил, что ты враг, а с врагами не здороваются, а просто бьют. А вообще-то меня зовут Кора, – уже совсем миролюбиво сказал ворон. – Это о тебе говорил Хранитель Вит? Ну, считай тогда, что уже начал знакомство с нашей жизнью.

Тимка почувствовал, что у него истекают последние силы: онемели руки, ныла голова и он не может дольше удерживаться на этой тонкой, качающейся ветке. Он медленно повалился на бок и повис вниз головой, удерживаясь за сук одними только согнутыми ногами.

– Я, кажется, сейчас совсем упаду, – жалобно и тихо проговорил Тимка, ни к кому не обращаясь. – Я не привык долго висеть вниз головой на суку!

– Крак! Кр! Крх! – закаркала Кора. – Кора, помоги скорее мальчишке! Он сейчас и в самом деле полетит вниз, как сухой сучок и, наверное, так же как сучок, разобьётся на кусочки.

Обе птицы засуетились вокруг. Тимка почувствовал сначала взмахи сильных крыльев рядом, потом эти широкие крылья поддержали его, а жёсткие, твёрдые когти, смяв рубашку, слегка

процарапали спину. Лёгкий толчок – и вот Тимка уже удобно сидит в глубокой развилке берёзового ствола, наконец–то прочно опираясь спиной о твёрдую поверхность.

– Эpp! Кора! Ты что же забыла про яйца! – прокаркал Корака.

– Сейчас, сейчас, уже сажусь!

Немного повозившись на гнезде, Кора уютно устроилась, закрыв собой все шесть голубовато–зелёных яиц.

Солнце между тем клонилось к горизонту. Потянул холодный ветер, и Тимка зябко поёжился.

– Неужели вам не холодно на такой высоте! – спросил он, лязгая зубами.

– А ты разве замёрз? – тут же встрепенулся Корака.

– Чего зpppp спрашиваешь? Ведь на нём нет ни одного пёрppрышка, – откликнулась Кора. – Он голый, как наши птенцы, когда они только–только вылупляются из яиц!

– Пожалуй, прppридётся посадить мальчишку в наше запасное гнездо, которppрое мы в этом году не заняли, – прокаркал Корака. – Там должно быть ему теплее, чем на ветке беррёзы. – И, обращаясь к Тимке, продолжал: – Прppридётся тебе слезть с нашего дерppрева и взобрббрраться на соседнее. Согрppреешься, кстати, по пути.

Тимке пришлось немало потрудиться, спускаясь с большой берёзы. Но после пережитого страха быть сброшенным с ветки ему всё было нипочём; он смело преодолел все участки голого ствола, где спускаясь на животе, где подтягиваясь на руках.

Когда наконец Тимка спрыгнул вниз и ноги утонули во влажных прошлогодних берёзовых листьях, в лесу была весна, под берёзами расстилались большие проталины. Кое–где на окраинах лесных полянок ещё лежал снег и искрился на солнце, как крупный сахарный песок. А на пригретых солнцем местах уже торчали, как ёжовые иглы, острые зелёные травинки. Тимка с

удовольствием рысцой заспешил за Кораком, который медленно летел между берёзами.

– Давайка карррабкайся сюда, – прокаркал сверху Корака, сев на одну из берёз.

У подножия этой огромной берёзы Тимка увидел россыпь весенних подснежников.

«А в лесуто апрель», – подумал он.

– Ну и не апррррель ещё! Карр! Совсем ещё марррррт! – поправил его ворон, и Тимка даже не удивился; он уже привык, что в этом царстве Хранителя Вита другие иногда читали его мысли.

Подгоняемый желанием скорее отдохнуть, Тимка вскарабкался на высоченную берёзу и оказался у старого гнезда. Оно не выглядело обжитым, но в середине его сохранилось с прошлого года аккуратно выстланное шерстью углубление. «Наверное, пришлось потрудиться не один день Коре и Кораку, чтобы натаскать такое количество шерстинок!»

Гнездо было большое и прочное. Тимка не задумываясь уселся в него и оказался будто в большой войлочной шляпе. Корака сел рядом на край гнезда и прикрыл его своим большим теплым крылом. Тимка и сам не заметил, как заснул...

И снится Тимке сон. Его руки покрываются перьями, и вот они уже превратились в огромные чёрные крылья, с таким же металлическим отливом, как у Корака. Вся голова и его курносый конопатый нос вытянулись в длинный чёрный острый клюв. Он уже не лежит в тёплом гнезде, а со свистом рассекает весенний воздух высоко в поднебесье.

«Эх, как всё хорррошо! Как прррриятно быть ворррррроном! Жаль только, придётся теперь всю жизнь питаться падалью...» – с огорчением подумалось Тимке во сне.

– Вставай! Каа! Крааа! – услышал Тимка сквозь сон. – Вставай! Порра лететь на охоту!

Тимка открыл глаза и обнаружил себя сидящим в старом вороновом гнезде у вершины берёзы. На ней и на соседних берёзах появились листочки. Было раннее весеннее утро, чуть забрезжил рассвет. Рядом оправлял перья Корака, приговаривая:

– Скорее! Скорее! Пока доберёмся до места, солнце уже встанет! Тимка посмотрел на свои руки – слава богу, хоть перьев нет на них! Для верности он провёл рукой по лицу и потрогал свой нос: опять всё в порядке, нет клюва.

«Ну вот и придётся познакомиться с падалью», – мелькнуло у него в голове.

– Я полечу направо, – продолжал Корака, – а тебе придётся идти пешком. Не бойся, я тебя не упущу из виду и покажу дорогу. Мы пройдем лес в сторону восхода солнца, потом будет небольшая речка с лесистыми берегами. Там мы и будем охотиться. Запомни: поляны с небольшими берёзами... с небольшими берёзами...

На берегу реки оказались большие поляны, наверное оставшиеся от недавней вырубki. Молодые берёзки тут и там качали своими нежными ветками с только что распустившимися листочками. Когда Тимка с Кораком оказались на поляне, солнце едва встало и промозглая сырость пропитывала всё вокруг.

«Хорошо ещё, – подумал Тимка, – что нет высокой травы, а то быть бы мне насквозь мокрому от росы».

Осторожно приюхиваясь – не повеет ли откуда запахом тухлого мяса, – шёл Тимка между берёзок. Корака был где-то рядом: Тимка слышал тяжёлые взмахи его крыльев и треск веток.

– Как хорошо мы успели! Карр! Как хорошо мы успели! – тихонько каркал Корака, сев на тонкую берёзку, которая согнулась под его тяжестью.

Тимка с удивлением наблюдал, как Корака что-то схватывал на ветках и с видимым удовольствием глотал.

– Эгеге! Да это майские жуки! – наконец-то рассмотрел Тимка. И в самом деле, на тонких ветвях берёзок висели кое-где, крепко держась за веточки, серовато-коричневые лохматые жуки. Их было очень много, но схватить их было не так-то просто. Лишь прикоснёшься к ветке, как они тотчас же падают вниз, поджав лапки, а уж в жухлой прошлогодней траве, которая покрывала всю землю, сколько ни ищи – не найдёшь.

– Подожди здесь, – услышал Тимка карканье Корака, – я сейчас слетаю к гнезду и сменю Кору: ей тоже надо поесть, а здесь столько добычи!

Пока не прилетела Кора, Тимка занялся сбором майских жуков; он сначала расчищал под берёзой место от прошлогодней травы, а потом сильно качал тоненький ствол берёзы. С веток градом сыпались майские жуки, которых он поскорее собирал в свою майку, превращённую в мешок.

– Почему так долго нет Кору? – забеспокоился Тимка. – Наверное, что-то случилось! Надо скорей бежать обратно!

Схватив майку с жуками, он бросился в лес к знакомой берёзе.

– Кора! Кора! Что случилось? Почему не прилетели на поляну? – закричал он во весь голос, подбежав к гнезду.

– Не кричи так громко! У нас большая радость! Поднимайся скорее.

В гнезде Тимка увидел четырех голых, противных, мягких, розовато-синих птенцов. Два яйца лежали рядом целые.

Кора заботливо осматривала своё потомство и приговаривала:

– Какие они у меня хорошенькие! Какие хорошенькие! «Вот так хорошенькие!» – подумал про себя Тимка, но вслух протянул:

– Да, ничего птенчики! – боясь обидеть заботливую мать. И полюбопытствовал: – А что же с последними двумя яйцами? Ты их позже снесла?

– Не спеши! Подждём немного... – отвечала Кора, аккуратно переворачивая яйца клювом.

И вдруг на одном из них появилось маленькое отверстие, сквозь которое показался бугорок и замер...

– Ну нуну, – подбодрила Кора, – действуй скорее!

Бугорок не шевелился. Кора нежно тюкнула клювом по скорлупе, разбивая её вокруг отверстия. И вот из скорлупы появился мокрый комочек, в котором Тимка лишь с большим трудом мог различить крылья, голову, ноги. Птенец был заметно меньше братьев и, наверное, гораздо слабее их. Шестое яйцо осталось лежать неподвижно.

– Теперь уже ясно: из него ничего не выведется, – сказала Кора и выбросила яйцо из гнезда.

Пять маленьких голых птенцов копошились на дне гнезда.

– Кора! А почему твои птенцы такие голые? Вот у уток и куриц птенцы сразу бегают за матерью, – не мог скрыть своего любопытства Тимка.

– Чудак! Краа! Краа! Птенцы–то голые не только у нас, но и у всех птиц, которрые могут долго выкаркармливать их в гнезде. У куррропатов, тетерревов, глухарррей, перрепёлок нет своего постоянного дома. Как птенцы выведутся, всё семейство пускается в путешествие. Очень много птенцов прри этом гибнет, – терпеливо объясняла Кора, внимательно следя за птенцами. – Знаешь, сколько птенцов бывает у всех этих лесных курррриц? Штук по десять, а то и по пятнадцать, а вырастет, как и у нас, один–два...

– Неужели только один или два останется? Почему же вы, такие сильные, не можете сохранить всех своих детей? – удивился Тимка. – Ну, я понимаю, лягушки или растения там всякие приносят семян или икринок видимо–невидимо: они их и не охраняют... Но ведь вы самые, наверное, сильные птицы в лесу и такие заботливые... Не верю, что у вас останется только один или два детёныша. Не веррррю! Краак! – решительно закаркал Тимка.

– Тогда поживи ещё с нами... Кракра! – кракнула Кора. – Не веррришь? Посмотрришь, поверрришь...

– Ну, Кора, на старрости лет ты стала очень болтливой! Поррра за дело приниматься! Смотрри, сколько теперрь у нас ррртов! – решительно прервал их разговор Корак.

Тимка тоже взглянул в гнездо и увидел пять больших жёлтых раскрытых ртов, как большие жёлтые тюльпаны,

колыхавшиеся на неправдоподобно тоненьких шеях. Птенцы даже не умели ещё кричать, у них не было глаз, и они только тянулись и тянулись вверх навстречу родительским клювам. А в этих клювах пока ничего не было.

– А у меня есть целая куча жуков! – С этими словами Тимка протянул воронам свою майку.

– Как хоррошо! Хоррошо! – прокаркала Кора. – Я так и не успела слетать покормиться из-за этих малюток. – И она начала с жадностью глотать жуков.

– Скоррее! Скоррее, Кора! Полетим за кормом для маленьких! – опять вмешался Кора.

– Ты думаешь, мы можем лететь вдвоем? – спросила Кора. – А как же оставить одних птенцов? Одно гнездо без присмотра?

– Попрросим мальчишшшку посмотррреть за птенцами! Скоррее! Скоррее за коркормом!

Тимка залез чуть повыше гнезда и удобно устроился в знакомой развилке. Птенцы притихли и опустили головы, почувствовав, видно, что родители улетели.

Вскоре прилетела Кора и принесла каких-то мелких гусениц. Стоило ей коснуться края гнезда, как все птенцы встрепенулись и, как по команде, вытянули вверх раскрытые рты. Кора быстро положила в каждый из ртов что-то съестное и улетела. Прилетел Кора, всё повторилось в том же порядке. Но Тимка заметил, что рот птенца, который вылупился последним, всегда открывался позже и был чуть-чуть ниже, чем рты его братьев и сестёр. Правда, совсем чуть-чуть, но отцу и матери некогда было рассматривать, кому достаётся больше, – они только успевали класть добычу в тянущиеся рты. И конечно, самым бойким доставалось побольше.

Птенцы росли очень быстро. У них открылись глаза, их лысые тельца стали покрываться нежным пухом, а потом среди этого пуха появились первые пёрышки. А самый маленький так и

оставался самым маленьким: у него позже всех появились перья и день ото дня он становился всё слабее и слабее. Теперь уж ему и вовсе не доставалось ни кузнечиков, ни жуков, ни лягушек, ни гусениц: его сильные сверстники перехватывали всё прямо перед его клювом. И однажды утром Тимка увидал в гнезде не пять птенцов, а только четыре.

– Где же твой пятый птенец?

– Он погиб, – грустно вздохнула Кора, – и Корак отнёс его подальше от гнезда... У нас могут жить только самые сильные и выносливые... Сегодня мы с Корраком полетим за кормом подальше, посмотри, пожалуйста, за птенцами. Смотри внимательно, как бы чего не случилось... В случае опасности позови нас погромче.

– И что может случиться с такими большими птенцами? – размышлял Тимка. – Еду им приносят, ночью их согревают родители...

Тимка ещё раз внимательно посмотрел кругом. Вершина берёзы, на которой он сидел, равномерно покачивалась из стороны в сторону. Шелестела подросшая листва, внизу трещали дрозды, далеко куковала кукушка.

От нечего делать Тимка принялся сочинять песенку:

А куку, куку, куку,
Сидит Тимка на суку,
Вместе с птицами живёт,
Свои песенки поёт...

Тихо мурлыкая песенку, Тимка грелся в лучах солнца и думал, долго ли ему ещё придётся жить с воронами. Вдруг зашуршало внизу. Хрустнула и упала вниз сухая ветка. Тимка, привыкший улавливать всякие новые звуки в лесу, насторожился и замер, повернул голову в сторону долетевшего шороха. Чуть

пониже гнезда мелькнуло что-то рыжее. У Тимки сильнее забилось сердце и перехватило дыхание: он почувствовал недоброе.

«Чужой у гнезда! – сообразил он, когда второй раз, уже у самой развилки, увидел проворное рыжее тело величиной с кошку. – Опасность!»

– Скорее! Скорее! Кора, Кора! Кто-то лезет в гнездо!! Чёрная мордочка и два острых треугольных ушка показались на стволе берёзы, и длинное юркое тело метнулось в гнездо. В тот же момент сверху бесшумно как камень свалился ворон. Кто это был, Тимка не успел разобрать, так быстро всё произошло. На секунду гнездо скрылось за раскрытыми крыльями ворона. Пронзительный крик птенцов слился с клёкотом разъяренной птицы и шумом ударов. Ещё мгновение – и рыжее тело куницы скользнуло вниз по стволу, прочь от гнезда. Оба ворона ещё долго

преследовали разбойника, даже на земле набрасываясь на него и норовя ударить клювом.

– Кажется, опасность миновала, – перевёл дыхание Тимка. – Но почему тихо в гнезде? – И с замиранием сердца он заглянул внутрь. – Живы! Шевелятся! Раз, два, три... А где же четвёртый? Не может быть! Раз, два, три... Так и есть, только три птенца. Значит, вор ушёл с добычей, – повесил нос Тимка.

Не успел он как следует расстроиться, как оставшиеся птенцы уже подросли. Не забудьте, время в царстве Хранителя Вита шло удивительным образом: для Тимки проходила минута, а вокруг него могли пролетать недели.

И вот настало время, когда трое из оставшихся птенцов вылетели из гнезда. Теперь Кора и Корак охотились вместе со своими детьми. Тут Тимка узнал, что вороны едят не только насекомых и лягушек. Они работают лесными санитарями – уничтожают падаль. Научили взрослые вороны своих детей и разыскивать гнезда мелких птиц, и вытаскивать оттуда яйца, а если подвернется случай, то выхватывать и птенцов. Показали, как нужно охотиться на больших рыб, неосторожно поднимающихся к самой поверхности реки.

Но, конечно, самой интересной была совместная охота на полёвок на соседнем ржаном поле. Там к концу лета в этом году в огромном количестве развелись полёвки.

Эта охота на полёвок была увлекательным состязанием в ловкости и быстроте. Птицы садились на вершину стога и терпеливо ждали, когда какая-нибудь жирная глупая полёвка побежит от одной кучи хлеба к другой. Тут всё решала быстрота крыльев: успеешь – и в когтях добыча, чуть зазеваешься – сиди жди снова. Время кругом летело быстро. Только прошли осенние дожди, как по лесу уже полетели снежные мухи, инеем покрылась жухлая бурая трава.

Зимой с едой стало потруднее, частенько вороны голодали. Пришлось им перекочевать поближе к жилищам человека, где можно было поживиться на задворках скотобойни. В январе завернули самые жестокие морозы, а уже солнце нет–нет да и взглянет по–весеннему, И вороны, наверное самые первые птицы в лесу, почувствовали приход весны.

– Крааааа! Крааааа! Смотрттри, какой я кракракрасивый и сильный! – кричал, поднявшись высоко в небо, Корака.

Его было чуть видно снизу. Но вот он стремительно бросается вниз, подлетает к Коре, парящей над лесом, и снова взмывает в немыслимую высоту.

– Краа! Крааа! – несётся над закованным в морозный панцирь января лесом весенняя песня ворона.

Весна – значит, заботы о гнезде, о продолжении рода. Кора и Корака прожили вместе уже много лет. У них забот мало: подправь старое гнездо – и откладывай себе яйца. А вот их детям гораздо труднее. В январе, когда семья Кору и Корака распалась, два молодых ворона и одна ворониха улетели искать своё место в жизни...

– Кора! А ведь три птенца выжили из твоих детей, а не один–два, как ты мне говорила! – принялся допрашивать Тимка Кору. – Правильно, значит, я не веррррил тебе? Крахрраа!

– Крраакрааа! – вздохнула Кора. – Выжили, но пока они ещё не стали совсем взррослыми! Ты не представляешь, как трррудно найти место для гнезда! Один глупый птенец хотел было остаться на нашем месте, но мы с Коррраком пррогнали его: пррришлось подрррататься...

– А нельзя ему поселиться рядом с вами? Ведь места в лесу хватит на много гнёзд? – продолжал выпрашивать Тимка.

– Никааак нельзя, чудакакакрр! Помнишь, когда мы съели весь коррррм около гнезда, нам приходилось летать на ррречку и в дррругие места, чтобы принести еду для птенцов? – напомнила Кора. – А если бы в нашем лесу жили другие вороны? Коррм и вдали мы съели бы очень быстро, и птенцы у всех остались бы без пищи. В нашей жизни всегда лучше иметь четырех крепких птенцов, чем десять слабеньких!

– А почему твоим детям нельзя было поселиться рядом с вашим большим участком, за рекой, в другом лесу? Краак! – не унимался Тимка.

– Да потому – краак, кррак! – глупый ты человек, что в том лесу давным–давно есть гнездо дррругих воррррронов.

– И у них тоже есть дети?

– Ккконечно!

– Но где же тогда будут жить ваши дети?

– Каждый должен сначала найти себе парррру: самец самку, а самка самца. После они должны улететь далеко–далеко, туда, где ещё не живут ворррррроны. Или им удастся найти место, где старые воррроны погибли. Или они должны вырррасти такими сильными, что смогут прррогнать старррых и ослабевших ворррон из гнезда... Но всё это сложно, трррудно, каррар, как сложно... Да что ты меня всё спрррашиваешь, у тебя же есть бррраслет: посмотрттри сам, что будет с нашими детьми...

Стоило Тимке вспомнить о браслете, как время вокруг побежало ещё быстрее. Вот летят вдали три молодых ворона,

которые ещё так недавно были птенцами в его подопечном гнезде. Их хорошо можно было узнать по матовому цвету поверхности перьев – только у совсем взрослых воронов перья отливают металлическим блеском. Вот эти молодые птицы встретились с такими же молодыми из других выводков. Вот они разбились на пары и устроили такие же игры, как Тимка уже видел у Кору и Корака. И вот молодые пары полетели в разные стороны.

«Но где же они будут делать гнёзда?» – спрашивал себя Тимка, наблюдая, как после жестоких драк прогоняли молодых воронов уже давно жившие в разных местах старые.

Наконец одной из новых пар удалось построить гнездо на окраине небольшого городка, на ветвях древней липы городского парка. Две другие пары так и не нашли место для гнезда. Через некоторое время эти пары распались. Видно, прошло время, когда ворониха откладывает яйца: она, как и большинство птиц наших лесов и полей, может нестись только ранней весной. А если не отложит яиц весной, весь год остаётся без семьи.

Когда Тимку потом расспрашивали, как он всё видел и узнавал, ничего толкового рассказать он не мог. Помнилось только, что скучать было некогда. Вот и сейчас, поёживаясь от весеннего прохладного ветерка, сидя в той же удобной развилке берёзы, он с интересом наблюдал, как Кора и Корак приводят в порядок своё старое гнездо, то самое, где пришлось переночевать ему в первый день. И снова, теперь уже в этом обновленном гнезде, Тимка увидел шесть зеленовато-голубых яиц.

«Всё повторяется сначала. Прошёл целый год, как я живу с вороновой семьей, и сколько же мне придётся здесь оставаться? – подумал он и спохватился: – Что же я видел здесь за год? Только ли жизнь воронов? Интересно, за этим ли только меня сюда отправил Хранитель Вит, как его называет Кора – Лесовик? Этот хитрый старикашка, наверное, и задумал что-то хитрое! „Пускай

посмотрит вашу жизнь“ – так, кажется, сказал он Коре про меня... Посмотрит жизнь... Жизнь как жизнь: отложили яйца, вывели птенцов, вырастили их, на следующий год снова то же самое! Едят в лесу что ни попадётся, самих их никто вроде не трогает... Как не трогает, – перебил сам себя Тимка, – а одного птенца куница стащила – раз! А для самого маленького птенца корма не хватило и он погиб – два! А как молодые дрались со старыми за место для гнезда? Всё получилось так, как сказала Кора. Только один молодой смог сделать себе гнездо, да и то неизвестно, выведет ли он птенцов на липе в городском парке. Вот так так! И у воронов – самых сильных птиц в лесу – так же трудно приходится молодым, как и у лягушки, как и у подорожника! Всё! Я понял жизнь ворона! – И Тимка стал проворно спускаться вниз с берёзы. – Пойду теперь искать Хранителя Вита», – твёрдо решил он.

– А меня искать не надо – тут я, тут я и есть, – немедленно отозвался знакомый шамкающий голосок. Хранитель Вит сидел на берёзовом пеньке рядом с Тимкиной берёзой. – Понял воронову жизнь, да не совсем! – пробурчал он. – Ну скажи, на милость, скажи: что ты понял? Плохо живётся молодым воронятам? Так ведь? Плохо живётся?

– Ну, так... – неуверенно протянул Тимка, ожидая какого-то подвоха.

– Так, да не так! Так, да не так!

И Тимка увидел, как старик распахнул полы своего берестяного плаща и показал на пояс, составленный, казалось, из сотни разных самоцветов.

– Я мог дать тебе свой большой браслет, и ты побывал бы у всех живых существ в моих владениях, и у всех бы ты увидел то же самое, то же самое: рождается много, выживает мало, на место погибающего старого встаёт здоровый молодой. Но всегда один или вместо пары – пара. Остальные гибнут. Гибнут! Но вот почему? Почему?

– Кажется, знаю, – неуверенно начал Тимка. – Если подорожник займет весь участок, то не окажется места для других растений. Другим-то травам тоже надо жить, они, наверное, и не дают сильно размножаться друг другу...

– Ай, молодец! Не зря я тебя отправил посмотреть на настоящую жизнь в моём царстве! Не зря! – радостно закричал старичок. – Да из тебя, я вижу, получается толк! Толк получается!! Правильно, всё в природе связано: сохранилась жизнь одного – потерялась жизнь другого. Это мой первый великий закон – **закон сохранения жизни**. Всем моим созданиям трудно живётся: либо сам должен кого-то съесть или потеснить, либо тебя съедят или потеснят! – И повторил ещё раз медленно: – Закон сохранения жизни! Но! Но! Но! Отнимать жизнь у других можно только для того, чтобы сохранить свою жизнь! Только для этого!

Хранитель Вит встал с пня, выпрямился и начал расти вверх. Вот он уже с берёзу величиной, вот его голова пропала в белых облаках... И вот его голос загремел сверху, и слова, как удары молота, отдавались у Тимки в голове:

– Иначе – жить – всем – вместе – будет – невозможно! Невозможно! Понял? – Последнее слово Хранитель проговорил уже обычным голосом, сидя на пеньке, и, не давая Тимке ответить, продолжал: – Ну, считай, что первый класс в моей школе ты прошёл. Но это только начало. Наш уговор помнишь? Не поймешь – пропадёшь! – нараспев протянул он противным голосом. – Вот сделаю тебя маленьким птенцом да и посажу в гнездо к ворону! Сиди разевай рот да жди, когда тебя куница стащит! Ага, не хочешь? Ну ладно, ладно, – миролюбиво закончил он, заметив, как Тимка задрожал и переменялся в лице. – Могу, конечно, это сделать, но не буду, пока не буду. Какой там следующий камень в твоём браслете? Янтарь? Ну вот и ищи янтарную дверку. А я пошёл по своим делам... пошёл по делам...

– Дедушка! Карркаар! – по привычке закаркал Тимка, потом спохватился и с некоторым трудом перешёл на человеческий язык: – Я вас очень прошу, предупредите всех, что я не пропал пока совсем... И пусть меня пока не исключают из школы, наверное, там идут занятия в пятом классе, – жалобно попросил Тимка, вспомнив, что с вороновой семьей он прожил целый год.

– Ладно, ладно, утрясём всё как–нибудь, когда–нибудь! Ты, главное, смотри да ума–разума набирайся в моей школе. А там всё утрясём, утрясём... – Голос становился всё слабее. – Утрясём, потрясём, натрясём, растрясём, т...трясём...сём...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

– Как ни крутись, а придётся искать, видно, янтарную дверку! – говорил Тимка, вновь и вновь озираясь по сторонам в пещере Времени Года, где он очутился неведомо каким образом, и прикидывая, с какой стены начинать поиски. – Ну ясно, где такой цвет скорее всего можно встретить...

Тимка ещё раз внимательно посмотрел на янтарный камень браслета. Камень отличался от других не только цветом, но и мягкостью, ведь он был не совсем камнем, этот кусочек окаменевшей смолы.

– Конечно, дверца должна быть на осенней стенке, – продолжал размышлять Тимка вслух, – очень уж похож янтарь на осенние жёлтые листья... Но откуда начинать искать? Стена такая большая.

Он медленно шёл вдоль бесконечной стены, покрытой ярким осенним лесным нарядом. Вот красная осинка, вот буроватые дубовые листья, вот светло-жёлтые, почти белые листья липы, а вот эта яркая желтизна клёновых листьев, пожалуй, больше всего подходит для янтаря. Тимка подошёл к стене и раздвинул переплетённые ветви с крупными, разрезанными на пять лопастей листьями клёна.

– Под этой веткой нет... под этой тоже... а вот здесь, кажется, попало что-то похожее! – обрадовался он. – Ну так и есть – дверка!

Дверка была такая же гладкая и овальная, как и другие, с которыми познакомился Тимка, но очень толстая и выпуклая, как большая желтая голова какого-то неведомого существа. В её полупрозрачной глубине угадывались загадочные, расплывающиеся длинные очертания.

– Интересно, куда приведет эта дверка? В озере был, в траве был, в лесу был... А ну посмотрим, что скрывается здесь...

И с этими словами Тимка вложил янтарь из браслета в углубление в самом центре дверки. Вложил осторожно и отступил на шаг, чтобы получше рассмотреть, что откроется за нею. Но так уж были устроены дверки в этой пещере, что не успел Тимка что-нибудь рассмотреть из пещеры, как оказался уже по ту сторону дверки...

– Ну, кажется, начинаются настоящие приключения, – прошептал он, оглядываясь кругом.

Ничего подобного никогда раньше он не видел. Кругом в зеленоватом полумраке возвышались, как зелёные колонны, стволы большущих деревьев. Их вершин не было видно за длинными и широкими листьями и ветками других деревьев, колоннами потоньше и ростом поменьше, что поднимались кругом.

Почва была покрыта остатками сгнивших, полусгнивших и недавно упавших стволов. По ним ползали похожие на тараканов крупные коричневые и серые насекомые. То тут, то там на гниющих стволах виднелись розоватые, с голову величиной, шары какой-то слизистой массы. Наверное, именно от них – от этих шаров – шёл приторный сладковато-пряный запах, от которого начинала слегка кружиться голова.

– Как в фантrome... – продолжал Тимка размышлять вслух.

(Фантромами они с папой называли всякие фантастические повести и романы – коротко и понятно.) – Неужели Хранитель Вит отправил меня на другую планету? – прошептал Тимка, вспоминая недавно прочитанный фантром о жизни на спутнике Альфа Эридана.

Через секунду это предположение ещё больше укрепилось.

«Жжжж! Жжжжжж!..» Странное громкое жужжание раздалось сзади и прервалось резким шлёпающим звуком:

«Хлюп! Хлюп!» Он быстро обернулся на эти звуки. Один из розоватых слизистых шаров, что лежали на земле, был сплюснут каким-то большим тёмным телом. Любопытство Тимки пере-силило страх перед неизвестным, и он нерешительно сделал несколько шагов в сторону шара.

Едва успел он подойти поближе, чтобы получше рассмотреть странный тёмный двигающийся предмет, как верхняя блестящая сторона этого предмета лопнула и с треском разлетелась на две половинки.

Перед Тимкой на земле копошился жук с кулак величиной; из-под верхних плотных надкрылий развернулись нижние полупрозрачные розоватые крылышки, послышался тот же жужжащий звук: «Жжжи! Жжиж!» Жук поднялся в воздух. На месте, где только что был шар, осталась лужица слизи, от которой распространялся ещё более едкий и противный запах.

– Вот сядет такой на голову, и останется от неё тоже только мокрое место... – Тимку даже передёрнуло от омерзения и брезгливости. – Хотя, пожалуй, моя голова совсем не похожа на эти вонючие, слизистые шары... А вот бы поймать такого жучищу и принести в школу! Ну и будут же мне все завидовать! Как бы мне его поймать? – размышлял Тимка. – Пожалуй, надо затаиться у слизистого шара и подождать, а когда жук влезет на шар, схватить его за крылья...

Тимка присел на корточки за толстый ствол дерева у большого розового шара. Кругом то и дело шлепались вниз на шары жуки, но на Тимкин шар никто не садился.

«Ну уж только попадись мне в руки, – с внезапной злостью подумал Тимка, – все крылья отломаю...»

Тюк! Бум!.. Что-то легонько стукнуло Тимку по затылку, и голова знакомо загудела от удара – точь-в-точь как когда-то давно над разрушенным муравейником.

– Нет, пожалуй, лучше не буду ловить жука вообще! – внезапно решил Тимка. – Ну его! Лучше уж не трогать никого здесь, поскорее выбираться из этого гнилого места.

Очень трудно было идти среди гнилых стволов: остатки никогда прежде невиданных деревьев повсюду образовывали непроходимые завалы. Жаркий и влажный воздух был наполнен непривычными резкими запахами. Дело осложнялось тем, что Тимка не знал, куда надо идти. Он просто решил во что бы то ни стало выбраться из этого неприятного места и упорно двигался, придерживаясь одного направления. Заросли не кончались и как будто даже становились гуще. Это не смутило Тимку: он знал, что перед опушкой лес всегда становится гуще, и решительно двинулся прямо в чащу. Действительно, стволы деревьев стали потоньше, хотя и стояли они ближе друг к другу.

Вот уже Тимка с трудом пробирается среди гладких зелёных колонн и каких-то членистых шестов со странными тонкими перистыми зонтиками веток высоко наверху. Эти зонтики касались друг друга всеми своими веточками, и от этого внизу стоял немолчный шум, похожий на шум моря.

Но вот наконец и просвет. Стало светлее. Ещё несколько шагов и...

– Ух ты! – только и смог воскликнуть Тимка, неожиданно оказавшись на краю крутого обрыва. Внизу колыхалось зелёное море листвы – бескрайняя равнина была покрыта зелёной травой. – Нет, пожалуй, это не трава, – спохватился Тимка, рассмотрев зелень получше, – не трава, а хвощ. Ну конечно, это всё заросли хвоща. Только у него есть такие многоэтажные листья на стеблях-колоннах. А вот там подальше стоят папоротники. Вот странно: папоротники здесь растут на открытом солнечном месте!

И тут Тимку осенило: «Лес, через который я только что пробирался, точно такой же травянистый. Громадные зелёные

членистые стволы – это, конечно же, хвощи! Но тогда это значит, что либо я стал очень маленьким, либо хвощ стал очень большим, – мучительно размышлял Тимка. – Я вроде бы остался прежним – и одежда на мне такого же размера, и пинцет, вот он, такой же, как и был раньше... Если бы я уменьшился, то с меня свалилась бы одежда и пинцет был бы во много раз больше меня... Нет, я остался прежним. Значит, это такие огромные хвощи. Кажется, я начинаю понимать, куда я попал! Доисторическое время! Но кого я здесь должен встретить? Уж не того ли ящера, в которого превращался Хранитель в пещере? Брррр...» – Крупные мурашки пробежали по Тимкиной спине, и он со страхом стал озираться по сторонам.

Шртррр! Шртррр!

Громкий шелестящий треск разорвал влажную тишину. Тимка поднял голову вверх и с удивлением увидел странной формы летательный аппарат с прозрачными крыльями, блестя-

шими на солнце. Крылья мелко вибрировали, издавая тот треск, который и был слышен.

– Вот так стрекоза! Огого какая она огромная! Да она почти с меня величиной! Айяйяй! Летит прямо ко мне! Спрятаться или показать браслет? Что делать?

Стрекоза стремительно спускалась, и Тимка решил сделать и то и другое: он быстро отпрыгнул за ствол ближайшего хвоща и вытянул оттуда навстречу стрекозе руку с браслетом.

Живой вертолёт замер в воздухе. Тимка почувствовал, как тысячи маленьких глаз, собранных в два огромных полушария, внимательно его разглядывают, а две маленькие антенны настороженно приподнялись и замерли. Мерно задвигались страшные зазубренные челюсти. «Вот уж никогда в жизни не предполагал, что у стрекозы такие ужасные грозные челюсти», – думал Тимка, стараясь сохранить самообладание.

Неожиданно стрекоза взмыла вверх, и Тимка перевёл дыхание. Но в следующий момент стрекоза как-то боком нырнула вниз, и тотчас же Тимка почувствовал сильные струи воздуха от напряженно работающих крыльев. Он прижался было к стволу дерева, пытаясь обхватить и удержать гладкий зелёный ствол. Напрасно. Сильные лапы с острыми шипами, как тисками, сдавили его с боков, схватили за ноги и с силой оторвали от дерева. Ещё секунда – и он почувствовал, что теряет почву под ногами.

Натуженно треща крыльями, стрекоза медленно поднимала Тимку над землей. Вот уже лес, через который пробирался Тимка недавно, стал похож на зелёную равнину, заросшую хвощом.

У Тимки оставались свободными только руки. Но что он мог сделать своими мягкими и нежными руками? Тело стрекозы было заключено в прочный хитиновый панцирь. Три пары ног крепко вцепились в Тимку: передняя, самая маленькая обхватила голову, вторая пара, покрупнее, держала Тимку за бока, а

«Может, мне это почудилось?»

Но нет, вот снова среди треска крыльев он разобрал слова:

– Сстррраннно! Мокрррро!

– Уррра! Заговоррриила! – невольно подражая стрекозе, радостно завопил Тимка. – Я так и знал! Говоррри ссскоррее, – Тимка никак не мог теперь говорить иначе, как на стрекозином языке, – этот лес – доиссссторичччесссский?

– Для тебя – конешшно! А для меня – рродной! Тррпррр!
Тррпррр!

– Куда ты меня несёшь?

– Посссмотришшшь! Увидишшшь! Увидеть важжжнее, чем услышшшать!

– А ты на самом деле такая большая? Или только для того, чтобы меня утащить?

– Не пппонимаю! Шшшто ты, шшто ты! Я всссегда такая. В нашшшем роду были ещё большшше меня!

– А куда же вы все улетели и почему в моём времени нет таких больших сстрекоз?

– Уззнаешшшь! Увввидишшшь!

Тимка тем временем несколько освоился в цепких объятиях стрекозы и наконец–то стал внимательно осматривать окрестности. Местность, над которой они пролетали сейчас, изменилась: бескрайние леса из гигантских хвощей и папоротников то расступались, обнажая вздымающиеся вверх крутые склоны красновато–коричневых гор, то широко расходились вокруг больших водоёмов. Несмотря на то, что солнце чаще было где–то за непроницаемыми облаками и редко выглядывало, воздух был жарким и пекло нещадно. Вдали громыхали удары грома, и небо бороздили молнии.

Когда край грозы совсем близко подобрался к ним, стрекоза плавно опустилась на одну из красноватых скал, высоко поднимающихся над окружающей местностью. Скала была вся

покрыта множеством трещин и щелей, а кое–где были хорошо заметны небольшие углубления вроде пещер. В одно из таких углублений и опустились наши путешественники.

Тимка с огромным облегчением разогнул ноги, совсем затёкшие за время полета, и потянулся до хруста в косточках. Только хотел было присесть на бугорок, чтобы отдохнуть, в пещеру проскользнула ещё одна такая стрекоза, вот и ещё одна, ещё... Скоро вся пещерка была буквально битком набита стрекозами. Некоторые были побольше, другие поменьше, чем стрекоза, притащившая Тимку. Многие из них дожевывали своими мощными челюстями какие–то кусочки.

Приглядевшись внимательнее, Тимка обнаружил, что они жуют и грызут остатки больших жуков, вроде тех, которых он видел в лесу, на слизистом шаре.

– Теперь понятно, почему у них такие крепкие челюсти и мощные лапы! – обрадовался Тимка. – Без них останешься голодным в этом периоде!

Словно угадав его мысли, «Тимкина» стрекоза затрещала:

– Мы стртрррекозы сссамые лучшие летуны и сссамые главные в воззздухе! У нас нет врврагов! Тррпрр! – и гордо взмахнула крыльями.

Хлынул ливень. Такого ливня Тимка никогда ещё не видал в своей жизни. Пока потоки воды закрывали выход из пещеры, стрекозы, тихо потрескивая, сидели на полу и стенах. Но как только ливень поутих и проглянуло солнце, все они, как по команде, ринулись к выходу и исчезли во влажном воздухе.

– Сейчассс жжжуки особенно бесспечны, – объяснила стрекоза, – и летают над вершшшинами деревьев. Сейчассс лучшее время для оххоты! Ессси бы не Повелитель Вит, я тожжже полетела бы ссс ними!

– И так всю жизнь? – недоуменно спросил Тимка.

– Что «всею жizzзнь»? Ловим жжжуков? Конешшно! Они такие вкусssные! Они такие большшшие!

– А где жжже совсем маленькие стрекозы? Поччему их нет? – не унимался Тимка, которому даже понравилось трещать на стрекозином языке.

– Все наши сстрекозы вылеззают из шшшкурки личинки уже большшшими! Маленьким нет месста ссреди нас: они не ссмогут поймать большших жжжуков. Маленькие теперьрь жжживут только около ссамых озер! Там они охотятся на мелких жжжуков. – Стрекоза хищно повела челюстями и продолжала трещать: – Мы этих маленьких стрекоз иногда ссхватываем и жжжжжем, жжжем! Конешшно, они не такие вкусssные, как жжжуки, но есть их можжжно! Наши личинки ссхватывают все ддрругие личинки. Видишшь, сколько крругом воды? Чувствуешшь, какой тёплый и влажжжжный воздух? Нам хорошшно жжживётся здесь! – И стрекоза высоко приподнялась на всех своих шести лапах: гордость и важность прямо распирала её.

– А куда мы летим? – наконец–то смог задать главный вопрос Тимка. – Куда ты меня ташишшь?

– Куда велел Повелитель Вит!

– А куда? Куда он велел?

– Ссссама не ззнаю! Увидим! Сказззано – лететь только вперёд! – И цепкие лапы снова обхватили Тимку со всех сторон.

Теперь он успел устроиться поудобнее и улётся так, что мог хорошо видеть всё происходящее не только внизу, но и впереди и сбоку – его голова свободно поворачивалась из стороны в сторону.

Тррррттррррр – натужно запели–зазвенели крылья, поднимая Тимку вверх. Вот и скала осталась где–то позади, вот пропали озёра.

Чем дальше они летели, тем резче изменялась местность внизу. Бескрайние леса уступили место широким сухим полянам, да и сами–то леса изменились, в них появились другие, ветвистые деревья. Папоротники и хвощи остались только вблизи водоёмов. Изменился даже воздух: стал более сухим и прозрачным. Исчезли постоянно висевшие облака, и солнце пекло беспощадно.

– Что–то ссстртрранное! Необычччное! Тррпррр! – прошелестела стрекоза. – Я оччень много летала ррраныпе, но не видала этих месст! Мне трртрудно ззздесь летать: оччень ссухо! Сскорее вниззз! Тррпррззрр!

Они приземлились на влажном берегу водоёма на большой поваленный ствол толстого дерева.

– Я не ззнаю, где мы, – тревожно прошелестела стрекоза, – мне неззнакомы эти расстения, эта вода... В ней я не вижжжу наших личинок, плавает какая–то мелоччч... Тррпрр!

– Берегись! – закричал Тимка стрекозе, с ужасом заметив, как с ближайшего высокого дерева на них метнулась огромная тень.

Предупреждение успело как раз вовремя. Не повернись стрекоза в тот же момент назад – погибнуть бы ей в огромных челюстях птеродактиля – крупного летающего ящера.

– Птеррптеродактиль! Птеррптеродактиль! – радостно затрещал Тимка, ничуть не испугавшись этого создания. – Я так мечтал когда–нибудь увидеть живых ископаемых ящеррров! Уррра!

Птеродактиль, оказавшийся сравнительно небольшим экземпляром, видно, опешил от неожиданного отпора со стороны стрекозы и от шума, поднятого Тимкой. Он низко спланировал над самой водой, взмыл вверх и исчез в густом хвойном прибрежном лесу.

– Откуда взвзялось это ссущество? – в ужасе трещала стрекоза. – Почему я не вижжу ни одной настоящщей стрекозззы? Только какая–то мелюзззга мельтешшит в воззздухе. Зза ними не уссмотришь!

– Больших, наверное, давно съели птеродактили! – предположил догадливый Тимка. – Судя по всему, ты перенесла меня в дрдругое врремя!

– Ну пусть дрдругое врвремя, – яростно заспорила стрекоза, – но где жже все большшие, насстоящие сстрррррекозззы? Наверное, они теперрь жживут только у сскал. Полетим к сскалам! Посмотррим!

– Подожди! – крикнул Тимка стрекозе. – Придётся вооружиться чем–нибудь! – пробормотал он себе под нос и после недолгого колебания взобрался на ближайшее дерево.

Дерево было настоящее, с сучьями. Он с трудом отломал большую сухую ветку, которая могла служить отличным копьём. В лесу приятно пахло хвоей и разогретой смолой. У многих больших деревьев внизу стволов виднелись светлые потёки жёлтой прозрачной, смолы. Ручейки смолы сливались внизу друг

с другом, образуя огромные смоляные наплывы. Тимка подошёл к одному из таких наплывов и вдруг увидел на его поверхности прилипшего большого комара.

– А вот ещё насекомое, а внутри – в смоле – ещё и ещё! Да тут целое кладбище! Это же настоящая смоляная ловушка! И эта смола потом станет янтарем! – догадался Тимка и посмотрел на янтарный камень браслета.

В споре со стрекозой Тимка оказался прав. Сколько ни летали они над скалами, над лесом, над озёрами, ни одной большой стрекозы так и не встретили. Зато раза три подвергались нападению со стороны птеродактилей, и только копьё Тимки помогло им избежать больших неприятностей.

Стрекоза выглядела сначала совершенно обескураженной: как же это так – она, властительница воздуха, должна от кого-то спасаться!

– Поррра лететь дальшше! Полетим скоррее отссюда! Можжет быть, в дрдругих месстах. мы встрретим настоящих стрекоззз! Трррр!

– Подожди минутку! – задержал её Тимка. – Давай спросим кого–нибудь! Вот сидит маленькая стррекозза! – И Тимка наклонился к стрекозе величиной с его ладонь, которая спокойно сидела у воды на торчащем сучке.

– Скажжи, пожжалуйста, жживут ли здесь большие стрекозззы? Такие, как эта? – И Тимка показал на сидевшую за его спиной гигантскую стрекозу.

– Нет! Трр! Что ты! Что ты! Зрр! – еле слышно прошелестела маленькая стрекоза. – Они жили давнодавно, когда ещё не было летающих ящеррров.

– Куда же они делисссь потом? – не унимался Тимка.

– Говорррят, сначала ящеррры подкарауливали их в пещщерах во время ночевок и дождей – тогда было гораздо больше дождей и стрекозы могли жить надо всей землей, а не только около озер... Потом появились такие же летающие ящеры, какие жживут ссейчасс. Онито и съели всех оставшихся больших сстрекоззз. Выжжили только ссамые бысстрые и юрркие: кто успевал улиззнуть от ящеррров. Самые бысстрые и юрркие и были ссамыми маленькими. Они откладывали маленькие яички, из них выводилисссь маленькие личинки, из маленьких личинок вылуплялись маленькие сстррекоззззы. Я полетела, прощщайте! Тьррпрьрр! Беррегитесссь ящерров! – И маленькая стрекоза исчезла вдали.

– Слышшшала? – обратился Тимка к своей стрекозе. – Вот тебе и «ссамые ссилльные»! Нашласссь и на вассс ссила! Не грргруссти! – Тимке стало жалко громадную стрекозу, понуро слушавшую рассказ маленькой. – Я думаю, скоррро и ящщерам придётсся туго: должны появиться птицы. Ах да, ты ещё не

ззнаешь, что это такое! Ну да ладно, увидишь ещё. – И после недолгого молчания Тимка закончил: – Если долетим...

– Дерррржжисссь, дерррржжисссь! Полетели ссскоррее! Тррррррр! – сердито прошелестела стрекоза, больно хватая Тимку лапами. – Мне прррприказвано тебя тащщщить! Прррприказзано! Трррр!

Тимка еле успел схватить своё копьё.

Снова понеслись под ними леса, поляны, озёра, скалы... Наступал вечер, и надо было где-то остановиваться на ночлег.

– Перрррреночуем в этой пещеррке! – протрещала стрекоза, опускаясь у входа в небольшое углубление сбоку утёса, возвышающегося у самого берега большого озера. – Зздессь, кажжжется, никого нет.

Тимка на всякий случай сначала ткнул в тёмную глубину пещерки копьём. Здесь действительно никого не было, хотя резкий неприятный запах и куча помёта на полу заставляли предполагать, что в ней кто-то бывал раньше. Но было уже поздно и искать другого пристанища просто не было времени. Тимка улёгся у одного края пещеры, стрекоза прицепилась всеми шестью лапами за каменистую, с выступами противоположную стенку...

...Проснулся Тимка от сильного треска крыльев и ещё какого-то шума. Сначала он не мог ничего понять в темноте; ясно было только, что стрекоза отчаянно бьёт крыльями, а кто-то внизу пещеры громко сопит. Не раздумывая, Тимка схватил копьё – к счастью, оно оказалось под боком – и затрещал стрекозе:

– Поднимайся к потолку ссскоррее! – и что есть силы стал наносить удары копьём туда, откуда слышалось сопение.

Раз! Два! Копьё то попадало во что-то мягкое, то впустую ударялось о стену пещеры. Наконец Тимка почувствовал, что прижал это «что-то мягкое» к противоположной стенке.

«Что же делать дальше? – стал лихорадочно соображать он. Кругом стояла кромешная тьма. – Если я отпущу копьё, враг либо бросится снова в атаку, либо убежит. И я никогда не узнаю, кто это... Ждать до утра в таком положении не хватит сил... Стрекоза не помощница: вон как дрожит, бедняга! Хорошо ещё, что сидит уцепившись, наверное, за потолок».

– Осторррожжжно! Держжжись крепче! – предупредил Тимка стрекозу. – Отпускаю! – и осторожно ослабил нажим на копьё.

Существо, прижатое копьём к стене, тотчас же дернулось. Тимка почувствовал, как оно повернулось и выскользнуло из-под копья. Раздался шорох мелких камней у входа, и наступила полная тишина, прерываемая лишь слабым треском стрекозиных крыльев.

До утра просидел Тимка с копьём наготове, ожидая нового нападения. Стрекоза тоже не решалась спуститься вниз и висела, уцепившись за потолок, слабо потрескивая крыльями.

Едва рассвело, Тимка принялся за осмотр места битвы. На полу кое-где виднелись следы крови, у стрекозы были сломаны две ноги, разорвано правое заднее крыло и сильно покусано длинное членистое брюшко. По следам зубов можно было думать,

что нападавшее животное было размером с небольшую кошку. Никаких следов от лап на каменистой почве разглядеть не удалось.

– Я не могу лететь ссс тобой, – жалобно затрещала стрекоза, – я не подниму тебя тррремя ногами и на тртррех уцццелевших кркррыльях...

– Ну и не надо! – обрадовался Тимка. – Я сссам как–нибудь доберррусь из этого времени к сссебе. Лети ссскорее обратно.

– Пррррощай! Тррррр! – только и расслышал Тимка. Ещё долго чёрной точкой виделся вдали его живой вертолёт, но вот и она исчезла.

– Пожалуй, надо пробираться к берегу водоёма и искать других стрекоз, – решил Тимка, – сейчас я смогу говорррить только с ними...

Спуститься с крутого склона было трудным делом. Под ногами осыпались камни, несколько метров пришлось проехать на животе. Из одной расщелины, откуда доносился уже знакомый неприятный запах, он спугнул небольшого темно–серого зверька с коротким хвостом и длинной зубастой мордочкой. Тимка хотел схватить копьё, но вспомнил, что оставил его в пещере. Зверь тем временем исчез в другой расщелине, подальше.

«Наверное, вот такой и напал на нас ночью, – подумал он. – Странно, что я никогда раньше не слышал про такого зверя. Крыса – не крыса, кошка – не кошка...»

Наконец у подножия холма. Тимка определил, что от него до края озера не больше нескольких десятков метров. Он решительно направился к воде и... остановился как вкопанный! Долина, которая расстилалась перед ним ярким зелёным ковром, была настоящим лугом с настоящей травой и цветами.

– Так вот ещё чем отличался лес и поляны в прошлом – там не было настоящей травы и разных цветов! – воскликнул Тимка с неожиданным удивлением. – И как это я раньше не заметил!

Тимка ещё не знал, что всё многообразие форм и окраски цветов в природе связано с тем, что цветы стараются привлечь побольше насекомых, чтобы те переносили их пыльцу.

Раньше, в прошлые исторические эпохи, действительно не было цветов, то есть цветковых растений, они возникли и распространились лишь потом, вместе с развитием огромного количества видов насекомых.

Над лужайкой недалеко от Тимки стремительно взлетела маленькая птица. Она гналась за стрекозой или бабочкой. Последний бросок был успешен – и вот она уже несёт в клюве слабо трепыхающуюся добычу, садится на высокий прочный стебель конского щавеля и расклёвывает её, придерживая когтистой лапкой.

«Да, – подумал Тимка, – это тебе не ящер! От такой не спасёшься быстротой да маневренностью. Тут уж приходится смотреть в оба... Интересно, как устроены глаза у стрекозы? У той большой, что тащила меня из доисторического времени, глаза вроде были очень большие и могли смотреть и вперёд и в стороны. Эх, жалко, не посмотрел, как устроены глаза у той, средней стрекозы, что рассказала про гибель больших стрекоз. Ну да ладно, сейчас посмотрю на глаза этой мелюзги, вот только поймать бы хоть одну!»

Но поймать стрекозу, да ещё без сачка, оказалось делом невозможным.

Откуда бы ни подкрадывался Тимка к сидящей стрекозе – сверху, сбоку, даже сзади, – она успевала вовремя взлететь и избежать опасности. Наконец он обратил внимание, что стрекозы часто присаживаются на травинки, стоящие совсем рядом с водой, а то и торчащие из воды. Некоторые из них спускались к самой воде и даже опускали кончик длинного брюшка в воду, задерживаясь в таком положении на несколько минут.

«Тут–То я вас и поймаю, голубчики!» – сообразил Тимка и занял наблюдательный пост около редких травинок, торчащих из мелкой воды у самого берега. Именно здесь, как он успел заметить, сиделось много стрекоз. Прошло несколько минут, и – тррррррррр! – знакомое дребезжание крыльев раздалось над ним, и большая коричневая с синими полосами, идущими поперёк груди и брюшка, стрекоза уселась на травинку. Травинка закачалась под её тяжестью, стрекоза перелетела на соседнюю, более толстую, повернулась раза два–три, как будто проверяя её прочность, и, тихонько перебирая лапками, спустилась к самой воде.

Подвинувшись совсем близко к ней, внимательно наблюдал Тимка, что же будет дальше.

– Опустила брюшко в воду! Вот здорово! Ещё глубже! Водит кончиком брюшка по стеблю... Ещё раз... Какое смешное яичко: длинное и тонкое! Ну вот теперь всё ясно! Откладывает яйца на подводные растения. Тут–то я тебя и поймал!

Тимка быстрым движением схватил стрекозу, которая просто не обратила внимания на Тимку, поскольку была очень занята своим важным делом.

Тимка осторожно перехватил стрекозу поудобнее за сложенные крылышки и принялся рассматривать её.

– Ну точно такая же, как и моя большая стрекоза! Такие же лапы с коготками и шипами, так же первые лапки поменьше, а последние самые большие... И брюшко такое же длинное, и крылья такие же сетчатые, и челюсти такие же зубчатые и страшные... – И он мгновенно вспомнил, какие огромные челюсти были у «его» стрекозы. – А вот глаза чем отличаются? Глаза не похожие, не похожие... Эге, да они гораздо больше! Стоп, где же кончается один глаз и начинается другой? Глаза у неё занимают всю голову! Вот это да! – С восторгом открывал для себя Тимка всё новые и новые подробности в строении

стрекозы. – Такого у древних стрекоз не было – я бы обязательно заметил. Да и глазков в этих глазах стало гораздо больше! Так вот почему они такие глазастые! И как это я всё раньше не видел, ведь сколько раз ловил стрекоз!

Стрекоза, которую Тимка держал в руке, тем временем всячески пыталась освободиться из плена. Она потрескивала сжатыми крылышками, сгибала и разгибала длинное брюшко, раскрывала рот и двигала челюстями.

– А теперь посмотрим, что делается с яйцами в воде. Я–то знаю, что большинство погибнет. Интересно было бы посмотреть, как из такого маленького яйца получается такая большая и красивая стрекоза? – И с этими словами он улёгся на берегу реки, и его курносый нос почти опустился в воду.

Здесь, в воде, происходило нечто интересное. Маленькие и длинные яички, отложенные стрекозой, уже заметно увеличились в размерах, и скоро из них стали вылупляться крошечные личинки.

– Пока ещё совсем не похожи на стрекозу, – отметил Тимка, – и какие они все разные! Есть зелёные, есть серые, а большинство совсем прозрачные. А, да тут, наверное, много

личинок из яиц разных стрекоз? Хорошо бы посмотреть на них поближе.

Сказано – сделано! Раз – и Тимка выхватил в пригоршне воды сразу несколько мелких личинок. Рассмотреть подробно, как они устроены, было трудно: очень уж мелкие. Видны были только шесть лапок, большая голова и широкое толстое брюшко. Сверху каждая была покрыта тонким, но плотным слоем хитина.

«Как рыцарь в латах!» – подумал Тимка.

Пока он рассматривал своих пленников в ладошке, хитиновый покров на спине одной треснул, и из него показалось тело личинки. Оно было мягкое. Личинка, сильно ворочаясь, протиснулась сквозь узкую щель старой шкурки.

– Да она теперь большая! – вскрикнул с восторгом Тимка. – Ну конечно, гораздо больше!

И в самом деле: личинка с мягким ещё панцирем оказалась заметно больше покинутой пустой шкурки. Внешность её совершенно не изменилась: с такими же лапками, головой, брюшком... Но она стала чуть-чуть потолще и подлиннее. Пустая шкурка всплыла вверх и закачалась на поверхности воды.

– Так вот откуда берутся такие пустые чехольчики–шкурки! А я думал, кто-то высасывает личинок и выплёвывает остатки! Вот бы посмотреть, как вылупляется сама стрекоза! У личинки–то нет крыльев, а у стрекозы они должны откуда-то

появиться... – лёжа на животе перед рекой, мечтал Тимка. Его глаза по привычке внимательно следили за всем происходящим в воде. – Надо, оказывается, смотреть и над водой! – с торжеством заключил Тимка, обнаружив большую серую личинку, карабкающуюся вверх по стебельку, торчащему из воды. Вот вылезшая личинка замерла...

– Лопнула, лопнула шкурка на спине! Стрекоза появляется! – зашептал Тимка, боясь помешать этому необыкновенному событию.

Но до стрекозы было ещё, видно, далеко. Медленно появилась из трещинки грудь, потом стала видна голова с огромными полушариями глаз, одна за другой стали появляться лапки. Эти слабые пока, мягкие и светлые лапки кое-как уцепились за стебелёк, и стрекоза замерла, отдыхая. Наконец вытащила она и длинное брюшко.

– Какая же это стрекоза? Где же у неё крылья? – с недоумением рассматривал Тимка появившееся бледное существо.

На спине, где должны быть крылья, прилепились беловатые мятые комочки. Прошло немного времени. Комочки вдруг распрямились и засверкали на солнце всеми цветами радуги! Это были четыре прекрасных новеньких крылышка. Стрекоза медленно, как будто училась ходить, переползла со стебелька на поверхность листа. Большая и красивая, замерла она, нежась в тёплых лучах солнца.

И Тимка вместе со стрекозой, забыв обо всём, наслаждался покоем и тишиной. Но покой в природе всегда обманчив. Перелетевшая вдали с камышинки на камышинку небольшая коричневатая птица с жёлтыми продольными полосками на груди издали углядела греющуюся стрекозу и почувствовала, видно, лакомый кусочек.

«Тититтиичжии!» – прокричала она свою боевую песню и бросилась на стрекозу.

– На этот раз оставайся голодной! – сердито закричал Тимка, быстро вскакивая на ноги.

Испуганная птица шарахнулась обратно в камыш. Тимка взглянул на лист, где только что сидела новенькая стрекоза. Но там уже никого не было.

«Ну и хорошо, – с грустью подумал он. – Надо отпустить поскорее и этих малявочек», – и осторожно опустил в воду ладошку, сложенную лодочкой. В ней осталось совсем мало воды: то ли расплескалась, то ли испарилась, пока он наблюдал, как стрекоза разворачивает и сушит крылья.

Тимка осторожно опустил личинок в воду. А в воде шла обычная жизнь: маленькие личинки грызли растения, побольше – ловили циклопов и дафний, ещё побольше – ловили маленьких личинок, совсем большие – охотились на плавунцов, мальков рыб, головастика.

Интересно было наблюдать, как большие стрекозиные личинки схватывают добычу. Затаится такая хищница под листочком и ждёт. Вот мимо проскочил маленький подводный клоп. Быстрый рывок всего тела вперёд – и в этот же момент из-под головы выбрасывается длинная складная зацепка с двумя подвижными зубчиками на конце. Заарканенная жертва ловко подтягивается к голове, под самые челюсти.

– Откуда во рту берётся эта длинная, широкая лапа? Надо посмотреть!

Тимка, исхитрившись, подхватил одну из таких крупных затаившихся личинок. Она отчаянно кусалась, и он чуть было не бросил её обратно в воду, но удержался и осторожно перехватил её пинцетом поперёк тела у головы.

– Ясно, что это такое! – вслух размышлял Тимка. – Губа, настоящая губа, а совсем не седьмая ножка! Ладно, ладно, не кусайся напрасно! Сейчас отпущу...

И с этими словами он бросил личинку в воду. Вместо того чтобы снова затаиться, личинка неожиданно стремительно да как-то толчками понеслась от берега.

– Вот это да! – только и смог сказать Тимка. – Ну и скорость! Как же она так может быстро плавать? Неужели гребёт ножками с такой силой?

Загадка раскрылась неожиданно. Следующая схваченная личинка выпустила из кончика своего раздутого водой брюшка такую сильную струйку воды, что та пролетела далеко за спину Тимки.

– Реактивный двигатель! – сообразил он и принялся тихонько пугать затаившихся личинок, наблюдал, как они улепётывают на полной скорости, то сжимая, то раздувая брюшко и взбаламучивая воду вокруг.

Великая игра жизни и смерти, которая ежесекундно происходит всюду в природе, теперь становилась всё понятнее Тимке. Вот на маленьких стрекозиных личинок нападает большой плавунец. Те мечутся, стараясь укрыться от него, а плавунец хватается одну за другой. Всех подряд? Нет! Только зелёных, тех, кто оказался здесь хорошо заметным на фоне светловатого илистого дна. Полупрозрачные и светлокорицевые избежали гибели.

– Если они останутся жить здесь, на таком же илистом дне, то, может быть, им и удастся спастись от быстрых, но подслеповатых, видать, жуков... – размышляет Тимка. – А среди

зелёных зарослей останутся жить только прозрачные или зеленоватые личинки? Надо проверить...

Отыскать у берега место, густо заросшее водяной зеленью, было нетрудно. Тимка принялся высматривать стрекозиных личинок.

– Вот большие, им ничего не страшно, они сами кого хочешь съедят, им можно быть и заметными... Ну правильно, я так и думал. – Тимка был в восторге от своего открытия. – Здесь остались жить из маленьких личинок только зелёные! Если из этих зелёных выживет только одна и она превратится в стрекозу, которая будет откладывать яички, то все её личинки будут зелёные? Так, наверное, и появились все незаметные гусеницы и паучки? Оставался жить только тот, кто был незаметным, или более ловким, или чем–нибудь полезным отличался от своих братьев и сестер... Правильно! И у древних стрекоз маленькие тоже выжили не случайно.

...Звонящая тишина охватила всё вокруг. Пропала река, стрекозиные личинки, птичье пение и веяние ветерка. Тимка от неожиданности зажмурился, а когда через секунду раскрыл глаза, увидел стены пещеры Времён Года.

– Молодец, молодец, молодец, молодец! – услышал он голос Хранителя Вита и обернулся.

Хранитель–Повелитель в своём обычном костюме выходил прямо на осенней стены, раздвигая ветки бересклета с ярко–розовыми плодами.

– Очень, очень хорошо всё идёт! – Он подошёл и, не давая сказать Тимке ни слова, быстро и деловито продолжал, будто читал по бумажке: – Знаешь, кого ты прижал своим копьём к стенке пещеры, когда дрался ночью? Это был настоящий зверь – в то время только такие звери и водились! Из них потом уж получились всякие белки, слоны да человеки. И ещё молодец, – продолжал тем же деловым голосом старикашка, – что задавал

себе много разных вопросов. Только так в природе и нужно бродить человеку: побольше вопросов, побольше вопросов... больше вопросов... вопросов... вол... сов...

С последними словами Хранитель Вит стал исчезать. Вот он побледнел, краски его костюма поблекли... Всё прозрачнее, прозрачнее... Теперь вместо Вита висело облачко, которое растворилось в воздухе! Тимка даже дух не успел перевести.

– Фу ты, опять исчез, – рассердился он, – даже не дал ничего спросить ни разочка! Ну уж в следующий раз, как увижу его, обязательно расспрошу обо всём непонятном.

В ГОСТЯХ У ХОХА

– Ну, а пока скорее искать следующую дверку! – И Тимка принялся рассматривать свой браслет.

Он задумчиво перебирал камень за камнем. Вот малахит с головастиком, вот яшма с силуэтом подорожника, вот агат тёмный и слегка прозрачный, больше всего похожий на глаз ворона, вот, наконец, мягкий и тёплый янтарь с маленькой стрекозой в глубине, как живое напоминание о прошлой жизни Земли.

«Какой же выбрать дальше камень?» – размышлял Тимка. Рядом с янтарём искрился тонкими гранями, как слезинка, прозрачный кристалл горного хрусталя. Ему вдруг захотелось полизать его и пососать, как сосульку, – до того он был похож на кусок чистого льда.

А ведь хрусталь и в самом деле как льдинка! – воскликнул Тимка. – Ясно, придётся искать на зимней стене. Тимка решительно направился было к зимней стене, но, взглянув на свои голые ноги в сандалиях, замедлил шаги.

– Чего боишься–то? Чего? – раздался весёлый голос Хранителя Вита.

Тимка быстро обернулся, но в пещере по–прежнему он был один.

– Чего боишься, говорю? У воронов год прожил в сандалиях? Со стрекозой за миллионы лет слетал? Под водой с лягушками переквакивался?

Тимка продолжал нерешительно переступать с ноги на ногу, ожидая, что скажет ещё голос. А старикашка уже разозлился, и в голосе слышались нетерпение и даже угроза:

– Ступай, говорю! Ищи дверки! – И поласковее закончил: – Пока ты с браслетом, не бойся ничего в моём царстве.

Снова в пещере наступила тишина. Делать нечего, шагнул Тимка к зимней стене.

Вот еловые ветки, терпко пахнувшие смолой, вот сугроб под ними. «Брр! А в сугробе–то холодно! Не может же быть дверка внутри сугроба? Нет, уж лучше снова посмотрю под еловыми лапами. Вот под этими, например, со снежными шапками...»

«Пинь–пинь!» – раздалось над Тимкой. Он поднял голову и увидел красногрудого снегиря, сидевшего на соседней ветке и, казалось, с одобрением кивающего Тимке. «Пинь–пинь!..»

– Ладно–ладно, сейчас найду, – пообещал ему Тимка и ещё тщательнее стал рассматривать ветки. – Вот и она!

Дверка, как во много раз увеличенный горный хрусталь из браслета, сверкала и искрилась в мягком свете пещеры. Тимка даже помедлил, прежде чем начал искать место для камня–ключа. Полированные грани дверки вспыхивали то красными, то оранжевыми, то зелёными искрами, стоило лишь осторожно наклонить голову вправо или влево.

«Пинь–пинь! Открывай скорее!» – слышалось в песенке снегиря.

– В самом деле, чего медлить? – спохватился Тимка и приложил камень к дверке.

Тотчас раздался лёгкий мелодичный звон, как будто зазвучала сотня хрустальных колокольчиков, дверка распахнулась, и Тимка смело шагнул вперёд...

Шагнул – и отпрянул назад: прямо к его ногам набежала большая волна мутной вешней воды, а за ней колыхался широкий весенний разлив. Противоположный берег реки или озера – Тимка не мог этого сразу определить – был виден еле заметной темной полоской. По воде кое-где проплывали расколотые и обтаявшие на солнце льдинки; вот проплыла какая-то старая корзина, а за ней – вывороченная с корнем берёза. Тимка посмотрел вверх по течению, откуда плыли льдины и деревья, и увидел небольшую лодчонку странной формы. Сначала он её принял за длинный обрубок ствола большого дерева. Но нет, вот и острый нос, и закруглённая корма...

Всё ближе и ближе лодка, как будто управляется чьей-то рукой. Вот она тихо качалась прямо у самого берега, рядом с Тимкой. Не раздумывая, он прыгнул в неё. От толчка, наверное, лодка развернулась носом от берега и снова вошла в поток весенней воды, несущейся куда-то вдаль.

На дне лежало легкое короткое весло. Лодка оказалась очень странной. Вся она была сделана из одного ствола дерева, аккуратно выдолбленного изнутри; только на корме и на носу оставлены деревянные перемышки. Никаких скамеек внутри не было. Таких лодок Тимка ещё не видал, но, что такие бывают, слышал. Он хотел было сесть на борт, но лодка так сильно накренилась, что ещё одно мгновение – и Тимка оказался бы в воде.

– Так дело не пойдет, – решил он и тихонько уселся на сухое гладкое дно. – Попробую погрести руками! – И Тимка зашлёпал

ладонями по воде. Через несколько минут он увидел, что толку от такой гребли чуть, и остановился.

Руки онемели и покраснели от ледяной холодной воды. Но теперь им овладело упрямство. Во что бы то ни стало захотелось направить лодку вон к тому далёкому низкому островку. А течение, того и гляди, пронесёт его дальше. Он взял в руки весло, осмотрел его.

– Разве это весло? Это деревянная лопата какая-то! – бормотал себе под нос Тимка.

Сидя на дне лодки, грести одним веслом то справа, то слева оказалось неудобно. Пришлось подвинуться вперёд и встать на колени. Лодка начала крутиться от каждого гребка то вправо, то влево и опять почти не двигалась вперёд. Да и корма высоко поднялась над водой. Заметив это, Тимка перебрался поближе к корме, а лотом и просто сел на неё. Лодка выпрямилась. Теперь и

гребти оказалось удобно: знай себе гребь с одной стороны да направляй иногда лопатой, как рулем.

– Так–то лучше, – обрадовался Тимка, обнаружив, что теперь лодка стала совсем послушной. – А ну–ка давай плыви к острову! – И несколькими сильными гребками он повернул свою долблёнку к уже близкому островку.

Островок оказался необычным. Весенние воды нанесли сюда много мусора: коряги, небольшие деревья, прошлогодняя трава, пучки водорослей, ворох гнилого сена. Всё это зацепилось за стволы старых коряжистых ив, затопленных разлившейся водой.

Лодка ткнулась носом в этот плавучий остров, который казался очень прочным и устойчивым, и замерла. Тимка осторожно встал и шагнул на ближайшую корягу. Островок даже не шелохнулся.

– Вот и хорошо. Отдохну немного на острове, а потом поплыву дальше. Ведь должен же я кого–то встретить здесь, за хрустальной дверкой! – Тимка поднёс руку с браслетом к глазам, ещё раз посмотрел на горный хрусталь. Искрится, переливается, молчит...

Вскоре Тимка выяснил, что он не один на плоту: на поверхности одного из стволов он увидел следы.

– Наверное, большая птица садилась! – предположил было Тимка, обнаружив на следах ясные отпечатки перепонки, соединяющей все пальцы. – Может быть, утка сидела? Или нет, не сидела, а ходила взад–вперёд по бревну. Но откуда тогда этот длинный след, словно черточка от мокрой палки между ногами? Наверное, от хвоста... Длинного хвоста. Ну нет! У наших птиц такого длинного хвоста не бывает. Вот чудеса... – продолжал вслух рассуждать Тимка. – У птиц не может быть такого длинного хвоста, а у зверей с таким хвостом не может быть перепонки на лапах.

Тимка ещё раз внимательно осмотрел плот. Цепочка следов шла от толстого ствола ивы. Ива была, видно, очень старая, с треснутой корой и двумя дуплами невысоко над водой. Нарушая закон следопыта – никогда не ходить по следам, а всегда рядом, – Тимка протопал по бревну со следами и подошёл вплотную к иве. Чуть ниже его носа, в стволе дерева, виднелось широкое дупло. Тимка, конечно, засунул туда нос и потянул им воздух. На него пахло сыростью, прелым листом и ещё особым запахом, вроде того, что иногда бывает в закрытых помещениях зоопарка. Тимка замер и прислушался, стараясь разглядеть в кромешной темноте что-нибудь.

«Ничего не видно! Но тут, наверное, кто-нибудь живёт! Надо на всякий случай поздороваться!» – решил он, наученный вороном, и вслух громко произнес:

– Здравствуйте! Я Тимка, пришёл из Пещеры Вре́мён Го́да от Хранителя Вита!

Ответа не было, только какое-то шевеление послышалось в глубине дупла.

«Отойду и подожду! – решил Тимка. – Если никто не появится, сяду в лодку и поплыву дальше. кого-то ведь должен я встретить в этом путешествии!»

– Вот меня ты и должен встретить! – не то профыркал, не то прочмокал какой-то длинный и волосатый нос, показавшийся из дупла.

На конце этого носа, вытянутого в настоящий хоботок, виднелись две маленькие ноздри. Нос беспрестанно шевелился, поворачиваясь из стороны в сторону, и потихоньку выдвигался из дупла. Вот уже появилась пушистая, волосатая голова с еле видными глазками, вот за край дупла зацепились передние маленькие лапы с коготками и натянутой между пальцами перепонкой, и вот, наконец, на краю дупла сидит небольшой серовато-бурый зверёк с необыкновенно красивой шкуркой.

Спинка у него тёмная, серовато-бурая с серебром, а всё брюшко совершенно белое, чистенькое.

Зверь ловко спрыгнул на бревно к ногам Тимки.

– Хахаха! Так вот какой хвост оставлял эти мокрые следы! – не выдержал и расхохотался Тимка. – Хахаха!

Хвост и в самом деле был необыкновенный. Большой, во всю длину тела зверя, гладкий, у основания очень толстый, а к концу плоский, сжатый с боков и покрытый крупными чешуйками.

– Ты чего смеёшься?

– Ты меня, конечно, извини, я не знаю, как тебя звать, но очень уж ты смешной: лапы как у утки, морда с хоботом как у слонёнка, а сзади к тебе, наверное, приклеили раздавленную автомобилем змею? Хахаха! – надрывался Тимка.

– Хихихи! – вдруг услышал Тимка и увидел, как зверёк присел на широкие задние лапы, поднял передние и замахал ими. – Посмотрите на это чучело! Кто это его так аккуратно выщипал? Почему он такой голый? И что это за нелепые выросты сверху и снизу? Зачем ему четыре хвоста? Представляю, как он барахтается в воде!

Тимка в первый момент решил, что за ним стоит кто-то такой нелепый и нескладный, над кем смеется зверёк. Но в

следующий же момент он понял, что зверь издевается над ним самим, и густо покраснел.

– Я никогда раньше не видал таких зверей, как ты, – стал было оправдываться Тимка.

– А я никогда раньше не разговаривала с такими влюбленными в себя Тимками, которые считают, что всё должны быть устроены так, как они сами, – сердито перебил его тоненький голосок. – Я выхухоль, и меня зовут Хохуля, – продолжал зверёк более мягко, – и нет ничего удивительного, что ты не видел выхухолей раньше. Мы стараемся не показываться на поверхности.

– Вы живёте, как кроты, под землей?

– Нет! – пронзительно крикнула Хохуля и даже топнула от злости лапкой. – Кроты маленькие, а мы большие, кроты тонут, а мы любим плавать, кроты слепые, а мы с глазами, да и что тут объяснять без толку! – всё более сердился маленький зверёк. – Эй! Хох! Вылезай! Посмотри, до чего бывают глупые Тимки на свете.

– Я человек, а Тимка – моё имя, – наконец–то вставил Тимка словечко.

– Всё равно глупые, если могут спутать нас с кротами! – откликнулся второй зверёк, вылезая из дупла. – Здравствуй, Тимка, меня зовут Хох.

– Здравствуй, Хох! Почему вы здесь все такие сердитые?

– Здорово живём! Приходишь к нам, начинаешь над нами смеяться, потом не можешь даже узнать, кто мы и чем отличаемся от кротов, а ещё спрашиваешь!

– Не буду больше смеяться, только расскажите, пожалуйста: вы всегда живёте в дуплах? Да?

– Видал, сколько воды кругом? Видал? Знаешь, на сколько поднимается весной вода? Все наши норы затопило, вот и перебрались сюда, пока вода не уйдет, – миролюбиво объяснил

Хох. – Ура! Хохуля! Вода убывает, скоро можно вернуться домой! – закончил он совсем радостно.

– Эй, Хох! А нам, пожалуй, и вправду пора направляться к дому! – вступила в разговор Хохуля. – Пока доберёмся, глядишь, и вода спадёт. А ты, Тимка, садись на своё пустое бревно и плыви за нами.

– Да он не успеет, пожалуй, за нами–то! – зачмокал Хох.

– Ну тогда плыви вон к тому берегу и около большой ольхи ищи нашу нору. Будем ждать тебя.

Заинтересованный новым знакомством, Тимка осторожно уселся в долблёнку, схватил весло и с силой оттолкнулся от плота. Почти одновременно с ним два сереньких комка бесшумно соскользнули в воду.

Тем временем вода всё убывала и убывала. Островок становился всё больше. Когда Тимка подплыл к заметному издали большому кусту ольхи, он оказался около высокого берега старицы. Здесь было тихо, по–весеннему припекало солнце, земля быстро обсыхала.

– Теперь остаётся только найти нору! – сказал сам себе Тимка. – Пойду–ка я по берегу...

Недалеко от большой ольхи, на пригорке, он увидел двух копошащихся выхухолей. Вид у них, как он сразу же определил, подойдя ближе, был крайне расстроенный.

– Очень плохо! – встретил его Хох. – Весенние воды размыли нашу старую нору... Видишь, вся она раскрылась. Вот здесь, в этой ямке, было наше главное гнездо, а вот этот ход был запасной...

– Пойдем скорее, поищем другую нору, ты сделаешь там новое хорошее гнездо, – нетерпеливо перебила его Хохуля. – Забыл, что у меня скоро будут дети? Им нужна хорошая нора, тёплая подстилка и крыша над головой.

– Могу я чем–нибудь помочь? – заботливо осведомился Тимка.

– Нет, чем же ты можешь помочь нам? Иди вдоль берега и жди нас.

Оба зверя погрузились в воду и исчезли. Тимка тихо побрёл по берегу. У поворота ему преградил дорогу Хох, такой же чистенький и сухой, как будто он и не был только что в воде.

– Здесь мы будем жить! Здесь есть небольшая старая нора, я её сейчас оборудую для нашего жилья, – объяснил он Тимке, – и если хочешь жить около нас, останавливайся здесь где–нибудь рядом.

– Обо мне не беспокойся, я как–нибудь устроюсь, – заверил его Тимка. – Лучше объясни мне, как это ты ухитришься вылезать из воды сухим?

– А ты разве не знаешь о моей железе? Некоторым она не нравится, говорят, что очень сильно пахнет! А мне так она очень нужна: выжму немножко смазки на лапку и расчешу весь мех – он и не намокает.

– Как у утки, – подхватил Тимка, – она тоже смазывает свои перья жиром!

– Ээ, нет! У меня не жир, а мускус, он лучше жира. Это во–первых. А во–вторых, у меня очень много тоненьких извитых волос – пуховых, они удерживают воздух в шерсти и не дают воде смачивать кожу.

– Вот здорово! Значит, вы плаваете в воздушной шубе!

– Конечно! Ну, я поплыву расширять нору! Уж теперь–то я не пожалею сил и сделаю нору как следует – и глубокую и длинную!

Чтобы больше не размыло её весной! – И Хох исчез в воде.

Тимка принялся за сооружение своего жилища. Он связал одним гибким прутком густой куст ивы наверху. Внутри куста, среди раздвинутых веток, набросал несколько охапок сухой

травы, и такой же травой он аккуратно закрыл сверху свой шалаш. Получилось маленькое и совсем незаметное сооружение, да к тому же совсем рядом с берегом. Отсюда Тимке было очень удобно наблюдать за всем происходящим, оставаясь незамеченным.

Только Тимка кончил возиться с шалашом, как из воды показалась мордочка Хоха.

– Ну как, хорошо устроился? Мы с Хохулей славно поработали. Недаром все наши родичи называют меня крепколапым. – И, не дожидаясь ответа на свой вопрос, Хох снова скрылся.

Тимке было хорошо видно теперь в прозрачной, отстоявшейся после паводка воде, как вёслами заработали широко растопыренные лапки, и Хох, ловко изгибаясь, стал круто спускаться в глубину. Вот он еле заметной тёмной тенью достиг дна, и тут Тимка увидел, что по илистому дну идёт глубокая ложбинка. Зверёк скользнул вдоль этой ложбинки и исчез.

– Так вот где вход в нору! Я, оказывается, живу прямо над ней! – воскликнул удивлённый Тимка.

Он уселся поудобнее, обхватил коленки руками и задумался, наблюдая окрестности. День был тихий и ясный, ни ветерка, ни облачка. Вот из камышовых зарослей выплыла большая кряковая утка, а за ней десяток сереньких комочков. У Тимки опять появилось знакомое уже ощущение, что время для него и для всех остальных существ кругом идёт совсем по-разному.

– Я приплыл на островок, наверное, с полчаса назад, а здесь кругом уже весна!

И, продолжая наблюдать за утиным семейством, подумал: «Как все дикие животные умеют затаиваться! Сколько уж времени я торчу на берегу, а никого, кроме Хоха, не видел!»

Утка важно плыла и разговаривала на ходу со своими детьми. Теперь Тимка не мог понимать птичьего языка, но было ясно, что мама утка чему-то очень важному учила птенцов. Вот на корягу, совсем у ноги Тимки, выскочила неведомо откуда большая зелёная лягушка.

– Уж не мой ли это знакомый Ран? Эй! Ран! – попробовал было квакнуть Тимка. – Как живёшь?

Лягушка настороженно посмотрела на него и ничего не ответила.

«Эх, жалко, забыл лягушачий язык! Видно, правильно мама говорила, что иностранный язык нужно учить регулярно и ежедневно повторять слова...» – сокрушённо подумал Тимка.

Резкий всплеск привлек его внимание. У камышей на воде расходились круги. В центре этих кругов торчала чья-то усатая морда. Морда внимательно посмотрела по сторонам и скрылась под водой.

– Морда не выхухоли, – сразу же определил Тимка, – может, это бобр или выдра? Хорошо бы ещё раз вынырнула...

Но сколько Тимка ни вглядывался в камыши, морда больше не показывалась. Но вот лёгкий шорох сзади донёлся до его слуха. Осторожно повернув голову, он увидел, что густая трава на берегу слегка заколыхалась. Небольшой бурый зверёк с длинным и плоским хвостом вылез на кучку прошлогодней травы, лежащей у берега, и принялся грызть молодую камышинку, которую притащил во рту. Две короткие передние лапки прочно удерживали стебелёк, а две пары больших резцов, как заводные, быстро отрезали от стебля кусочек за кусочком. Кусочки один за другим исчезали во рту.

– Это определенно не выхухоль! – окончательно убедился Тимка. – Рыжий, гораздо больше, нет хоботка и перепонки на лапках... Кто это может быть? Не бобр, не выдра – их то я узнал бы. Посмотрим, что будет делать он дальше. – И Тимка замер на своём месте.

Ондатра – это была именно она – догрызла стебелёк до конца и повернулась к воде. Немного помедлила, вошла в воду и нырнула. Сверху Тимка видел, как зверёк поплыл сначала в одну сторону, потом в другую вдоль берега.

«Наверное, что-то ищет, – решил Тимка. – Ого, да она совсем рядом с канавкой, ведущей в нору Хоха!»

Ондатра, обнаружив вход в нору, замерла и как будто вынюхивала что-то, решая, как поступить. Вот она медленно, воровато двинулась к входу и, помедлив, юркнула внутрь.

Тимка вздрогнул и почувствовал что-то недоброе. Надо бы предупредить Хоха и Хохулю! Но как? Он вскочил на ноги, снова присел, побежал по берегу, схватил какую-то палку, вернулся...

– Эх, почему я сразу не прогнал этого зверя от норы? Ведь она больше, чем выхухоль, и наверное съест их! – волновался Тимка. – А может быть, это вовсе и не враг, а друг?

Тимка не переставал наблюдать за входом в нору.

И не зря. Из входа в нору показался сначала длинный плоский хвост ондатры; пятясь и будто тормозя растопыренными лапами, она медленно вылезла вся. Тотчас за ней выскочили один за другим Хох и Хохуля. Поднявшаяся муть помешала Тимке рассмотреть подробности дальнейшего. Но вот на поверхности появилась усатая тупая морда. Выпученные глаза злобно поблескивали. Ондатра быстро плыла прямо к берегу. За ней неотступно следовали обе выхухоли. Одним сильным движением ондатра выпрыгнула из воды, и в ту же секунду Хох, немного отставший, вцепился в кончик её хвоста. Ондатра взвизгнула, круто изогнулась и схватила Хоха за загривок. Но тут, подоспела вылезшая из воды Хохуля и что было силы дернула ондатру за короткое круглое ухо.

Ондатра разжала челюсти, чтобы встретить нового врага, и – рраз! – ухватила Хохулю за заднюю ногу. Ондатра явно чувствовала себя на земле более уверенно, чем выхухоли, и

яростно дралась. Из её рваного уха и хвоста текла кровь, но и Хохуля еле волочила прокусанную ногу, а Хох с трудом ворочал головой.

– Ну, кажется, дело принимает плохой оборот! Была не была! И Тимка, до того сидевший неподвижно и следивший за ходом драки, бросился вперёд, схватил ондатру за хвост, рывком поднял её с земли. Изогнувшись кольцом, та сумела приподняться и вцепилась острыми зубами Тимке в палец.

– Ай!

От неожиданности и резкой боли Тимка машинально махнул рукой, стряхивая прицепившегося зверя, и освобожденная ондатра, пролетев дугой, шлёпнулась на пригорке, как-то неуклюже повернулась и, волоча хвост и припадая на переднюю лапу, бросилась наутёк.

С прокусанного насквозь Тимкиного пальца капала кровь. У воды сидели, расправляя лапками помятый в драке мех, Хох и Хохуля.

– Мы хорошо её проучили! – радостно заверещала Хохуля.

– Теперь долго не сунется к нам, – поддержал её Хох.

– Но она вас здорово покусала, – с огорчением сказал Тимка.

– Ничего страшного! Мы и не так ещё дрались раньше! Прошлой весной мы еле-еле отстояли от ондатр свои норы, – расчесывая мех, объяснил Хох.

Хохуля между тем спустилась в воду и исчезла в норе.

– Так это была ондатра? – воскликнул Тимка.

– Да. Их становится здесь всё больше и больше. Говорят, раньше их не было совсем, и на озёрах нам никто не мешал жить. А теперь в драках с ними гибнет немало выхухолей. А нам и без того осталось мало удобных мест для жизни... – грустно продолжал Хох. – Всё меньше тихих озёр, всё меньше лесистых берегов.

– А откуда взялись ондатры?

– Не знаю, их раньше не было в наших местах. Они пришли из других краёв. Они сильные и злые и часто занимают наши норы.

– А что они едят?

– Хорошо, что только зелень. Это–то нас и спасает: если бы они съедали всю нашу пищу, нам пришлось бы совсем плохо.

«Надо обязательно спросить у Хранителя Вита, откуда взялись ондатры в наших озёрах», – решил Тимка.

– Послушай, Хох, а куда так быстро убежала Хохуля?

– Разве ты не знаешь, что у нас родились дети? – удивился Хох. – Четыре замечательных маленьких выхухольки. И Хохуля должна всё время быть около них, пока они такие слабые и крошечные.

– Ой, как я хочу посмотреть на них! – вырвалось у Тимки.

– Сейчас этого нельзя, но, может быть, через некоторое время... Когда у них откроются глаза и они все покроются шерстью, я попрошу Хохулю притащить тебе сюда посмотреть наших детей. Ты им не сделаешь ничего плохого?

– Конечно, нет! – с энтузиазмом завопил Тимка, обрадованный тем, что он сможет посмотреть на маленьких выхухолят. – Конечно, нет! Скажи, пожалуйста, Хохуле, что я очень хочу поскорее посмотреть на ваших детей!

И вот однажды Тимка увидел, как из норы показалась выхухоль с двумя хвостами. Да, он не ошибся – из–под брюха Хохули торчал второй маленький хвостик. Хохуля направилась к берегу, и тут только Тимка рассмотрел, что, прочно обхватив своими маленькими лапками спину матери, на ней пристроился маленький выхухолёнок. Он был совершенно такой же, как большая выхухоль – с белым брюхом, коричневато–серебристой спинкой, такими же перепончатыми лапками, длинным носом и чешуйчатым хвостом, – только вдвое меньше взрослого зверя.

– Посмотри за ним, а я сейчас принесу ещё трех! – И Хохуля нырнула в воду, и вскоре ещё три звереныша ворочались на берегу.

«Какие же они все разные, эти маленькие хохулята! – думал Тимка, рассматривая детёнышей, которые копошились на берегу. – Издалека они все совершенно одинаковы, но у первого, что принесла Хохуля, передние лапы почти такие же большие, как задние... Наверное, ему такими лапами будет удобно бегать по земле! – определил Тимка. – А другой с таким широким и плоским хвостом, что уже сейчас он почти такой же, как у взрослой выхухоли, наверное, будет замечательно ловким пловцом...»

Один из детёнышей был очень светлый: его спинка была почти такая же белая, как брюшко. Тимка знал, конечно, что есть белые крысы, белые мыши, но никогда не видел летом в природе совсем белых диких зверей.

– Ему, наверное, очень трудно будет дожить до зимы! – вдруг сообразил Тимка. – Его же отовсюду будет видно, бедненького... Не сдобровать ему. – И он с жалостью погладил маленького пушистенького хохулёнка.

Последний детёныш ничем по виду не отличался. Зато по поведению его можно сразу же выделить среди всех – очень уж он был подвижный и игривый.

– Ты, наверное, будешь самым главным драчуном среди выхухолей и один на один будешь побеждать любую из ондатр! – решил Тимка.

Время шло. Была уже середина лета. Однажды во время прогулки по берегу озера Тимка недалеко от берега встретил ещё одну выхухоль, которая раньше никогда здесь не жила. Он было подумал сначала, что это Хох или Хохуля, но оказалось, что это была совсем чужая выхухоль из другого места.

– Здесь место занято Хохом и Хохулей, – крикнул Тимка, – не мешай им выводить детей!

– Ты говоришь, как выхухоль, но не знаешь, что мы друг с другом не враждуем. Озеро, где я жил, высохло, и все мои родственники разошлись по другим озёрам. Здесь хватит места и для меня.

И в самом деле, Хох и Хохуля, дети которых к этому времени подросли, охотно приняли нового жителя в свою нору. Теперь выхухоли часто выплывали из норы на охоту все вместе.

– Какие они симпатичные и добрые, эти выхухоли! – решил Тимка.

Как-то раз Тимке захотелось искупаться. Он нашёл недалеко от шалаша небольшое озеро. Около берега было илисто, и только он зашёл по колено в воду, как обнаружил пиявок, которые так и норовили присосаться к его ногам. А Тимка давно уже боялся пиявок. Он не мог сам понять почему – ничего больного они не делают, пососут немножко крови и отвалятся, даже врачи прописывают ставить пиявки, – и всё же Тимка ужасно боялся пиявок. Нечего и говорить, что купание не состоялось.

– Хох! А к вашим хвостам не пристают пиявки? – вспомнив о своей попытке искупаться, спросил Тимка при очередном разговоре.

– Пиявки? Где они? Покажика поскорее место, где много пиявок? Неужели ты не знаешь, что пиявки – наша любимая еда? Что же ты молчал раньше? – И Хох исчез в норе.

Через минуту на поверхности воды появились все пять мордочек. Они кровожадно поводили хоботками и радостно причмокивали, предвкушая что-то невероятно вкусное.

– Так ты говоришь, что сегодня у нас будет пир?

– Скорее! Веди нас туда, где живут пиявки! Много пиявок! Ура! Поедим! Почмокаем! – радостно вопили выхухоли.

Тимка даже немного растерялся от такого энтузиазма.

– Это место недалеко отсюда, за вашей старицей... – начал объяснять Тимка.

Но Хохуля прервала его:

– Веди, веди скорее, там разберёмся!

И вот Тимка побежал, а выхухоли стайкой поплыли к дальнему концу старицы.

– Эй! Тимка! – высунул нос из воды Хох. – Где же пиявки?

– Да они вот здесь, за этим бугром! Там есть небольшое озерцо! Вылезайте из воды и пройдите ещё немножко по земле!

Вся компания дружно вылезла на берег и засемила за ним. Такие они были симпатичные, что Тимка нагнулся и осторожно подхватил беленького детёныша.

– Хохуля! Дай мне одного детёныша! Пусть он будет жить у меня дома! Я его не обижу и буду очень хорошо ухаживать!

– А у тебя дома есть озеро?

– Какое озеро? – не понял Тимка.

– Ну, большое озеро, со всякой вкусной пищей, с мягкими берегами, с илистым дном, с пиявками, со стрекозиными личинками...

– Нет, нет! У меня дома не водится пиявок. Зато у нас есть ванна с чистой водой.

– А какие берега у твоей ванны?

– У ванны нет берегов, у неё есть железные стенки.

– А где же можно копать норы? В железе хорошо выкапывать норы?

– Нет, в железе вам трудно будет выкопать нору...

– Ну вот видишь! Так куда же ты его возьмёшь? Мне его, конечно, не жалко теперь; он уже подрос и может жить самостоятельно. Всё равно скоро мы все разбежимся по водоёмам и будем искать новых мест для жизни. Но я не отдам его тебе потому, что у тебя он скоро погибнет.

– Пришли! Приползли! Пришлёпали! Приплюхались! – запищали на разные голоса четверо детёнышей и, не дожидаясь команды старших, бросились в воду.

Это небольшое озеро, наверное, тоже было раньше старицей, но теперь обмелело, и вода сохранилась только в самой глубокой его части. Следом за молодыми бесшумно скользнули в воду и остальные выхухоли. Поверхность воды успокоилась, но только на одну минуту: вот показался один хоботок, вот блеснули восторженные глазки другого выхухолёнка, вот послышалось громкое сопение Хоха:

– Какие они жирные! Какие крупные!

– Какие вкусные, какие мягкие! – вторили ему другие выхухоли.

Тимка принялся наблюдать, как же они хватают пиявок, которых, кстати сказать, совсем не было видно сегодня в озере. Но сколько ни рассматривал, не мог заметить движений выхухолей: их темные спинки совершенно сливались с темным дном и движения их были незаметны; и только изредка, когда какая-нибудь выхухоль поворачивалась набок, в глубине Тимка заметил лёгкую светлую тень. А вот белого выхухолёнка можно было видеть очень хорошо. За ним-то и принялся наблюдать Тимка.

Вот он медленно, как будто крадучись, пробирается по самой поверхности дна, вот что-то привлекло его внимание внизу, и он принялся быстро поворачивать головой и поводить хоботком из стороны в сторону. Вот движения хоботка стали ещё более быстрыми, они направлены теперь почти в одну точку. Задвигались лапки-вёсла, и голова зверя почти скрылась в густом иле. В облачке поднявшейся мути Тимка не мог рассмотреть, что же произошло дальше, но когда выхухоль отплыла в сторону, у неё из уголка рта свешивался хвост пиявки.

«Ах, вот зачем им такой хоботок! Без него плохо было бы выискивать всякую живность в иле», – подумал Тимка.

Наблюдая за Беленьким, Тимка не сразу заметил, как из воды вылезла Хохуля. Она подошла к нему, ткнула своим мягким мокрым носом в руку и положила около него здоровенную жирную пиявку:

– Ты тоже ешь!

– Я не ем пиявок! – в ужасе подпрыгнул Тимка. – Убери скорее эту гадость!

– Странно! Странно! Очень странно! Это же самая вкусная еда, какую только можно себе представить! Ну ладно, подожди! – И Хохуля вернулась в воду.

Прошло несколько минут, и из воды стали вылезать поодиночке все выхухоли и складывать у Тимкиной ноги на большом камне всякую всячину.

Беленький принёс и гордо положил огромного прудовика – большую раковину, завитую спиралью. Длиннохвостик принёс сразу несколько мотылей – личинок комаров. Весёлый принёс и с радостным похрюкиванием положил на камень лягушонка. Лягушонок еле двигал лапками и никак не мог прийти в себя после острых зубов выхухолёнка. Наконец вылез Хох и торжественно притащил в зубах маленького золотого карасика.

– Ну, ты пока ешь это, а тем временем мы тебе ещё принесём кое–что вкусное! – заверила Тимку Хохуля и отправилась к воде.

Через некоторое время на камне возвышалась копошащаяся горка из личинок, ручейников, стрекоз, раковин беззубок, перловиц. В этой же куче ворочались какие–то чёрные жуки, похожие на плавунцов, поблескивали крылышки стрекоз, извивались земляные червяки, а сверху этот «пирог» украшали белые корешки каких–то подводных растений.

– Спасибо, зверята! Но я совсем не хочу есть, – говорил растроганный Тимка, боявшийся отказом обидеть заботливых зверьков. – Да мне и не съесть этого!

Чтобы не обидеть зверей, Тимка сорвал большой лист лопуха и накрыл всю кучку, уверяя, что придёт сюда специально, как только проголодается.

– Ну, попиروвали – и домой! – скомандовал Хох, потирая передними короткими лапками шерсть и похлопывая себя по заметно округлившемуся брюшку. – Завтра можно будет сюда прийти ещё раз!

Вытянувшись цепочкой, хохули вперевалочку побежали через бугор, преграждающий путь к их родному озеру.

Уже давно высоко в небе чёрной точкой мелькала какая–то птица, кругами парившая над речной долиной. Тимка много раз раньше видел эту птицу, иногда и двух сразу, и уже привык к их присутствию. Это были чёрные коршуны, которых всегда можно

узнать в полёте по длинному хвосту с развилкой на конце. Пара этих птиц жила где-то неподалеку от реки, в густом прибрежном лесу.

«Киаа! Киаа!» – пронзительный крик пронёсся над долиной. Так кричит чёрный коршун, заметив добычу.

«Интересно, кого же на этот раз высмотрел коршун?» – подумал было Тимка, разглядывая парящую птицу.

А она тем временем резко, по спирали, пошла вниз, ближе, ближе, ближе к земле. Когда до земли оставалось уже немного, птица сложила крылья и камнем стала падать прямо вниз.

«Хохулята!» – мелькнуло у Тимки, и он бросился вперёд, размахивая руками и крича:

– Кыш! Кыш! Не смей! Прочь!

Только Тимкино вмешательство и спасло жизнь кому-то из выхухолей: почти коснувшись высокой травы, птица резко взмыла вверх.

«Киукиу!» – недовольно прокричал коршун. Разочарование и угроза послышались в этом крике.

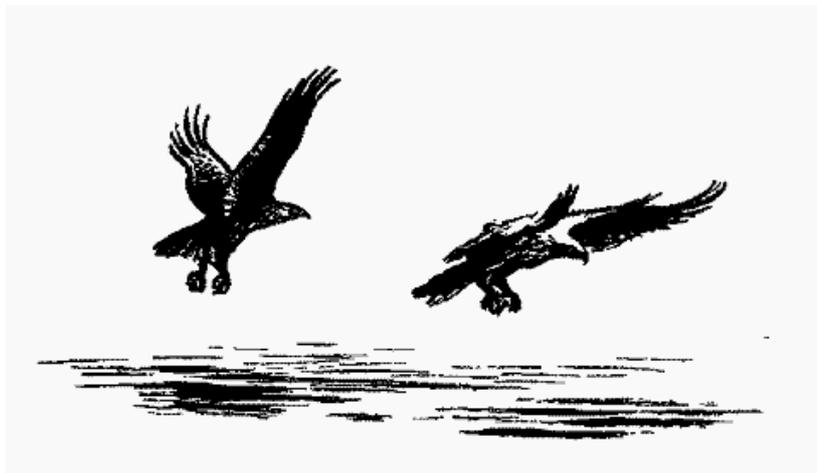
К вечеру семья выхухолей снова отправилась на охоту, теперь уже в своём озере.

«Впрочем, какая же это охота? Всё, что копошится на дне или в зарослях водорослей, они отправляют себе в рот. Это просто собирательство, как у пигмеев в Африке», – подумал Тимка. Пигмеев он видел по телевизору, в «Клубе кинопутешественников». Тимка любил смотреть эту передачу.

Сначала выхухоли плавали, как и обычно, почти у самого берега, где был Тимкин шалаш; потом их мордочки стали показываться всё дальше и дальше. Наконец их уже трудно было рассмотреть вдали, только изредка белел вынырывающий Беленький.

Две тени пробежали по лугу около озера. Тимка вскинул голову и снова увидел двух чёрных коршунов. На этот раз

коршуны настойчиво кружили над озером и опускались всё ниже и ниже, как раз там, где плавали выхухоли.

«Эх, шугануть бы их так, чтобы они дорогу сюда забыли! – размышлял Тимка, с тревогой наблюдая маневры птиц. – Видно по всему, специально прилетели сюда, выбрав время, когда выхухоли вышли на кормёжку».

Коршуны летали совсем низко над водой, стараясь определить, где же должна появиться для вдоха выхухоль. Но хитрые зверьки тоже почувствовали опасность. Они затаивались под водой на несколько минут, потом тихонечко поднимались к поверхности воды около какой-нибудь травки и высовывали лишь самый кончик носа, так, что никто не смог бы увидеть их со стороны. Сверху их тоже не было видно: тёмная спинка спасала их от глаз коршунов.

Но вот одна из птиц, выбросив вперёд когтистые лапы, бросилась к воде. Там ещё никого не было, но из глубины к поверхности медленно поднимался Беленький: у него кончился воздух. Его-то сверху и разглядел коршун и, точно рассчитав место, заранее бросился вниз.

...Лёгкий всплеск воды, тяжёлый удар крыльями о воду, и вот Беленький извивается в лапах коршуна, тяжёло поднимающегося над озером.

– Убийца! Вор! Бандит! – Слезы брызнули из глаз Тимки. Чувствуя своё полное бессилие, Тимка упал в траву и горько заплакал.

– Сейчас пойду в лес, – сквозь слезы кричал он вслед птице, – и задушу всех твоих голых, безобразных, кровожадных птенцов!

– Задушишь? – раздался спокойный шамкающий голос. – И тебе их не будет жалко? Не будет жалко? Быстро же ты забыл мой первый закон. Жизнь тяжёла для всех. У чёрного коршуна и без тебя почти все дети погибнут. Да, да, погибнут. И не жалея Беленького. Не коршун, так лиса съели бы его, такого заметного. Он не приспособлен к жизни, не приспособлен! Вспомни, какие все разные родились выхухолята. Что бы ни случилось, кто-нибудь из них выживет. Не из этой, так из другой семьи.

– Так, значит. Беленький обязательно должен был погибнуть? – всё ещё всхлипывая, но уже успокоившись, спросил Тимка Хранителя Вита, который в своём обычном берестяном плаще и деревянных башмаках стоял рядом, опершись на сучковатую палку.

– Обязательно! Да ты сам подумай, – терпеливо растолковывал ему старикашка, – сам подумай, что получилось, если бы Беленький выжил? Завёл бы свою семью и оставил после себя таких же белых выхухолят? Не одну, а всех бы выхухолей тогда было очень хорошо видно хищникам, и съели бы тогда их всех... Вот так-то, милый. У меня уж такое правило в моём природном царстве: чуть-чуть не подходит для жизни – смерть тебе! Думаешь, кровожадное и беспощадное правило? Нет! Это только когда посмотришь сверху. А заглянешь подальше вперёд – очень доброе, заботливое и нужное правило. Да, доброе и заботливое! Доброе не для твоёго ненаглядного, единственного Беленького, а для всех выхухолей, для всех коршунов, для всех стрекоз, для всех живых! Ну да хватит тебя учить! – прервал себя Хранитель

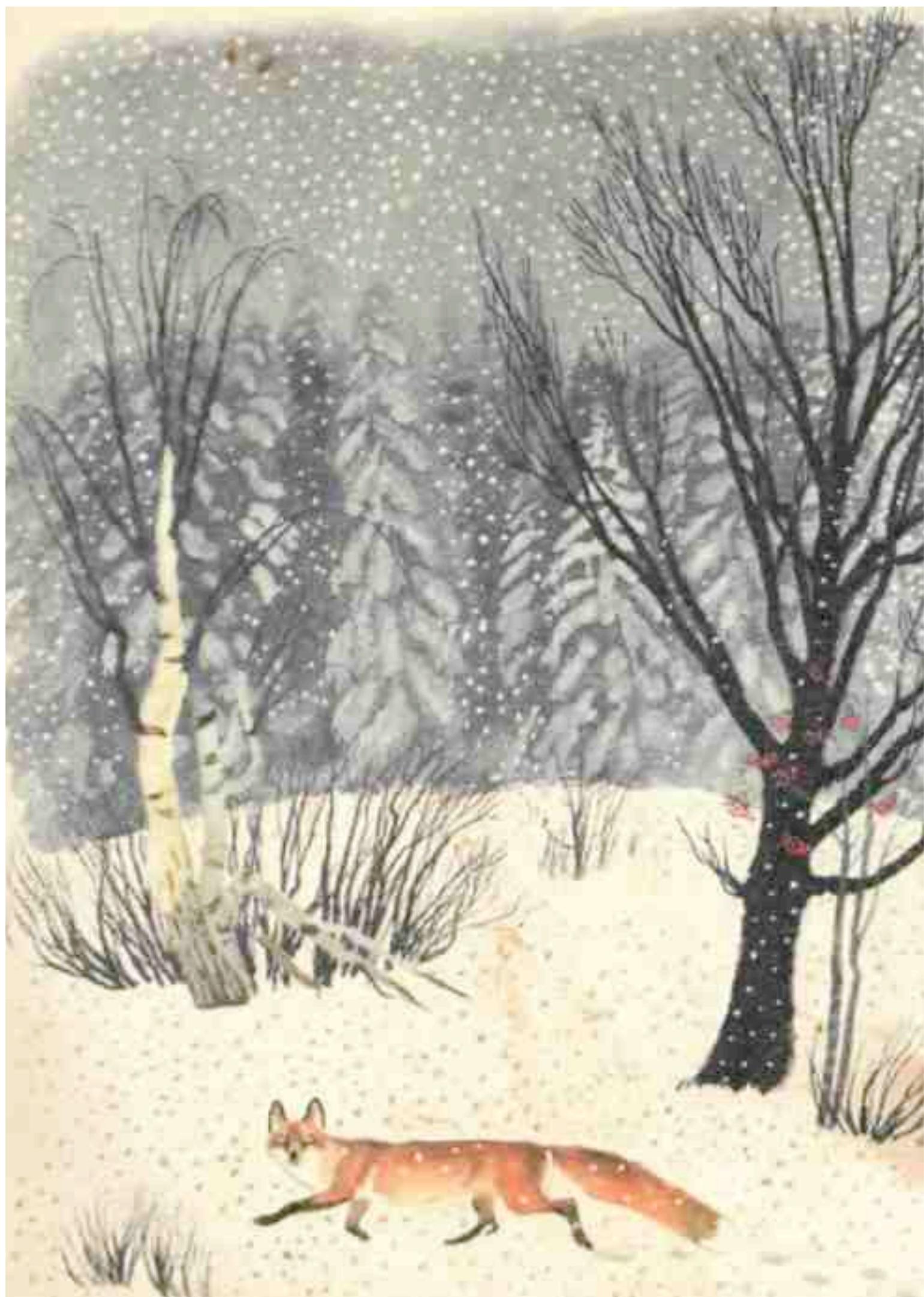
Вит. – Лучше сам смотри да мотай на ус, пока в моём царстве находишься да понимать язык моих жителей можешь. Давай–ка ищи другую дверцу, а я, пожалуй, пойду...

– Подождите, дедушка! – вспомнил Тимка про свои вопросы. – Подождите, пожалуйста! Мне очень хочется узнать, откуда взялись эти противные ондатры в наших озёрах. Оказывается, раньше их не было здесь? И ещё я не успел спросить, как же всё–таки из больших стрекоз получились маленькие? И ещё: почему в доисторические времена папоротники и хвощи были деревьями, а теперь стали травой? И ещё: как...

– Подожди, подожди! Не тараторь понапрасну! – прервал его Хранитель Вит. – Про ондатру сразу же скажу: завезли её люди к нам в озёра да реки из далеких стран. А охранить от неё выхухоль – нашего исконного русского зверя и мех–то у которого получше, чем у ондатры, – не подумали. И мне–то с этой ондатрой мучение. И как они уживутся дальше, не знаю... Ну, а на остальные вопросы потом, сейчас мне некогда. Пошёл я, пошёл...

Старик стал уменьшаться, уменьшаться, его плащ из белого стал серым, спина покрылась густой шерстью, руки и ноги превратились в короткие лапки. И вот перед Тимкой уже не старик, а обыкновенная выхухоль. Она приветливо махнула Тимке хвостом, тихонько фыркнула и без всплеска погрузилась в воду.

Оглянулся Тимка, а он уж сидит в Пещере Времени Года и смотрит на озеро, что в уголке летней стены.

ЗНАКОМСТВО С ЛИСАМИ

Ещё несколько минут вглядывался Тимка в озеро: не покажется ли там хоботок выхухоли, но оно было спокойно и неподвижно. Постепенно его снова охватила гнетущая тишина пещеры. Надо было действовать.

Тимка ещё раз внимательно перебрал камни браслета. В глубине горного хрусталя он с радостью увидел чёткий силуэт Хоха. Тот куда-то деловито плыл, гребя всеми лапками и подруливая хвостом.

Рядом с празднично сверкающим ожившим горным хрусталем был скромный непрозрачный камень. Овальной формы, без огранки, сильно выпуклый, он напоминал половинку спелого желудя и был почти того же цвета – золотисто-жёлтый. Особая прелесть камня заключалась в темно-коричневой узкой полоске, которая пересекала его вдоль, проходя по самой высокой его кривизне. Эта полоска придавала камню загадочность.

– Как точно назвали его тигровым глазом, – пробормотал Тимка вслух, и голос его гулко раздался под сводами пещеры. – Ума не приложу, где же искать такую глазастую дверку в пещере?

Немного помедлив, Тимка решительно направился к осенней стенке и принялся внимательно осматривать ворох красочных листьев.

– Нет, нет... и здесь нет... – ворчал он, но не терял надежды найти именно здесь нужную дверцу.

Чтобы удобнее было искать, он раздобыл небольшую палку и, как заправский грибник, стал разгребать все подозрительные кучки.

– Ага, попалась! – обрадовался было Тимка, почувствовав что-то круглое и твёрдое.

Он быстро присел на корточки и разгрёб листья руками. Прямо перед ним торчала огромная коричневая шляпка белого гриба.

– Вот это гриб! – восхитился Тимка. – Но ты–то мне сейчас совсем не нужен... Вот если бы ты был дверкой из тигрового глаза... – И Тимка снова настойчиво принялся разгребать листья. – Ну, кажется, опять гриб! – решил он, почувствовав под листьями что–то твёрдое и круглое, но на всякий случай снова разгрёб листья вокруг.

Там, как будто ехидно подмигивая, торчал большой каменный тигровый глаз, влажно поблескивая среди листьев. Найти маленькое углубление, вставить туда камень из браслета было минутным делом. Тимка чуть–чуть нажал камешек браслета в углублении дверки и...

«Рртяв! Тяв! Тяв!» – только и успел разобрать Тимка в обрушившемся на него шквале ударов и пинков.

Чьи–то когти полосовали ему спину и плечи, а острые зубы рвали рубашку, добираясь до шеи. В Тимке проснулся звериный инстинкт – он принялся в свою очередь рвать зубами кого–то мягкого, шерстистого и упругого, царапать ногтями горячую острую морду, стараясь оторвать от себя это сумасшедшее создание.

– Я Тим...! Тьфу! Тьпу! – отплевывался Тимка, не успевая что–нибудь сказать. – Я Тимка из Пещеры! Тьп, тьф! Меня послал... Тьпу!.. Хранитель Вит!

Наконец ему удалось с большим усилием оторвать от себя это существо. Не удержавшись, Тимка потерял равновесие и покатился по крутому склону вниз, увлекая за собой песок и царапаясь о колючие кустики.

Шлёп! – туча брызг взвилась над ручейком, струившимся по дну глубоченного лесистого оврага. Ошарашенный происшед–

шим, Тимка заплескался, пытаюсь встать, а сверху до него донеслось:

– Уходи! И не приходи больше сюда! Знаю я вас! Сначала заманите, а потом пристрелите или свору собак напустите! Уходи! Убирайся! Не пущу к своей норе! Так и передай своему Хранителю! Тяв, тяв!

Тимке захотелось заплакать от негодования и злости. Он не сделал этой лисе – а это была именно лиса, с роскошным красным хвостом, темнокрасной, почти коричневой спиной и нежным белым брюхом, – ничего плохого да и не собирался ничего замышлять против неё! И вот такой прием! Ныли царапины на спине и плечах, горели укусы на шее и груди, струйки крови запеклись на руках, покусанных лисицей.

«Пожалуй, надо убираться отсюда подобру–поздорову! – решил было Тимка, но тут же спохватился: – А как же приказание Хранителя Вита увидеть и понять всё? Нет, отсюда уходить нельзя! Ну, а оставаться с этой бешеной лисой тоже невозможно», – спорил он сам с собой.

Он вылез на большой валун, лежавший посредине ручейка, и медленно приходил в себя, осматриваясь. С той стороны, откуда он скатился в ручей, склон оврага был не таким лесистым. Густые кусты орешника переплетались с невысокими рябинками и шиповником. Пониже, совсем у воды, в самой глубине оврага густые заросли малины и крапивы были промяты широкой полосой – здесь прокатился Тимка. Верх оврага зарос большими дубами и соснами. С другой стороны весь склон был покрыт густым лесом.

Тимка сообразил, что, открыв дверцу, он очутился у самого входа в лисью нору, что виднелась у основания сосны, росшей посредине склона оврага. Там была небольшая песчаная площадка, на которой теперь сидела лиса и, позевывая, довольно морщила свою чёрную длинную мордочку. Спина у неё была

огненно–красная, такого же цвета длинный пушистый хвост с белой кисточкой на конце сейчас спокойно свернулся колечком. Белая грудь переходила в такого же цвета чистенькое брюхо. Лапы, по крайней мере передние, которые были хорошо видны, совсем чёрные, будто обутые в сапожки.

«Ppp! Тиуавв!» – мягко проворчала и тьякнула, совсем успокаиваясь, лиса. Это был, видимо, сигнал. В тот же момент из норы выглянули сразу пять маленьких чёрненьких мордочек.

– Придётся пристроиться где–нибудь здесь, на безопасном расстоянии, и посмотреть, что будет дальше, – решил Тимка, осторожно поднимаясь с камня и карабкаясь на лесистый склон оврага.

Как он и рассчитывал, отсюда отлично был виден противоположный склон с лисьей норой.

– Сейчас вот найду удобное местечко, где тебя, злюка, будет видно как на ладони, а меня ты и не увидишь! – злорадно приговаривал он, оглядываясь кругом. – Вот это, кажется, то, что мне надо!

Ухватившись за обнаженные корни сосны, он ловко подтянулся вверх и оказался в небольшой песчаной яме, образованной под корнями старого дуба. Отсюда нора была хорошо видна, а Тимку прикрывали небольшие заросли малины. Чтобы получше видеть нору, раздвинул несколько кустиков и выглянул в получившееся окно.

Нарушенная Тимкиным вторжением, жизнь лисьей семьи потекла своим чередом. И снова время чудесным образом раздвоилось – одно, нормальное, время текло для Тимки, а другое, словно уплотнённое, убыстрённое, – для всего окружающего. Вечерами Тимка наблюдал, как лис и лисица отправлялись на охоту. Возвращались они только под утро. Лисица, утомлённая, разваливалась на площадке около норы, а лисовин выбирал себе место для отдыха где–нибудь поблизости. В это время из норы

вылезали лисята и принимались играть. Со звонким тьяканьем, наскакивая друг на друга, прыгали по маме лисице, кусали и тормозили её за лапы, за уши, покусывали морду. Лиса как будто не обращала никакого внимания на эти игры, лежала, блаженно закрыв глаза и вытянувшись. Наконец, когда ей надоедала эта суматоха, она легко стряхивала малышей.

«Рртяв! Ррртявв!» Лисята замирали на месте, а лисица, тихонько ворча, уходила на два–три шага в сторону от площадки перед норой, ложилась под куст шиповника и продолжала сладко дремать. Тут наступало время игр лисят друг с другом.

«Урр! Урр! Тьяяв! Ауув!» – кидались друг на друга, притворно сердито кусались, тьякали и злобно урчали лисята. Наигравшись досыта, они разбегались по сторонам площадки и, свесив языки и глубоко дыша, ложились отдыхать.

Очень скоро Тимка научился различать всех лисят. Особенно выделялся один крупный лисёнок, который неизменно во время драк оказывался победителем. Он же отличался и особенно неугомонным нравом: когда другие лисята, лёжа и высунув языки, млели на солнце, он всегда исследовал окрестности – то, наострив уши, разыскивал стрекочущего где–

то рядом кузнечика, то выкапывал какой-то корешок на склоне, то до изнеможения пытался забраться на косо растущий ствол сосны. Не дожидаясь уроков матери, этот лисёнок – Тимка назвал его Курносым за особенно вздернутый нос – первым бросался на полузадушенных землероек и полёвок, которых приносили малышам, когда те немного подросли и их надо было учить охотиться.

«Что заметил Курносый на этот раз?» – спрашивал себя Тимка, внимательно наблюдая за затаившимся в траве лисёнком.

А тот ловко прыгал и схватывал кузнечика, пытавшегося скакнуть подальше.

«Чамк!» – только облизнулся Курносый.

– Ага! Вкусный оказался кузнечик, – решил Тимка.

Потом уж, глядя на Курносого, принялись за ловлю кузнечиков и другие лисята. А Курносый тем временем опять придумал новую игру – ловить бабочек.

Скок – и мимо! Скок – и мимо! Но не унывает Курносый, упрямый оказался. Скок! Есть! Только крылья от крапивницы полетели в разные стороны. Однако бабочка не по вкусу пришлась лисёнку. Перестал он за ними гоняться. Теперь сидит облизывается около цветущей таволги. А на её белой шапке несколько пчёл копошится, не боясь совсем Курносого.

Щёлк! – сразу трех пчёл зажал Курносый во рту.

– Ай! Тицай! Тицаф! Айай! – Он завизжал, закрутился на месте, трясая головой с раскрытым ртом. – Тью! Тьфу! Айайай! – Глаза вытаращил, по земле начал кататься. Больно ему, а кто обидчик – непонятно. Такие маленькие пчёлки разве могут так кусаться?

Встревоженная стонами лисёнка, мать лисица поднялась со своего места.

– Тяв! Тяв! Что случилось? Пчела укусила? – И назидательно добавила: – Так тебе и надо! Учись уму-разуму. Тяв!

Но и тут Курносый не раскис. Катался–катался по земле, стонал–стонал да и обнаружил, что боль сразу же утихает, если нос в мягкую землю зарыть! Уж потом он вдоволь посмеялся над своими братцами и сестричками, мучавшимися от пчелиных укусов. А сам больше пчёл без дела никогда не схватывал. Но что всего больше удивило Тимку, наблюдавшего за этим Курносым, так это то, что он всегда оказывался самым послушным из всех лисят. Стоило матери тревожно тьявкнуть, как Курносый первым стрелой бросался к норе и первым скрывался в её спасительной черноте; стоило матери призывно тьявкнуть, как Курносый первым оказывался возле неё.

Старый лисовин не принимал участия в играх малышей, но Тимка видел, как он внимательно наблюдал издалика, со своей лежки, за ними, готовый броситься на всякого, кто посмеет нарушить их покой.

«Да, за такими беспечными лисятами нужно наблюдать внимательно!» – не раз думал Тимка, видя, как тот или другой лисёнок бесстрашно носится по склону оврага, с каждым днём всё дальше и дальше убегая из–под надзора родителей.

С особенной опаской наблюдал Тимка за появляющимся время от времени над оврагом большим ястребом–тетеревятником: он–то хорошо запомнил теперь, после нападения на

выхухолёнка Беленького, какими опасными могут быть хищные птицы. Но то, что знал Тимка, ещё не знали маленькие лисята...

Тёмная тень пробежала по склону оврага и на мгновение остановилась над лисьим семейством, беспечно игравшим на солнышке.

– Урр! Урр! – Лисица едва успела тревожно зарычать.

И только Курносый метнулся стрелой к кусту шиповника. Остальные лисята испуганно прижались к земле, распластались и недоуменно глазели по сторонам. В воздухе послышалось лёгкое стремительное шуршание, тёмная тень как будто упала с неба и накрыла собою одного из лисят. Приглушённый визг, треск крыльев, яростное тьяканье лисицы и злобное ворчание старого лиса слились для Тимки в один клубок звуков.

– Я так и знал, – прошептал Тимка, наблюдая, как громадная птица тяжёло поднималась всё выше и выше, держа в лапах безжизненное жёлтое тельце одного из лисят. Как это ни странно, но Тимка не особенно расстроился. – Сейчас в этой борьбе за жизнь победил ястреб, а завтра, кто знает, может быть, и лисица!

Четыре оставшихся лисёнка сбились в кучу и поспешно залезли в нору, а разъярённая мать ещё долго прыгала вверх и злобно тьякала. Во все следующие дня, вылезая из норы, играя на песке, охотясь за полёвками или занимаясь ловлей насекомых, лисята нет–нет да и посматривали на небо.

Но жизнь шла, и скоро пережитый страх был забыт. Лисята сильно подросли и снова уходили всё дальше от норы. И вот наконец они стали ходить по вечерам на Охоту самостоятельно. Тимке видно было, что мать и отец издали сопровождали их, но тем не менее подросшие лисята теперь стали уже вполне самостоятельными.

«Урра!» – обрадовался Тимка, увидев первую крупную добычу, притащенную Курносым.

Это была серая куропатка, которую Курносый схватил, когда она сидела на гнезде. И принёс добычу к норе совсем так, как приносили убитых птиц отец и мать – с перекусанной шеей,

закинув на плечи, волоча крыльями по земле. Потом и другие лисята стали приносить кто водяную крысу, кто полёвок или мелких птиц.

– Ну, вот уж это ты зря принёс! – осуждающе пробормотал Тимка, увидев однажды утром, как один из самых маленьких лисят притащил большую белую курицу, похищенную в ближайшей деревне. – Теперь–то люди узнают, что поблизости есть лисицы, и вам придётся плохо! – с огорчением предположил Тимка, и он не ошибся.

Взрослые лисы, когда возвращались к норе, всегда приходили не прямо, а делая большие круги около норы, запутывая следы, и в самом конце пути скакали по камешкам ручья. Так же поступали, по примеру родителей, и все молодые лисы. Но в этот раз, когда Воришка – так окрестил его Тимка – притащил курицу, он появился прямо с той стороны, откуда по утрам и вечерам слышалось пение петухов и изредка доносился лай собак. День прошёл тихо, и Тимка совсем было успокоился. На следующее утро он с ужасом увидел, что Воришка снова принёс курицу и снова появился прямо со стороны деревни. Воришка принялся разрывать курицу на куски чуть поодаль от норы, где вчера разорвал первую. Мать лисица недовольно заворчала на него. Скоро почти весь склон оврага покрылся легкими белыми перьями, которые так и летели из–под клыков и лап Воришки.

«Убегайте отсюда, пока не поздно! – хотелось крикнуть Тимке лисьему семейству. – Убегайте, пока не поздно!» Тимка хорошо знал, что люди не прощают зверям и птицам вторжения в свои владения, и был уверен, что час расплаты за воровство близок. Так оно и случилось...

– Уррр! Внимание! – Старая лисица настороженно подняла уши, прислушиваясь.

Насторожился и разлѣгшийся было в тени сосны недалеко от норы Курносый. Далеко–далеко заливисто залаяли собаки. Первым вскочил старый лис и решительно направился прямо в ту сторону, где лаяли собаки.

«Хочет увести их от норы», – догадался Тимка. И действительно, скоро собачий лай удалился куда–то в сторону и совсем затих. Лисица успокоенно опустила голову на лапы. Она не знала ещё, что, кроме собак, на их поиск пошли и охотники–следопыты. Эти охотники давно знали, что в заросшем густым лесом глубоком овраге несколько лет назад были лисьи норы. И сейчас они напрямиком направились к оврагу, оставив собак бегать за хитрым лисом.

И опять первой услышала опасность мать лисица. Она ещё не знала, насколько серьезна эта опасность – появление людей в лесу. Изредка в лесу встречались люди, но они никогда не забирались в густо заросший овраг. Может быть, и на этот раз они пройдут мимо? Лисята внимательно следили за матерью, тоже настороженные и немного испуганные.

«Урр! Внимание! Опасность!» Треск сучьев послышался совсем близко. Больше медлить было нельзя.

«Тяв! Рртяв! За мной!» – только и сказала лисица и решительно бросилась прочь от норы в противоположную сторону. Но лисята пока оставались на месте. Ещё не было в их жизни случая, чтобы родная нора не укрыла их от опасности. Лисица остановилась на секунду и призывно тьякнула ещё раз.

«Рртяявв! Рявв! За мной! Скорее!» Словно подброшенные пружиной, за ней ринулись Курносый и ещё один лисёнок. Двое других нерешительно тронулись сначала за матерью, а потом остановились, жалобно заскулили и шмыгнули один за другим в тёмное отверстие норы. Всё затихло.

Тимке вдруг захотелось быстро спуститься вниз и выгнать лисят из норы, выгнать их оттуда прочь, отправить их за матерью. Но руки и ноги сделались ватными и не слушались. Так часто бывает во сне: хочешь бежать от опасности, а не можешь сдвинуться с места.

– Вот где живут эти разбойники! – раздался мужской голос, и на полянку у норы вышел высокий человек с ружьём за плечами.

За ним появился второй с плотно набитым рюкзаком и лопатой в руках.

– Да, тут доказательство налицо, – поддержал он первого, оглядывая усеянную белыми перьями окрестность норы. – А вот и нора!

– Наверное, пустая, – предположил первый, с ружьём.

– Сейчас посмотрим! – откликнулся второй, снимая с плеч рюкзак и аккуратно распуская завязку.

Из рюкзака тотчас выпрыгнул небольшой лохматый пёс, белый, с рыжим пятном на правой стороне головы. Голова у него была странная – почти квадратной формы, как будто обрубленный впереди клин. Коротенький хвост вертелся со скоростью пропеллера из стороны в сторону. Но вот пёс решительно бросился к норе и, чуть помедлив у входа, ловко прямо–таки ввернулся внутрь.

– Кажется, что–то есть! Не зря я выпросил этого фокса в городе! – Высокий охотник прислушался к звукам, доносившимся из–под земли, и потянулся за ружьём, прислоненным к стволу дерева, росшего неподалеку.

– погоди, не стреляй, Митрич: попробуем взять живьём, – предложил тот, что принёс собаку.

Шум в норе приближался из глубины к входу. Рычание, приглушенная возня – и вот из норы показался хвост лисицы, а затем она и сама выползла, яростно отбиваясь от наседавшего на неё пса. Оказавшись на поверхности, лисица рванулась в сторону и хотела было пуститься наутек, но фокстерьер, мгновенно изловчившись, схватил её за горло. Так и накрыли их обоих плащом, крепко прижали лисицу к земле, с трудом оторвали от неё вцепившегося фокса. Лисёнок извивался, пытался укунить людей, но его судьба была решена: крепкая тесёмка опутала передние и задние ноги и затянулась мёртвым узлом на морде.

– А ну полезайка теперь в мешок! – приговаривал высокий, запихивая спеленатого лисёнка в рюкзак.

– Митрич! Смотрика: в норе, верно, ещё лиса осталась!

И в самом деле, фокстерьер, не успев даже немного поотдышаться, снова рванулся и исчез в тёмном отверстии. Тимка с тяжёлым чувством наблюдал всю эту картину: он уже предвидел исход неравного поединка.

– Вот и лопата не понадобилась, – удовлетворённо проговорил низенький, плотно увязывая мешок с двумя лисятами. – За две курицы – два лисёнка, не так уж плохо!

– Малых–то взяли, а старые ушли, да, видать, и других молодых с собой увели! – проговорил высокий, собирая разбросанные около норы вещи. – Ну да ладно, в этом году лисы больше сюда не вернуться, это уж точно!

Через некоторое время снова, и теперь уже надолго, установилась тишина около разорённого лисьего логова.

Выбрался Тимка из своего убежища и ещё раз удивился, как быстро кругом шло время: казалось, ещё пять минут назад было позднее лето, а вот уже пожелтели берёзовые листья, и земля уже прихвачена первым морозцем.

«Как же мне узнать, что делается теперь с моими лисятами?» – подумал было Тимка, пробираясь через густой молодой ельник.

Здесь, под густыми еловыми ветками, было совсем темно. Но вот ельник остался позади, а в лесу было по–прежнему темно. Взглянул Тимка на небо и поёжился: громадная свинцовая туча закрыла весь небосвод, острый, пронизывающий ветер раскачивал вершины голых берёз, шумел еловыми лапами. Вот мелькнули первые снежинки и посыпались, понеслись по лесу, аккуратно покрывая белой пеленой всё вокруг. Снег шёл и час, и другой, и всю ночь, а наутро весь лес стоял неестественно тихий и неподвижный.

– Ну вот и замечательно! – обрадовался Тимка, ничуть не испугавшийся этого белого безмолвия. – Теперь–то я найду своих лисят!

Говоря так, он вспомнил, как они с папой каждый год старались попасть из города в лес сразу после первого снегопада и как папа учил его азбуке зимнего леса. Конечно, в этом предмете Тимка ещё не был отличником или даже «хорошистом»,

как иногда называли в его школе четверочников, но разобрать, где пробежала лиса, он мог уверенно.

– Тут уж не запутаешься... – бормотал Тимка, выглядывая среди деревьев, не мелькнёт ли где-нибудь такая заметная цепочка лисьих следов.

Немало пришлось исколесить ему лесных гривок, косогоров и оврагов, пока наконец он не нашёл того, что хотел, – ровную цепочку следов. Да, сомнений не было: здесь совсем недавно прошла лиса. То, что прошла лиса, а не собака, по следу определить было совсем не трудно – аккуратно, след в след, ступали лапки, и все отпечатки как будто по ниточке выведены вдоль одной линии, а две передних подушечки с коготками чуть отставлены вперёд от трёх задних.

– След небольшой, видно, лиса молодая, – размышлял Тимка. – Придётся пойти по следу, иначе ничего не увидишь.

Говоря так, Тимка, конечно, подражал отцу, который спокойно и уверенно разбирался в лесных следах, и всегда всё получалось, как он говорил. Тимка сначала не верил, что можно догнать лису или зайца по следу, но они вместе с отцом не раз это делали потом, чтобы полюбоваться издали на охотящуюся лису или вышугнуть зайца из чащобы.

Прошёл Тимка аккуратно около следа с полкилометра и вышел на опушку леса. Здесь ровная строчка кончилась. По следам было видно, как зверь бросался то в одну, то в другую сторону, разрывал лапами тонкий снежок и ещё не особенно мёрзлую землю.

«Мышковала...» – опять по-взрослому и с удовольствием, что правильно разобрался, подумал Тимка, увидев следы охоты за мышами. Здесь действительно лисица хорошенько поохотилась на колонии полевых мышей, сильно размножившихся этой осенью.

И тут Тимке повезло. Пока он раздумывал, что делать дальше, чтобы побыстрее встретить лису, она сама пожаловала к нему в гости. В разгар охоты она на время потеряла осторожность и случайно оказалась совсем близко от опушки, где замер Тимка. Да, сомнения больше не оставалось: это был Курносый, тот самый лисёнок, который тогда следом за матерью убежал от охотников, пришедших к норе. Какой он стал большой и красивый! Только вздернутый нос остался такой же смешной и заметный. И тут Тимке пришла в голову счастливая мысль поговорить с Курносым.

– Тявтяв! – затыкал Тимка неожиданно для себя звонким голосом. – Тявтяв!

Лисица вздрогнула, метнулась было в сторону, потом настороженно остановилась, повернулась носом к Тимке и чуть опустила голову набок.

– Тявтяв! Я Тимка! Здравствуй, Курносый! Я так рад, что снова встретил тебя живым и здоровым! Тявв!

– Рр! Тиявлв! Я ведь не знаю тебя! Чего тебе нужно от меня? Тиявв! Рр! Откуда ты знаешь наш язык? – недоверчиво оттявкнулся лис.

– Я пришёл от Хранителя Вита и давно знаю тебя. Тяв! Ещё с тех пор, как ты – тявтяв! – играл с другими лисятами у норы в овраге.

– Урр! Так это ты привёл охотников к норе? Ррр! – подозрительно и всё более настораживаясь, спросил лис. Шерсть на его загривке слегка приподнялась и теперь грозно топорщилась. Оскаленная морда смотрела на Тимку.

– Нет–нет! Охотников привёл к норе твой глупый брат, который стащил курицу в деревне! Помнишь, сколько белых перьев летало у норы? Тявв!

– Тявтяв! Мы все тоже так решили, – немного успокоился Курносый. – Но что ты хочешь от меня? Ряв!

– Где твой брат и родители?

– Брат и мать погибли от какой-то страшной болезни. У них выпали волосы, шуба стала холодной, а всё тело сильно чесалось. Я боялся к ним подходить. Тяв! Тяврр! Отец ушёл в другие места, и я его давно не встречал. Теперь здесь хозяин я! Тятяв! – И лис гордо выпрямился и мотнул хвостом из стороны в сторону. – Не подходи ко мне! Тятявтвяв! – И лис отпрыгнул от направившегося было в его сторону Тимки. – Я терпеть не могу всяких двуногих с их ружьями, собаками, капканами! Я не боюсь тебя, но не доверяю тебе и твоёму Хранителю Виту. Прощай! Тявавауай! – И, решительно повернувшись, Курносый большими прыжками понёсся прочь.

«Вот так поговорили! – обиженно подумал Тимка. – Так я, пожалуй, никогда не вернусь в пещеру».

– Ну вот это уж напрасно, – раздался знакомый голос рядом с Тимкой, затем что-то пронеслось мимо него и шлепнулось на землю рядом с лисом.

Ещё мгновение, и лис, жалобно скуля, повернулся к Тимке и, поджав хвост, затрусил к нему рысцой. На его спине, уютно устроившись, сидел Хранитель Вит в своём неизменном берестяном плаще.

– Это уж ты напрасно путаешь меня с людьми, – повторил он ещё раз, теперь уже определенно обращаясь к Курносому. – Вот люди, те действительно часто портят природу, не задумываясь ни о завтрашнем дне, ни о жизни своих внуков и правнуков. А мы с тобой, – тут старик потрепал Курносого за ухо и ласково щелкнул по носу, – мы с тобой и есть та самая живая природа, которая все свои сегодняшние заботы меряет завтрашней меркой. Вот ты уродился и смелым, и на ученье податливым, и осторожным в меру – вот и принюхивайся к жизни, ищи для себя подругу, размножайся. Научился мышковать получше, так будь уверен, найдётся и полёвка, которая от твоёго носа укроется, и

тетеревишка, который от тебя спасётся. В их потомстве ещё похитрее твари встретятся и с твоими будущими лисятами потянутся: кто кого победит в борьбе за жизнь? Вот так без конца живое изменяется да изменяется. А я слежу за всем этим делом да радуюсь, когда что-нибудь не только новое, но я толковое получается... Ну, беги теперь. – И Хранитель Вит приподнялся, чуть взлетел и опустился рядом с Тимкой.

Но Курносый, вместо того чтобы стремглав улепетнуть подальше, медленно подошёл к Тимке и сел рядом с ним на снег, внимательно рассматривая во все глаза Хранителя Вита.

«Как будто привязали его глаза туда!» – мелькнуло у Тимки.

Лис сидел теперь совсем рядом, и рука Тимки сама собой осторожно подвинулась и что есть мочи схватила его за пушистый рыжий хвост.

«Рртявь! Рравтяв!» И Курносый, обернувшись, вцепился сильными зубами в руку. Тимка отпустил лисий хвост и отдернул

руку. Старик как будто и не обратил внимания на потасовку, только погладил Курносого по голове и сказал:

– Молодец! Будь всегда начеку! А теперь – беги! Живо! – И уже обращаясь к Тимке: – Ты зачем его трогал? Помешал тебе его хвост, что ли? Получил по заслугам. Хулиганов мой браслет не защищает. Имей это в виду на будущее. Слышал, что я лисице рассказывал? Слышал? Хорошо! Это я не столько Курносому, сколько тебе говорил. За храброе поведение с лисицами да за находчивость твою за этой дверкой. Конечно, это ты уже и сам знаешь, только ещё не сложилось у тебя в голове всё. Ну давай действуй дальше, глядишь, всё же удастся хорошего человека из тебя смастерить!

Хорошего,
полезного,
нужного,
не вредного!
Хорошего,
полезного,
нужно...
не вред...го!..рошего,
поле...го... –

затих голосишко Хранителя Вита.

«Куда же он пропал? Что ещё за новые фокусы?» – заволновался Тимка. Бросился он к тому месту, где только что стоял Хранитель Вит, – до самой земли в снегу воронка, а в земле – отверстие небольшое, и из него парок даже вьётся. Нагнулся Тимка к самой дырочке – побольше она стала. Попробовал засунуть туда голову – пролезла свободно. Недолго думая Тимка спрыгнул в яму. Видит – и дальше ход есть. Он смело пополз дальше. А ход прямо вниз идёт, и далеко внизу светлое пятно

виднеется. Тимке хочется поскорее до него добраться, спешит, от стен отталкивается. Но вот ход расширился, и полетел Тимка прямо вниз головой куда-то в пустоту.

«Как Алиса в Кроличьей норе, – мелькнуло в голове. – Сейчас попаду тоже, наверное, в Страну Чудес».

Шлёп! – Тимка с размаху шмякнулся на мягкий моховой пол в Пещере Вре́мён Го́да.

Рука у Тимки болела. В тех местах, где прошлись зубы Курносого, запеклись капельки крови. Но злобы не было в душе. Он даже не особенно жалел, что схватил лиса за хвост: ему так давно хотелось подержаться за лисий хвост, не упускать же такой удачный случай!

– Но главное – я, кажется, понял, как изменяется всё кругом: родился хитрый лисёнок или ловкая стрекоза, и они оставят после себя таких же детей. Но эти дети будут бороться за жизнь тоже с хитрыми существами, которые только и выжили среди жуков, мышей, птиц. Вот здорово! – продолжал восторженно размышлять Тимка. – Пройдет несколько поколений, и все могут измениться! Лисы заставят изменяться мышей, а мыши – лис!!!

СТРАШНАЯ ЛЕСТНИЦА

– Ну, будем считать, что и второй класс моей школы ты окончил, – задумчиво прошамкал Хранитель Вит, стоя посредине Пещеры Вре́мён Го́да. – Теперь пора и в третий класс, – продолжал старик. – Придётся мне, пожалуй, на время отложить кое-какие свои дела и отправиться вместе с тобой. Да-да, в третий класс вместе с тобой! Ну-ка, какой там у тебя следующий камень в браслете? Голубой сапфир? Очень хорошо... Просто прекрасно... Сейчас и я такой достану, сейчас... – Он полез рукой

под плащ и вытащил сделанную из точно такого голубого сапфира небольшую палочку, размером со столовую вилку.

Хранитель вспрыгнул на берёзовый пенек, торчащий из пола, смешно помотал ножками, повернулся к Тимке спиной и, как будто дирижируя невидимым оркестром, начал плавно размахивать рукой с зажатой в ней палочкой. От палочки разлетались вокруг мягкие голубые полосы света, и в пещере стало всё голубоватым. У основания пенька что-то скрипнуло, и зелёный, покрытый мягким мохом пол пещеры начал медленно уплывать в сторону, открывая начало широкой каменной лестнице, ведущей глубоко вниз.

– Вперёд! – приказал старик Тимке, указывая рукой с палочкой, и первый побежал вниз по полированным широким ступеням.

Не раздумывая Тимка поспешил за ним.

Прямая, без поворотов и площадок лестница спускалась, казалось, в бесконечность. Справа и слева от лестницы ничего не было видно; и тут только Тимка сообразил, что лестница светится неярким мягким голубоватым светом.

«Как будто из луны сделана», – подумал Тимка.

– Ну и не из луны вовсе, – вздрогнул Тимка от голоса Хранителя, который, не оглядываясь, стучал деревянными башмаками немного впереди. – Не из луны, из селенита она – лунного камня, значит. А светиться её я специально заставил... чтобы не спотыкаться, не спотыкаться...

Они спускались глубже и глубже. Время от времени лестницу пересекали небольшие площадки, сбоку от которых скорее угадывались, чем виднелись какие-то громады, слышались непонятные шорохи и звуки, доносились странные запахи: вот явственно послышался шум леса, вот донеслось журчание ручья, бегущего по камням, тревожно застрекотала где-то сорока... Тимка решительно ничего не понимал.

– Ну, начнём, пожалуй, отсюда. – Старик резко остановился, и Тимка чуть было не врезался в него с разгона.

Они стояли на очередной небольшой площадке лестницы. Слева слышался шелест набегавших на берег волн. Один шаг навстречу этим звукам – и Тимку ослепил дневной свет.

Они стояли на самом берегу небольшого каменистого острова, справа и слева от них берег уходил далеко в море, образуя глубокую и тихую бухту. Из воды тут и там поднимались большие то округлые, то острозубые скалы. У самой воды скалы густо обросли раковинами, водорослями.

Старик быстро поднёс к губам деревянную свистульку, которая висела у него на шее, и пронзительно свистнул дважды: «Фьюить! Фьюиить!» Затем опустился на колени и стал внимательно всматриваться в прозрачную глубину. Тимка последовал его примеру. В тёмной холодной воде плавно

покачивались огромные лентообразные водоросли; то там, то здесь проносились небольшие рыбёшки. И вдруг откуда-то из глубины, раздвигая заросли морской капусты, поднялось очень странное существо. Оно приблизилось к берегу, высунуло морду и спокойно положило голову на мокрый камень у самых ног Хранителя Вита.

– Здравствуй, капустница! – И старикашка ласково погладил зверя по голове.

Это был очень большой зверь длиной с легковую машину. Больше всего Тимка поразила его кожа – корявая и шишкастая, как будто огромный кусок спекшегося шлака. Голова, по сравнению с огромным туловищем, казалась очень маленькой. Вместо носа было подобие небольшого хобота, верхняя губа спускалась складкой вниз, она была покрыта белыми толстыми щетинами, ушей не было видно. Хранитель легонько почесал зверя в том месте, где должна была бы быть шея, и капустница стала сползать в глубину. Только тут Тимка заметил две ноги или нет, скорее две руки с мааленькими копытцами вместо пальцев. Животное, ловко перебирая по прибрежным камням этими руками, сползало глубже и глубже. Вот оно развернулось, будто демонстрировало себя во всей красе.

– А где же задние ноги? – не выдержал Тимка. – И почему у неё дельфиний хвост? Кто это?

Но старикашка приложил палец к губам и взглядом показал направо. Тимка повернулся, чтобы взглянуть на берег, и вздрогнул от неожиданности: совсем рядом с ними на каменистом берегу группа бородатых людей, одетых в какие-то длиннополые одежды, сталкивала в воду большой неуклюжий челн!

Хранитель сделал предостерегающий жест рукой и тихо проговорил:

– Ничего у них не спрашивай... Они нас не видят. Смотри внимательно и всё запоминай.

Лодка тем временем отошла от берега и под сильными ударами вёсел вышла на чистую воду недалеко от группы скал. Здесь люди перестали грести и принялись что-то высматривать кругом, потом снова заработали вёслами. Тут и Тимка увидел на поверхности чью-то большую темноватую спину. Она то появлялась, то скрывалась в набегавших небольших волнах. Зверь, видно, не торопился уходить. Время от времени над водой появлялась усатая голова, с шумом выдыхая порцию воздуха и вдыхая свежий.

– Это же та капустаница, которую я только что видел! – прошептал чуть слышно Тимка.

Лодка подошла почти вплотную к зверю, и тогда человек, стоящий на носу, размахнулся и с силой воткнул ему в бок длинную палку с блеснувшим на конце металлическим лезвием. Гребцы дружно налегли на вёсла, и лодка быстро отошла от животного, которое принялось с силой сгибаться и бить широким плоским хвостом по поверхности воды. Постепенно удары становились всё слабее и наконец совсем прекратились. Люди на лодке, видимо только и ожидавшие этого момента, принялись ловить безжизненную тушу и, привязав её у основания широкого хвоста, стали медленно и с видимым трудом подгребать к берегу. Тут только Тимка обратил внимание на разбросанные на берегу

кровавые куски мяса, костей и внутренностей. Тем временем к месту причала лодки бежало ещё несколько человек, радостно крича и размахивая большими ножами, видно готовясь разделывать убитое животное.

Тимке стало не по себе от этого кровавого зрелища.

– Пойдем отсюда, – повернулся он к Хранителю Виту, – я не хочу больше смотреть, как убивают тюленей.

– Если бы тюленей... – как-то сумрачно откликнулся тот. И вдруг неожиданно резко и громко вскрикнул, обращаясь прямо к Тимке; – Всего двадцать семь лет! Двадцать семь лет понадобилось, чтобы истребить эту беззащитную морскую корову! Совсем! До единой!

Помолчал, словно спорил сам с собой, и сильной рукой схватил Тимку за плечо:

– Ну скажи, мешала она кому-нибудь? Нет! Лучше стало вам, когда её истребили? – И сам ответил: – Конечно, хуже! Смотри-ка, сколько теперь водорослей будет зря расти на скалах! Да здесь десятки тысяч морских коров могли бы кормиться морской капустой! Разводи, промышляй, да только с умом...

Помолчал, волоски на бороде, разлетевшиеся было в стороны, немножко улеглись, хотя то и дело с них всё ещё слетали белые искорки.

– Ладно, хватит, пошли дальше... И ведь не дикари же были эти, как их, землепроходцы, первооткрыватели, мореплаватели, – снова начал кипятиться Вит. – Варвары они были, варвары! Вот кто! Хуже дикарей! Дикари хоть и поглупее, да у них оружия никакого не было серьёзного... Ну, теперь пойдём посмотрим ещё что-нибудь. Рядом здесь, рядом...

В следующее мгновение Тимка и старикашка стояли на площадке лестницы. После яркого дневного света здесь казалось совсем темно.

– Дедушка, – начал Тимка, – а где мы сейчас были? Где жили морские коровы?

Тимка уже понял, что они только что побывали где-то в прошлом и видели то, что ещё не видел в наше время ни один человек на Земле.

Тимке было жалко этих беззащитных и неповоротливых морских коров, и он шумно шмыгал носом.

– «Где, где»! – передразнил он Тимку. – На кудыкиной горе! Сначала всё испортят, а потом охают да ахают, а то и совсем позабудут, что сами сотворили! – И, внезапно успокаиваясь, уже тихо объяснял: – Про Тихий океан слышал? Берингово море знаешь? Вот на строве Беринга мы и были... Чего носом шмыгаешь? Слезами делу не поможешь, не поможешь. Поздно... Пошли дальше. – И старик проворно застучал по ступенькам вниз.

Тимка умел быстрее всех в классе бегать по лестнице, и в школе ему не раз попадало от дежурных старшеклассников, но тут он едва поспевал за своим повелителем.

– Стоп! Кажется, здесь. И помни: нас никто не видит, разговаривать бесполезно. Ну пошли... – сказал старик и исчез.

Тимка нерешительно двинулся в темноту. Вот кончается освещённая голубым мерцающим светом каменная площадка, ещё шаг в непроглядную темноту и... Он оказался в обыкновенном густом лесу. Оглянулся быстро кругом, не бежит ли кто-нибудь, – нет, вроде никого не видно. Тихо в осеннем лесу, стоят буровато-жёлтые дубы, трепещут красные осиновые листочки, темнеет еловая непролазная зелень, ноги заплетаются в высокой некошенной траве. Лес как лес, хоть иди грибы ищи, как где-нибудь недалеко от Москвы, на Пахре, где Тимка часто с мамой и папой собирал грибы. Однако чувство тревоги не покидало Тимку.

«Ведь не зря же я попал сюда – наверное, опять должен появиться кто-то уже совсем вымерший. Но кто же мог жить в наших лесах раньше? Все звери мне знакомы: зайцы, лисы, волки, белки, лоси, барсуки, всякая мёлкая мышинная живность, да землеройки, да ласки и куницы... – лихорадочно перебирал в уме Тимка. – Кто же ещё жил раньше? Лес совсем как у нас: видно, я недалеко оказался от нашего времени... – размышлял Тимка, постепенно успокаиваясь. – И всё же я, пожалуй, лучше подожду немного», – решил он и оглянулся, ища какого-нибудь уютного уголка на этой лесной полянке.

Но не успел он сделать и шагу, как услышал треск сучьев и нарастающий топот тяжёлых ног.

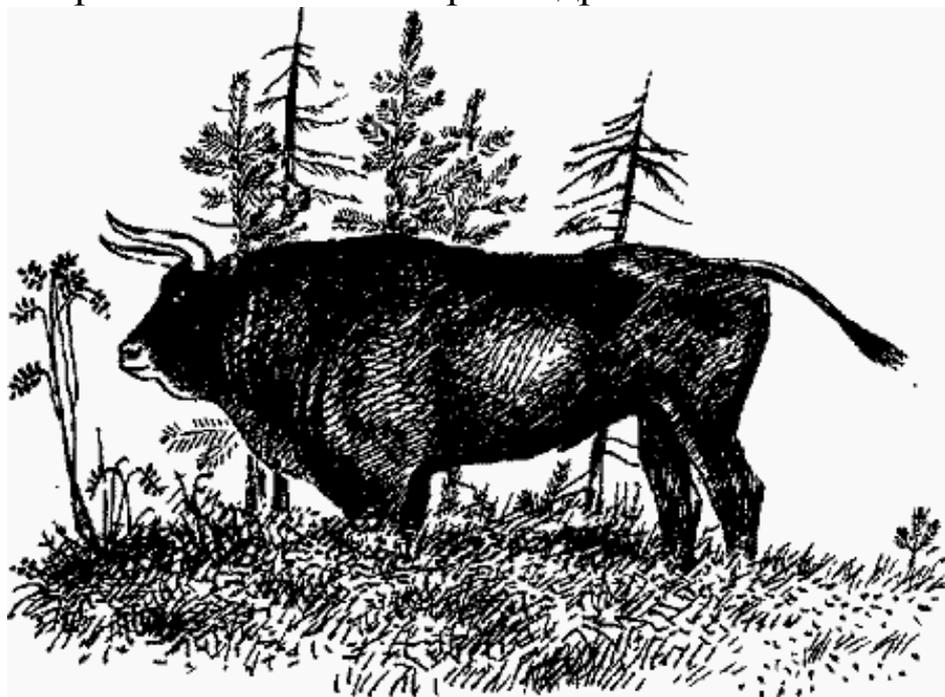
«Лишь бы не мамонт», – почему-то непроизвольно мелькнуло в голове Тимки. К счастью, это действительно был не мамонт, а «кто-то» размером с лошадь или корову.

– А, лось... – разочарованно протянул было Тимка, заметив мелькнувшие между деревьями длинные рога, и тут же вспомнил, что такие острые, неветвистые рога не бывают у лося.

«Зубр! – понял Тимка и похолодел от страха. Он знал, что зубры страшны в ярости и без всякого промедления бросаются на любого, кто потревожит их покой. – Будь что будет, останусь стоять неподвижно, где есть», – решил Тимка, с тревогой наблюдая за выбежавшим на поляну зверем.

Чёрно-бурые, покрытые короткой шерстью бока его вздымались от быстрого дыхания; длинный и, как показалось Тимке, голый хвост всё время находился в движении, хлопая то по одному, то по другому боку; наверху крупной и широкой головы расходились в разные стороны острые; гладкие длинные рога. Их кончики были направлены вверх и вперёд. Что-то удивительно знакомое почудилось Тимке во всём облике этого зверя. А тот с явным любопытством уставился на Тимку, чуть

нагнув голову и скосив большой чёрный глаз. При виде этого большого и чёрного глаза Тимка приободрился.

– Ты не зубр, – тихонько проговорил он, – у зубра длинная шерсть и маленькие сердитые глаза. Я, помню, видел его в зоопарке. Кто же ты тогда?

От звуков Тимкиного голоса зверь вздрогнул, сначала чуть больше нагнув голову, потом поднял её вверх, вытянул шею и... замычал, раскрывал рот.

«Ммы! Ммы!» – низкий утробный звук разнесся над лесом.

И откуда-то издалека раздался ответный крик:

«Ммы! Муу!»

– Дикая корова! Вот это да! – обрадовался Тимка и, совсем забыв об опасности, шагнул навстречу этому чёрному быку.

Но тот мгновенно метнулся в сторону, фыркнул недовольно и вломился в густые заросли кустов. Через секунду только удаляющийся треск сучьев напоминал о происшедшем на полянке.

Неведомо откуда появился Хранитель Вит в своей обычной одежде и встал рядом. Посматривает на Тимку внимательно.

– Видал? Выли и такие звери в наших лесах. Были, да сплыли! Последнего–то убили на королевской охоте в 1627 году. Всё! Как не бывало! А впрочем, от этих–то хоть следочек для вас остался: все ваши коровы пошли от таких туров. А сколько зверья да птицы бесследно уничтожил человек в своём невежестве! Даже мне сосчитать трудно... И какое зверье погибло! Цены бы им сегодня у вас не было. Лелеяли бы да выхаживали бы теперь, ан нет: ни одного не осталось... не осталось... Пойдём–ка, покажу кое–что ещё.

Старик круто повернулся, взмахнул рукой, и они тотчас очутились на ступенях той же самой светящейся лестницы. Несколько ступеней вниз прошли молча. И вот, как и в прошлый раз, один только шаг в сторону от освещённой площадки лестницы волшебным образом изменил всё вокруг?

Тимка сначала опять не понял, где он. Тянул тёплый ветерок. Странные высокие существа сновали в сумрачном вечернем свете, Вот одно из них промчалось почти рядом, обдав густым смрадным потным запахом. Тимка едва успел рассмотреть это создание: что–то вроде большого волосатого человека или обезьяны на двух ногах. В руках – если эти толстенные волосатые конечности можно было назвать руками – оно держало громадный камень. Пыхтя от напряжения, оно тащило этот камень куда–то вперёд, туда же спешили ещё и ещё такие же существа. То тут, то там раздавались короткие гортанные крики, низкого тона мычание, громкое сопенье и хмыканье. Тимка с Хранителем медленно и осторожно двинулись вперёд за этими волосатыми чудищами и подошли к крутому обрыву. Внизу, на глубине нескольких метров, было дно глубокого каменистого оврага, наверное, русло небольшой речки. Там, внизу, медленно

шевелилось что-то большое и бурое, и на эту-то шевелящуюся тушу и сбрасывались один за другим камни.

«Да ведь это же охота на мамонта! – вдруг догадался Тимка. – Я видел такую картинку в музее».

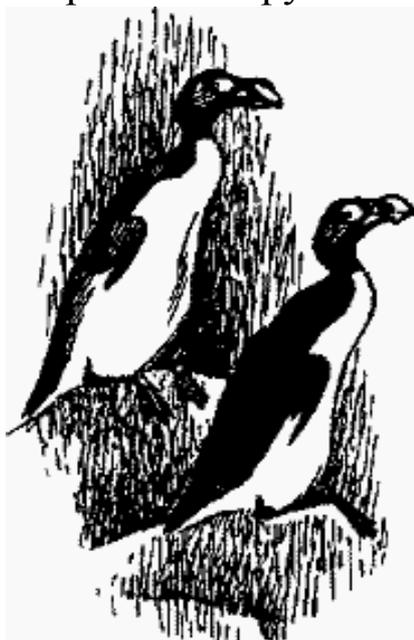
– Вот именно на мамонта! – подхватил старик, опять подслушав Тимкины мысли. – Тут охота, там охота – глядишь, через десяточек тысяч лет и не осталось на Земле мамонтов...

– Но ведь он такой большой и сильный и, наверное, редко попадает в ловушки! – попробовал было возразить Тимка.

– Вот-вот! А тигр маленький? А слон маленький? Сколько их осталось у вас под носом на Земле сегодня? Молчишь? Так я тебе скажу: тигров да носорогов осталось несколько сотен, а слонов – ну, может, несколько тысяч... тысяч... То-то же... На каждого человека в среднем одна стотысячная часть слона. Хоррошо живёте! Дроби в школе проходил? Вот и соображай, сколько это будет! С мамонта да с пещерного медведя всё и началось – тогда ещё только камнями, палками да огнём работали... Ладно, пошли на другую ступеньку.

– Ты подумай только, – неожиданно снова обратился старик к Тимке, пока они спускались дальше по лестнице, – подумай: чуть ли не все самые интересные животные уже уничтожены. Вот посмотри–ка, какими были берега Европы, пока тут не похозяйничали твои предки. – И с этими словами он быстро шагнул в темноту.

Вспыхнул свет, и Тимка оказался опять на берегу какого–то моря. Но это было не далекое дальневосточное море с суровыми скалами. Нет, это было, наверное, Балтийское море, с его тихими свинцовыми волнами, мягкими красками и живописными валунами. И тут же Тимка вздрогнул от неожиданности: прямо рядом с ними на пологом песчаном берегу бродили огромные чёрно–белые... пингвины. Тимка изумленно оглянулся: за ними чуть поодаль возвышался довольно крутой склон коренного берега. На многочисленных площадках, образованных на некрутом берегу, тут и там двигались такие же большие птицы. Выше по склону, у самого обрыва, стояли густой зелёной стеной обыкновенные сосны, некоторые из деревьев цеплялись за край осыпи и росли на крутом склоне.

– Вот здорово! – обрадовался Тимка. – Значит, раньше пингвины жили у нас?

– Нет, голубчик, это совсем не пингвины! Посмотрика внимательнее: разве у пингвинов крылья такие? Разве у пингвинов есть такой хвост? Это знаменитая бескрылая гагарка! Гагарка! – терпеливо объяснял Хранитель. – Ты, видно, и не слышал про них ничего? Жаль–жаль! Миллионы, миллионы птиц гнездились по берегам Европы. Гнездились, пока не появились здесь твои братья – люди. Для них–то гагарка оказалась лёгкой добычей – подходи с палкой и бей, летать не умеет, убежать не может... Да если хочешь знать, в глубокой древности человек, может быть, потому и оставался жить по берегам в Европе, что здесь было вдоволь мяса. Да не додумались, чтобы приручить этих птичек! Что ты! Кому это было нужно? Проще перебить всех по берегам! Перебили... Потом уж и за острова принялись. И знаешь, когда убили последнюю гагарку? Совсем недавно – в 1844 году, твой прадед тогда ещё был жив. Теперь, слышал я, за каждую сохранившуюся скорлупу от яйца гагарки платят в тридцать раз больше золота, чем она весит, а толку что? Не воротись её, пропала безвозвратно...

Старик опять по–особенному повернулся на одной ноге, резко махнул рукой с сапфировой палочкой, как будто закрывая от глаз Тимки всё вокруг, и тотчас же они вновь очутились на полутёмной лестнице.

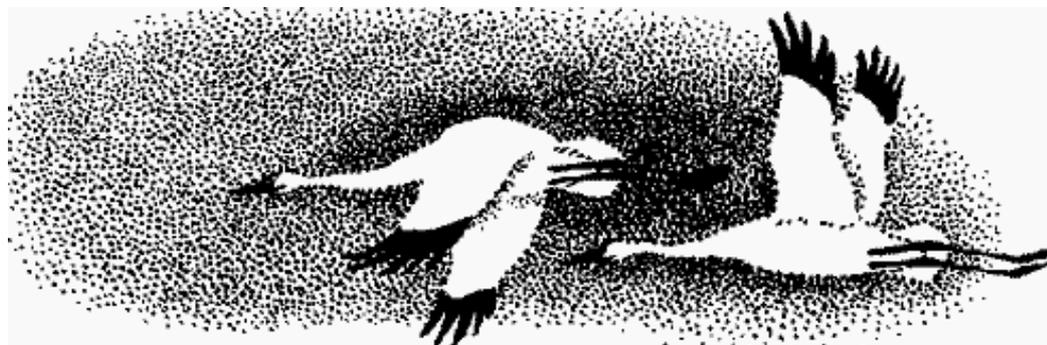
– Дедушка! Но ведь это всё было давно! И мамонтов давно уничтожили, и капустницу и гагарку! Сейчас–то никого так не уничтожают!

– Если бы так! – с горечью откликнулся Хранитель Вит. – А ну–ка посмотри наверх!

Он махнул рукой, и вместо сумрака подземной лестницы над ними распростерлось голубое небо. Вдали виднелось большое озеро, рядом стояли заросли камыша.

– Смотри, смотри вон на ту точку! – командовал Хранитель Вит.

Тимка присмотрелся и увидел летящую прямо на них пару больших светлых птиц. Они летели довольно высоко, метрах в пятидесяти над зарослями озера, и заметно снижались. Длинные голенастые ноги, сложенная и плотно прижатая к туловищу шея – всё сразу же выдавало в них журавлей.

– Мы в Америке, недалеко от берега Мексиканского залива, – прошептал старик. – Это летит на зимовку из Канады одна из последних десяти пар белых американских журавлей. Ещё в позапрошлом году их было тридцать три, а вот сейчас... – Он остановился на секунду, и тотчас же из зарослей камыша взметнулся пучок пламени, и до слуха Тимки донесся несильный хлопок патрона, снаряжённого бездымным порохом. – А вот сейчас осталось только девятнадцать... – И Хранитель замолк, провожая взглядом падающую птицу.

– Зачем же он убил её? Ведь журавлей не едят! – возмутился Тимка.

– А зачем ты разорил гнездо дрозда? – со злостью откликнулся старик. – Разве тебя дома не ждала бабушка с готовым обедом? Что покраснел? Ну с этим браконьером у меня разговор будет короткий... Я отучу его брать в руки ружье! – И с этими словами Хранитель Вит крепко схватил Тимку за руку,

подпрыгнул вверх, пролетел с ним вместе немного и бесшумно опустился в воду.

На воде, в том месте, где они только что опустились, закачались два высоких и острых, как ножи, стебля осоки. Как раз в этот момент из зарослей с легким шорохом выплыла темно-зелёная резиновая надувная лодка, сверху искусно замаскированная пучками травы. Молодой парень с ружьем, повешенным поперёк шеи, ловко управлял ею, стоя сзади и гребя одним широким веслом.

Рраз! – лодка напоролась на два торчащие стебелька осоки.

Тциррк! Тциррк! – лопнули сразу и борта у лодки, и надувное дно, разрезанные двумя зелёными ножами.

Ппуфф! – вздохнула лодка, выпуская разом весь воздух.

Превратившись в мятый мешок, она быстро уходила под воду. Парень в лодке растерялся, но, погрузившись по плечи и почувствовав под ногами дно, приободрился и попробовал пробираться к берегу пешком. Не тут-то было! Переплетённые корни и стебли подводных растений не дали ему сделать и шагу, а илистое мягкое дно постепенно уходило всё глубже и глубже. Побарахтавшись немного, он с отчаянием снял с себя ружье и бросил его вниз. Идти стало легче, но до берега было ещё очень далеко.

– Если к вечеру не выберется, то здесь и погибнет, – уверенно прошептала осока, покачиваясь в воде. – А тем временем подумает, как надо себя вести в природе...

– Так-то вот, а ты говорил «прошлые времена», «давным-давно»! – передразнил старикашка Тимкины интонации.

– Ну хватит торчать здесь в воде. Пойдем на лестницу. Посмотрим ещё что-нибудь свеженькое. – С этими словами говорящая осока согнулась в три погибели, выпрямилась резко, и... Тимка живой и невредимый стоял на лучистой лестнице.

– А ну давай посмотрика вниз!

Тимка послушно взглянул вниз с площадки. Перед ним открылся безбрежный океан. Сырой сильный ветер рвал снасти на небольшом судне, нырявшем в волнах. На самом носу судна была укреплена маленькая, как будто игрушечная, пушчонка, а около неё стоял, крепко держась за натянутый канат, человек в полушубке. Вот он махнул рукой, показывая что-то впереди, и кораблик ловко развернулся в направлении тёмного пятна, медленно поднимавшегося из глубины. Вот на секунду показалась большая плоская голова с двумя длинными щелями, вверх взметнулся фонтан брызг, поднятый сильной струёй воздуха.

«Кит!» – сообразил Тимка.

В тот же момент из пушечки вылетел длинный снаряд с прикрепленной на конце толстой белой верёвкой. Этот белый хвост сильно замедлял полёт снаряда, и можно было глазом уследить за его направлением.

Ещё мгновение – и снаряд вонзится в тело кита.

– Ну, этому-то я уж помешаю на этот раз! – решительно прошамкал старик и, сложив губы трубочкой, несильно дунул в сторону летевшего снаряда.

Тотчас же, будто натолкнувшись на невидимое препятствие, снаряд замер в воздухе и, вместо того чтобы лететь вперёд, с плеском шлепнулся вниз, в воду. Белый канат по инерции ещё пронёсся вперёд, но, увлекаемый тонущим снарядом в глубину моря, заструился белой змейкой вниз.

– Ну вот, чуть не загарпунили ещё одного большого кита. Знаешь, сколько таких китов осталось в океане? Пять лет назад было три тысячи с небольшим, а в этом году – уже меньше тысячи. На будущий год их останется меньше двухсот, а ещё через пару лет – фьють! – Старик сделал выразительный жест вскинутой вверх рукой с сапфировой палочкой.

Всё исчезло, и они опять оказались стоящими на площадке светящейся лестницы. Молчаливый и подавленный Тимка не решался больше ничего спрашивать и время от времени громко сопел.

– Ну хватит на сегодня уничтоженных. Тут всего и не пересмотришь...

– Неужели столько уже уничтожено? – вырвалось у Тимки.

– Столько? Хаха! Да ещё пятьдесят раз по столько! Тебе лет сколько?

– Двенадцать скоро будет, – нерешительно откликнулся Тимка.

– Так вот, пока ты живёшь на свете, наверное, уже уничтожили столько же животных и растений. В этом веке люди каждый год обязательно расправляются с каким-нибудь видом без остатка! – И вдруг голос его сорвался на пронзительный крик: – Завтра же плакать будете: «Ах, как жалко!» Сегодня, сегодня об этом заботиться надо! – Борода его разлетелась широким веером, и с каждого волоска побежали яркие сердитые искры. – Запомни всё, что я сказал сейчас, – строго прикрикнул он на Тимку, – запомни, да покрепче!

Самое СТРАШНОЕ

– А теперь – вверх! – вскрикнул старик, крепко схватил Тимку за руку у волшебного браслета и подпрыгнул вместе с ним в воздух. Подпрыгнул и сложил вместе ноги, да так быстро, что деревянные башмаки стукнулись друг о друга.

И в тот же момент Тимка почувствовал, что несётся вверх, вдоль голубоватой мерцающей лестницы. От мелькающих внизу ступенек у Тимки закружилась голова, и он закрыл глаза. Но вот его ноги коснулись мягкого пола. Он стоял в Пещере Времени Года, а рядом на берёзовом пеньке сидел Хранитель Вит.

– Всё видел, всё понял, – затараторил Хранитель скороговоркой, – по глазам вижу! А забудешь – посмотри на браслет.

Тимка тотчас взглянул на браслет: в глубине голубого сапфира засветилась лестница.

– Да тут и вправду большого ума не надо, всё ясно и понятно: уничтожать всякую живность без толку нельзя, потому как самим же хуже будет. Только запомни это накрепко. Я за всем уследить не могу... бегаешь, бегаешь, а никак не успеваю за всем углядеть, – продолжал Хранитель Вит и совсем другим, добрым и усталым, голосом добавил: – Потому-то и занимаюсь с такими вот, как ты. На помощь тоже надеюсь, понимаешь? Ведь ты ещё не видал самого страшного...

– А что же самое страшное? – не выдержал Тимка.

– Это ты и должен теперь увидеть. Пошли. – И старичок жестом приказал Тимке подойти к летней стене пещеры.

Тимка смело двинулся вперёд и вступил на узкую лесную тропочку, еле заметную среди густой зелёной травы.

– Иди и смотри внимательно кругом. Внимательно смотри! С тропки не сворачивай, встретимся – всё расскажешь. Посмотрю, разберёшься ли на этот раз, научился ли чему-нибудь

у меня! Ну иди же! – поторопил Тимку хранитель, заметив, что тот слишком замедлил шаг.

Тимка шагнул вперёд, а за его спиной затихал тонкий, дребезжащий голосочек:

Сохранять и изучать,
Что природа может дать.
И тогда леса и воды,
Звери, птицы и поля
Будут нужными народу –
И украсится земля!

Ещё секунда – и песенка замерла позади. Тимку окружил шум летнего леса: шорох листвы, короткий деловитый треск птиц, хлопотливо снующих в поисках пищи. От нагретых горячими солнечными лучами стволов сосен исходил густой запах смолы, деловито прогудел шмель, под ёлкой засопел ёж и бесстрашно подкатился колючим шариком к самым ногам... Лес жил своей обычной жизнью.

Крутой поворот тропинки вывел Тимку на берег тихой лесной речки. Всё здесь было до удивления знакомо и поразительно напоминало его любимые места. Вот здесь, на берегу этого омуточка, где река замедляет своё быстрое течение и дно как будто проваливается в глубину, Тимка в прошлый раз, когда приходил ловить рыбу, поставил в воду рогульку для удочки. Так и есть – вот она, стоит, ещё даже не успела завянуть свежая кора на ней!

– А это что за поплавок болтается у самого берега? Да это же мой, на оборванной леске! Я тогда запутал леску и чересчур сильно дёрнул удочку... А ну, кто съел моего кузнечика? – С этими словами Тимка наклонился, подхватил конец лески, плававший у самого берега, и потянул её на себя.

Поплавок сначала было послушно направился к берегу, но вдруг замер и задрожал. Это дрожание передалось и руке: на том конце лески, упруго сопротивляясь, забилося что-то живое.

– Тише, тише, тише, – приговаривал сам себе Тимка, осторожно подтягивая добычу к берегу.

Вот в глубине блеснуло, и на мелководье у прибрежной травы заходил кругами на натянутой до предела леске большой красавец голавль длиной не меньше чем в две Тимкиных ладошки. Тимка ещё сильнее натянул леску, подтягивая рыбу к берегу, и – трах! – леска оборвалась у самого крючка, и голавль оказался на свободе. Тимка оторопело уставился на обрывок лески и сердито отбросил его в сторону. Леска повисла на ветвях ольхового куста, росшего на берегу, и поплавок закачался как маятник, поблескивая на солнце своими гладкими мокрыми боками. Большая темно-синяя стрекоза-красавка уселась было на поплавок, но, видно, не понравилось ей здесь, и она перепорхнула на ветку, пониже к воде. А поплавок продолжал раскачиваться вперёд-назад, вперёд-назад, вперёд... Тимка проследил глазами за его движениями и вдруг вспомнил:

– Вперёд! Скорее вперёд! Где же тропка?

Тропка шла вдоль самой речки, аккуратно огибая заросли густого кустарника, ныряя в лесистые овражки, сбегаящие к реке, перешлёпывая через низинки и заболоченные луговинки...

Тимка заспешил по ней вдоль речки. Он невольно всё прибавлял и прибавлял шаг, пока чуть не побежал вприпрыжку. Да и трудно было оставаться спокойным, когда вот-вот, за тем поворотом реки, откроется вид на крутой берег с дачным посёлком и его дачей. Но чем ближе оказывался Тимка к знакомому повороту, тем медленнее и медленнее он двигался. Что-то странное и незнакомое чудилось ему кругом.

– Странно, – бормотал Тимка, – под этим мостиком я раньше мог свободно плавать, а теперь тут по колено.

Он сбежал с тропки к самой воде и, сбросив сандалии, прыгнул в воду.

Так и есть – меньше чем по колено.

– Вот новости, – размышлял он вслух, – мостик–то был совсем новый! Его построили только прошлой весной... А сейчас все бревна потемнели и покрылись какой–то слизью. Фу ты, как противно пахнет от реки! – Тимка потянул носом и скорчил недовольную гримасу. – В такой воде и купаться–то противно! Что же это случилось с рекой?

Внимательно осматриваясь кругом, он обратил внимание на ровную невысокую насыпь, тянущуюся на противоположном берегу из–за бугра прямо к реке, чуть повыше мостика. Насыпь кончалась у самой реки, и из неё торчала широкая труба. Чёрная, дурно пахнущая вода широкой струей выливалась из трубы и водопадом сбегала в речку. По реке от этого места расходились широкие маслянистые круги.

«Ага! Значит, уже построили в совхозе станцию, – сообразил Тимка, вспомнив, как бабушка читала в газете о намечавшемся строительстве в Ильинском, на другом берегу реки, самой крупной в районе машино–ремонтной совхозной станции. – Но ведь её должны были построить только через два года! – спохватился Тимка, начиная понимать происходящее. – Так и есть! Вон как поднялись молодые посадки: раз, два, три, четыре, пять развилок на ёлках, а сажали их этой весной... Неужели прошло пять лет с тех пор, как я попал в Пещеру?» – Тимка в волнении даже сел.

Теперь нет никакой надежды на возвращение... Его все давным–давно забыли.

«Значит, я вырос на пять лет, – продолжал размышлять Тимка, – и теперь, наверное, ростом уже с папу...» Тут его взгляд упал на грязные, покрытые потеками мазута ноги, обутые в сандалии.

– Эге–ге! Тут что–то не то! – радостно вскрикнул Тимка. – На мне мои старые сандалии! Не мог же я вырасти так, чтобы ноги остались по–прежнему маленькими!

Тимка радостно вскочил на ноги и двинулся к теперь уже близкому повороту.

Тут тропка подходила к самому берегу реки и шла по низкому заливному лугу. Раньше на этом лугу ребята очень любили ловить стрекоз и собирать дикую клубнику. Теперь это место было неузнаваемо: сухая, старая трава покрывала сплошь весь луг, кое–где виднелась голая болотистая земля.

«Мёртвая река, мёртвый луг», – подумал Тимка с горечью и оглянулся, ища хоть какой–нибудь зелени.

Зелень была только там, где кончалась низина, у пригорка с посадками.

В этом углу луга когда–то был маленький прозрачный ключик, всегда холодный и чистый. Сюда он и направился. Вместо ключика оказалась грязная глинистая яма. Тимка внимательно осмотрелся кругом. Весь овраг, сбегавший здесь к реке, был голым. Раньше, пять лет назад, здесь трудно было пробраться в зарослях ольхи и осины, берёз и густых ёлок. Сейчас кое–где торчали большие еловые пни, а по самому дну оврага пролегла глубокая канава с отвесными глинистыми берегами.

«Видно, весной тут текли бурные потоки», – глядя на канаву, решил Тимка.

– Ква! Кваак! – услышал Тимка под ногами.

Рядом по узенькой полоске зелёной травы, ещё перева–ливаясь с боку на бок, прыгала большая лягушка.

– Эй! Ран! – вспомнил Тимка свою встречу с такой же лягушкой за малахитовой дверкой в пещере. – Расскажи, что здесь случилось?

– Квак! Квааа!

– Да ты не понимаешь меня! – огорченно сообразил Тимка и вдруг вспомнил про волшебный браслет. Он потер пальцем малахит и вдруг снова заговорил по-лягушачьи: – Ква! Кваак! Ран, здравствуй! Я Тимка из Пещеры Времени Года!

– Здравствуй, Тимка! Кваа! Плохо! Очень плохо! Бежать! Скорее! Дальше!

– Что случилось, Ран! Квааак!

– Не знаю! Плохая вода! Нет зелени! Все погибли в воде – и комары, и стрекозы, и мои икринки! Или погибать, или уходить отсюда! Помоги, Тимка!

– Прыгай ко мне на руку, Ран! Я перенесу тебя в другое место с чистой водой! – пообещал Тимка и подставил лягушке руки, сложенные лодочкой. – Посиди пока у меня в кармане. Кваа! Здесь хоть и сухо, зато чисто и нет грязной воды. Квак!

А тропинка вела всё дальше по реке. Вот и заветный поворот. Тимка помедлил секунду и решительно шагнул вперёд. И, поражённый, замер...

Там, где раньше на зелёном пригорке среди многочисленных берёз стоял их небольшой дачный посёлок, теперь справа и слева появились новые дома. Они тесно окружали пригорок, сбегали к самой реке.

Нет, теперь уже не к реке, а к небольшому грязному ручью, еле видимому в широком русле старой речки. Напротив посёлка, на противоположном берегу, на месте соснового бора, куда не раз Тимка ходил собирать маслята, торчали голые пни. Клубы чёрного дыма застилали горизонт. Между Тимкой и посёлком пролёг глубокий овраг, которого раньше вообще здесь не было. По песчаным склонам оврага кое-где лепились одуванчики. И тут только Тимка с удивлением сообразил, что это единственные цветы, которые он видит вокруг себя.

– Куда же пропали ромашки? Куда исчезли синие колокольчики? Почему не видно ни красных россыпей полевой герани, ни огоньков гвоздики? Что здесь случилось? – вырвалось у Тимки. – Как здесь противно и страшно!

– Хехе! Страшно! Хехе! Противно! Вот и я говорю – страшно и противно! – раздался знакомый шамкающий голос. Хранитель появился, как всегда, неожиданно.

– Это ты нарочно сделал? – воскликнул, обращаясь к нему, Тимка. – Нарочно, чтобы меня испугать? Да?

– Хаха! Как бы не так! – задрезжал старикашка. – Вы слышали? – Он картинно всплеснул руками. – Нет, вы только

подумайте! Говорят, что это сделал я! Нет, не я это сделал! Я не только прошлое могу показать, но могу и в будущее заглянуть. Вот и ты посмотри со мной, полюбуйся, что здесь будет.

– Дедушка, но куда же делась река? Воды–то ведь в ней совсем нет!

– Лес по берегам свели, вода и перестала держаться под землей. Ну ясно, ключи да родники поэтому и иссякли. А овраг–то, овраг, видал, какой вырос! – И Хранитель Вит горестно махнул рукой в сторону песчаной пропасти. – Того и гляди, твой поселок в него свалится... И какая же живность останется жить в такой грязище да пылище? Тут не просто съели мамонта или гагарку... – Старик помолчал и протянул, растягивая слога: – Пустыня!

– Трррр! – На Тимкино плечо вдруг опустилась большая стрекоза.

– Прости, пожалуйста, я не расслышал, что ты сказала! – ничуть не удивился Тимка и быстро прикоснулся пальцем правой руки к янтарному камню в браслете.

– Трр! Прр! Я улетаю отсюда! Улетаю навсегда! Нечего есть! Негде жить! Ни мне, ни моим детям! Прощай! Трр! – И стрекоза пропала в высоте.

Тимке стало не по себе.

– Я не хочу жить в такой грязной пустыне! – растерянно прошептал он.

– Вот и я тоже не хочу! – живо откликнулся Хранитель Вит. – Давай вместе действовать: что можешь, делай ты, а что могу – я. Сейчас у тебя силенок мало, знаю, – перебил он готовый вырваться у Тимки вопрос. – Подрастёшь, научишься всяким там человеческим делам – много силы получишь.

– А почему вы не можете запретить злым людям портить природу! – наконец–то решился Тимка задать вопрос, который

давно вертелся на языке. – Ведь вы такой сильный и всё можете! Накажите тех, кто портит природу!

– Эхехе! Глупая твоя голова, глупая! Всего никто не может делать! И это очень правильно, да. Придётся, видно, тебе открыть кое–какие тайны... Я могу исчезать и появляться где хочу, могу командовать деревьями, травами, птицами, зверьём всяким, могу показать да объяснить, что к чему в природе. Но я не могу убить ни одного живого существа. И не хочу!

– Ну пойдём–ка, – продолжал Хранитель, – покажу тебе ещё кое–что.

И с этими словами он быстро передел правый башмак на левую ногу, а левый – на правую. И в тот же момент они очутились на скамейке огромного старого парка. Таких старых парков ещё встречается много вокруг Москвы.

Хранитель Вит и Тимка теперь сидели на краю большой тенистой липовой аллеи. Выла весна. Позади скамейки виднелись громадные дубы, а рядом с ними поднимались группки молодых клёнов, рябинки, ёлки. Сверху слышались деловитые крики скворцов, а в ёлках трещал дрозд. Но вот в дальнем конце аллеи показалась странная зелёная машина – цистерна, вроде обыкновенной поливальной машины.

Машина двигалась медленно, а по сторонам от неё шли два закутанных с ног до головы человека с масками на лице. В руках у них были шланги с длинными трубками. На конце каждого шланга широкие головки – как на обыкновенном душе, – и из этих шлангов рассыпался жёлто–зелёный фонтан. Жидкость оседала мелкими капельками на листьях лип, на траве, на окрестных лужах, на дорожке и покрывала всё жёлтым налетом.

– Что они делают? – удивился Тимка.

– А ты спроси у них сам, – отозвался Хранитель. – Спроси, спроси, не бойся, только смотри, чтобы они тебя не облили этой гадостью.

– Тётенки, скажите, пожалуйста: зачем вы всё красите в жёлтый цвет?

– Уходи отсюда, мальчик! – глухо донеслось из-под маски. – Это ядовитая жидкость от вредителей.

– Чтобы парк был красивым и здоровым! – откликнулась и вторая маска.

Машина медленно проехала мимо спрятавшихся за толстые стволы Тимки и Хранителя.

– Слышал: «Чтобы был красивым и здоровым»! – передразнил старик голос поливальщицы. – А теперь смотри, что будет дальше. – И он показал на ближайшую ветку дерева.

Тимка наклонил к себе ветку. Лениво перебирая лапками по стебельку, ползла гусеница. Вот она остановилась, как будто

задумалась, и принялась жевать окрашенный лист. Быстро работали крепкие челюсти. Вот уже листа как не бывало. Гусеница деловито перебралась на соседний, и всё повторилось снова. В этот-то момент сверху появился дрозд. Он совсем не испугался Тимки, будто его и вовсе не было здесь, внимательно поглядел на гусеницу круглым чёрным глазом, сначала правым, потом левым. Потом цап! – и полетел в сторону, крепко зажав гусеницу в клюве.

– Небось маленьких обжор полетел кормить! – вслух подумал Тимка.

– Дадада! – подхватил Хранитель Вит. – Но что из этого получится? Вот вопрос тебе! Вот вопрос! – Помедлил и тронул Тимку за руку: – Пойдём-ка к гнезду, посмотрим.

У гнезда шла обычная суетливая жизнь. Взрослые птицы беспрестанно приносили и засовывали корм в жадно открытые ярко-жёлтые рты птенцов. Конечно, чаще всего это были зелёные ленивые гусеницы, наевшиеся отравленной листвы. Прошло немного времени, за которое птенцы изрядно подросли. Тимка не удивлялся: он уже давно привык, что сейчас он мог увидеть за минуты то, что в природе идёт месяцами. Но чем взрослее становились птенцы, тем делались всё более скучными и неподвижными. Теперь они даже не тянулись клювами вверх, когда прилетали родители. Ещё немного, и все птенцы погибли.

Этого ещё долго не хотели понять родители и носили, носили, носили отравленных гусениц...

– Видал? – окликнул Тимку Хранитель. – Вот тебе и «Красивый парк». Посмотрика, что делается в том гнезде пеночки – она тоже кормит птенцов такими же гусеницами.

Тимка раздвинул густые ветви маленькой ёлочки и заглянул в отверстие гнезда пеночки. На дне его лежали неподвижные крохотные тельца пяти птенчиков.

– А теперь посмотрим, что будет в этом парке на будущий год. Закрой–ка на минутку глаза, – приказал Хранитель, и Тимка почувствовал на лице попеременно зной лета, прохладу осени, стужу зимы. – Ну, гляди, – услышал Тимка голос старика.

Открыл глаза, огляделся.

То же самое место. Совсем ранняя, весна. Наверное, апрель, распускаются почки на деревьях.

– Весна как весна, – проговорил Тимка, обращаясь к Хранителю.

– А ты послушай повнимательнее, – тихо заметил Хранитель Вит в ответ.

Тимка прислушался. Тишина кругом. Тихотихо, только шелестит ветер сухим листом.

– Я ничего не слышу.

– Вот тото и оно! Весна–то молчаливая настала!

Весенний лес казался мёртвым... Распускались в тишине листья, лес одевался зеленью. Тимка взглянул на знакомую веточку и ахнул: по ней ползла точно такая же гусеница, как и в прошлом году. Вот она подобралась к молоденькому листу, сожрала один и деловито перебралась на соседний. Всё повторилось снова, только дрозда не было.

Кругом стояла тишина.

«Как это страшно – молчаливая весна...» – подумал Тимка.

Тишина была такая же полная, как в волшебной Пещере Времени Года, Тимка и не заметил поэтому, как они очутились опять посредине пещеры.

– Ну понял теперь, что самое главное на Земле? – зазвучал в тишине голос Хранителя Вита.

– Жизнь! – уверенно откликнулся Тимка, и перед ним мгновенно пронеслись картины уничтожения стеллеровой коровы; вот Ран, спасающийся от зловонной реки; вот мёртвые птенцы на дне гнезда...

– А зачем, зачем человеку живое? Может, и без лесов, и без зверей, и без цветов, и без птиц проживёте? Проживёте? Проживёте? – смешно затараторил Хранитель. – Нет, дружок! – И он стал сразу очень серьезным. – **БЕЗ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕК ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ.** Не веришь? – перебил он Тимку, который хотел что-то сказать. – Тогда давай напоследок ещё чудеса посмотрим. Далеко ходить не будем, пожалуй. – Старикашка оглянулся. – Вот этот пенек нам и пригодится.

ЧУДЕСА НА ПНЕ

Тимка уже несколько раз видел этот небольшой берёзовый пенек посередине пещеры. Пень как пень, ничем особенным не выделялся. А Хранитель Вит тем временем распахнул плащ, снял свой широкий кожаный пояс, в несколько рядов украшенный самоцветами, и надел этот пояс на пень. Отошёл он в сторону, полюбовался на опоясанный пенёк и повернулся к Тимке:

– Нравится? Красиво?

– Ну и что дальше? – нетерпеливо отозвался. Тимка, не понимая, что собирался делать старик.

Шершавая поверхность пня тем временем преобразилась – сделалась гладкой, глянцевой, блестящей. Она засветилась зеленоватым светом, и по ней побежали красные искорки.

«Как в телевизоре, – подумал Тимка. – Только там экран голубоватый, а искры тёмные...»

– Смотри, смотри! – властно приказал Хранитель Вит.

На ровном срезе берёзового пня вдруг появилась крохотная, но самая настоящая лесная страна. Тимка присмотрелся: среди крохотных, как игрушечные, незнакомых деревьев мелькали стада крохотных слонов, проскакивали юркие антилопы, вышагивали важные пёстрые жирафы. На берегу большого зелёного озера лежали, высунув над водой большие широкие серые морды, десятки бегемотов, громадная стая фламинго – красночёрных цапель, – розовым облаком пронеслась над озером и скрылась вдали...

– Я знаю, где это! Это – Африка! – обрадовался Тимка.

– Смотри дальше, – оборвал его Хранитель Вит.

Дальше Тимка заметил, что из зарослей вышла группа полуобнажённых темнокожих людей. В руках мужчин были луки и колья. Вот люди собрались на опушке леса, стали разжигать костёр, строить хижины из веток. Вот несколько человек охотников ушли опять в лес, а группа других с факелами в руках отправилась на берег озера. Ещё мгновение – и огонь широкой полосой побежал по сухим тростниковым прибрежным зарослям.

За ним оставалась широкая полоса чёрной земли. На ней копошились люди, вскапывая и сажая что-то. Число хижин в посёлке тем временем увеличилось, и всё новые и новые участки зарослей вокруг озера предавались огню. На безлесых участках появлялись новые и новые небольшие поля. Поля плодоносили не долго. Забрасывая их, люди выжигали новые участки кустарников и леса. Так год за годом перед глазами Тимки за минуты промелькнуло не одно столетие. Чем дальше, тем быстрее менялся облик когда-то лесной страны. Посёлок рос и постепенно превратился в небольшой город. Леса кругом почти

исчезли, озёра превратились в сухие болота и пустоши, птицы и звери отступили в дальние нетронутые леса. На месте вырубок и гарей, на полях всё чаще стали крутиться зловещие суховеи, поднимая высоко вверх тучи сухой почвы и унося её куда-то далеко. Вот обнажились голые скалы, скрытые до того покровом густых кустарников, вот безжизненная пустыня подобралась к самым полям посёлка, вот уже заносятся песком дома.

Жители пытались остановить пески, прорывали каналы и наполняли их водой из больших озер, но песок засыпал их. Строили высокие каменные стены на пути песка, но песок засыпал и стены. Сажали деревья на песке, но деревья высыхали, не найдя плодородной почвы, а песок поглощал их...

Город становился всё безлюднее, и вот уже последние жители покидают это безжизненное место. Только ветер переносит горы песка с места на место, засыпая то, что когда-то называлось городом. Куда ни смотрел Тимка, теперь всюду был только песок: красный, серый, жёлтый. Из песка вздымались обнажённые, нагретые солнцем безжизненные скалы.

Тимка не мог сказать, сколько прошло времени, он даже забыл, где находится. Но вот пустыня стала удаляться, удаляться, и на широкой поверхности пня появились очертания Африки. Широкая желтая полоса Сахары пролегла у Средиземного моря, захватывая чуть ли не четверть всего континента.

– Ну вот, – со злорадством проговорил старик, – видел теперь, как люди сделали своими руками Сахару? Сделали и ушли... В пустыне долго не проживёшь.

– А я думал, Сахара всегда была пустыней, – задумчиво сказал Тимка.

– Вот тебе и «думал»! – передразнил его Хранитель Вит. – Мало вы ещё знаете о том, как надо жить на Земле. Плохо будет, если... – Тут лесовик начал расти, расти, превратился в громадного чёрнокожего джинна, голова которого потонула где–

то в прозрачной голубизне свода пещеры, и голос его оттуда загремел громовыми раскатами: – **Если – вы – потеряете – пение – птиц – и – шелест – листьев!..**

Громадная фигура внезапно потеряла чёткие очертания, и вот вместо джинна рядом с Тимкой чуть покачивается столб голубого дыма, а сверху несутся и несутся слова:

– Человек стал человеком, покоряя природу, теперь он должен стать разумным хозяином своего богатства!

Столб дыма осел, и Хранитель Вит в своём берёзовом плаще снова оказался рядом с Тимкой.

– Это мой третий великий закон, – продолжал он. – **Закон разумного отношения человека к живому** . – Между прочим, между прочим... этот закон не секретный! Много людей его знает. И знает, и выполняет!!! Да, выполняет! И тогда всё хорошо бывает. Ну–ка посмотри ещё раз сюда. – И Хранитель Вит снова показал на пень.

Поверхность пня на этот раз была розоватой, и по ней пробегали голубые искры. Потом их стало больше, больше, и вот яркое голубое небо засияло над жёлтой пустыней. Из–за ближнего бархана вынырнул небольшой вездеход, из него выскочили люди с треногами и трубами, что–то мерили, ставили какие–то рейки и вбивали колышки. Вскоре из–за того же бархана показался бульдозер. Он легко убрал со своего пути кучу песка, расчищая ровную дорогу. За ним шёл мощный канавокопатель. Песок так и летел в сторону, и пустыню прорезала глубокая канава.

За канавокопателем двигались ещё машины, и после них стенки канавы становились гладкими и блестящими.

«То ли бетоноукладчики, то ли какие–то опрыскиватели», – решил Тимка.

Ещё секунда – и по каналу побежал поток мутной, пенистой воды. Пустыня кругом стала расцветать зелёными красками: то

тут, то там появлялись зеленеющие поля, группы деревьев, огромные сады, посёлки. Вот на большое искусственное озеро село несколько красноголовых аистов. Бывшая пустыня ожила.

– Ожила, ожила пустыня! – с восторгом закричал Тимка. – Да, можете, можете кое–что хорошее делать, – подхватил Вит. – Слышал небось о лесных полосах в степи? Тоже хорошее дело! Да мало ли их, хороших дел? – И сам себя перебил: – Мало, для живой природы очень мало!

В это мгновение Тимка почувствовал жжение на запястье около браслета. Он поднял руку, чтобы выяснить причину, и увидел: последний камень браслета – чёрно–красный гранат – начал светиться в самой своей глубине. Густое алое пламя то разгоралось, то почти пропадало.

«Как красный светофор на перекрестке», – подумал Тимка.

Ему захотелось поближе рассмотреть этот чудный камень, и он повернул браслет вокруг руки. Браслет скользнул по запястью, слегка задержался на ладошке и легко соскочил в другую руку, которую едва успел подставить Тимка. Вот чудо! Весь браслет

был теперь наполнен настоящей жизнью, каждый камень, казалось, говорил с Тимкой своим голосом: из темно-зелёной, с извивающимися водорослями глубины малахита посматривал Ран, как бы приглашая прогуляться по болоту; покачивался подорожник, сливаясь своими цветочными стебельками с прожилками яшмы; чёрно-синим вороновым крылом переливался агат; в глубине янтаря трепетала крыльями стрекоза; из прозрачной глубины горного хрусталя, как из льдинки, смотрела на Тимку хохуля, а тигровый глаз, как живой, то расширялся, то сужался, и Тимке казалось, будто сам Хранитель Вит подмаргивает; тревожно и печально мерцала лунным светом уходящая вниз лестница в глубине сапфира...

Браслет лежал на ладошке и, как показалось на секунду Тимке, чуть-чуть вздрагивал. Тимка покрепче хотел схватить его, чтобы снова надеть на руку. «Что же это такое? Никак не получается!» – испугался Тимка, Браслет выскользил из пальцев, упруго выворачивался. Тимка накрыл его другой рукой, зажал было в ладошках, но в тот же момент какая-то сила разжала его руки, и браслет повис в воздухе.

– Мой! Не отдам! Он мой! – в отчаянии закричал Тимка, рванулся вслед за браслетом и хотел схватить.

Но тот как будто не подпускал к себе. Вот Тимка уже быстро бежит за уплывающим браслетом в тёмную глубину пещеры. Всё быстрее и быстрее летит браслет, а ноги Тимки становятся ватными, непослушными, цепляются за неведомо откуда появившиеся на полу кочки, бугорки... Всё темнее и темнее становится в пещере, и всё ярче и ярче разгораются цветными огнями камни браслета. Красные, зелёные, синие, жёлтые, голубые лучи сплетаются вместе, в одну сияющую и мерцающую вдали звёздочку... Тимка вдруг почувствовал огромную усталость и неудержимо захотел присесть или прилечь, чтобы отдохнуть на

таким мягком и тёплом полу пещеры. Ноги его подкосились, и он опустился вниз.

...Нежаркий солнечный луч запрыгал по лицу Тимки, и лёгкий предвечерний свежий ветерок пробежал по его голым ногам. Тимка вздрогнул и открыл глаза. Потом протёр их рукой, привстав на колени. Он лежал на куче тёплого сухого песка в той самой яме, куда он спрыгнул давно–давно, – может быть, даже несколько лет назад, – наблюдая за муравьиной дорожкой. Солнце, которое тогда было высоко над соснами, теперь пробивалось лучиками у самой земли. Последний лучик из покидающих глубину песчаной ямы, наверное, и разбудил Тимку. Ещё не вполне очнувшись, Тимка разглядывал всё вокруг. Что–то блеснуло в песке – он нагнулся и увидел полужасыпанный пинцет.

– Мамин пинцет! – Тимка хотел было его схватить, но тотчас отдернул руку. Ему стало неприятно. – Кажется, помню... Всё вспомнил! И Пещеру Времени Года, и Вита! А где же волшебный браслет? – Он схватил себя за запястье – никакого браслета не было. – Пещера, – продолжал вспоминать он, – где же пещера?...

Тимка внимательно, на четвереньках, исследовал все стены песчаной ямы, но, кроме плотных слоёв песка с глиной, ничего не нашёл. Несколько обескураженный, он поднялся на ноги и выглянул из ямы. Рядом, в густой листве садов, за зелёным бугром, виднелись крыши дач. Пологий склон, усаженный молодыми соснами, сбегал к широкой речке. Предвечернее небо, зеленовато–розовое, безоблачное, окончательно его успокоило.

– Вот это был сон! – вслух подумал Тимка.

В кармане что–то зашевелилось. Тимка сунул туда руку и в испуге отдернул её: там было мокро и скользко.

– Этого не может быть, – пробормотал в замешательстве Тимка, вытаскивая из кармана большую лягушку.

А лягушка спокойно уселась на раскрытой ладони и слегка жмурилась от дневного света.

– Ран, милый Ран! Я забыл тебя выпустить в чистую воду! Прости меня, пожалуйста, пойдём скорее к реке! – Одним прыжком Тимка выскочил из ямы и бросился к реке.

Река тоже была совсем такой же, как и раньше: у противоположного берега плавали лилии, только теперь они были почти все закрытые, где-то за поворотом реки привычно кричал коростель... У реки, на лугу, шарахнулось несколько лягушек. Тимка присел на корточки, опустил руку с лягушкой к земле, и ласково прикоснулся к её спинке:

– Ну, прыгай скорее!

Та немного помедлила, приподнялась на передних лапах, посмотрела, оглянулась на Тимку и... высоко подпрыгнув, исчезла в густой траве.

– Выходит, всё-таки я действительно был в Пещере Времени Года! Откуда же иначе взялся бы Ран в моём кармане? – И тут же заспорил сам с собой: – Но где вход в пещеру? И как доказать, что я там был?

Так, споря сам с собой, Тимка медленно брёл по тропке вдоль берега реки к посёлку. В одном месте тропка резко изгибалась вправо, обходя глубокую канаву, образовавшуюся там, где весенние потоки, скатывающиеся с распаханного склона наверху, нашли себе самый короткий путь вниз.

Тимка резко остановился. Эта маленькая канавка была на том самом месте, где он видел в мрачной картине Хранителя Вита огромный овраг! Да-да! Ещё в прошлом году он мог перепрыгнуть эту канавку, а теперь она так разрослась, что никто из ребят не может это сделать. А что же будет на следующий год? И ещё на следующий?

Тимка с волнением огляделся кругом. Надо было что-то делать...

Тимка ещё раз огляделся. Теперь он смотрел на всё другими глазами. Лилии на реке... Да они совсем, как тогда, когда он попал в пещеру к Хранителю. Но ведь в прошлом-то году их было на реке гораздо больше! И вон той плешины обгорелой не было в прошлом году посредине бора на том берегу реки! И островок на реке, куда любили они уплывать на плоту с ребятами на целый день, стал почти голым. А ведь там росло столько молодых берёзок! Из некоторых они сделали шесты для плота, другие просто изломали, когда качались и играли в парашютистов.

– Тимка! Как тебе не стыдно! Где ты так долго пропадал? Я тебя полдня по всему посёлку ищу. Скоро родители приедут с работы, а он без обеда целый день. Вот достанется тебе от них! – встретила его бабушка у калитки.

– Бабушка! Сколько сейчас времени?

– Скоро восемь. Самое время ужинать. Ты мне скажи, где ты бегал до сих пор?

– А какой сейчас год? – никак не мог успокоиться Тимка.

– Тимофей! Немедленно отвечай, что с тобой случилось! – взволнованно потребовала бабушка в ответ на последний вопрос. – Вот, бедный, проголодался как! Давайка скорее мой руки – и за стол!

– Вот это да! Прошёл всего один день... Как же это могло быть? Но Ран-то сидел у меня в кармане! – сам с собой тихонько разговаривал Тимка.

– Что ты там бормочешь, Тимоша?

– Да это я так... Чтобы руки лучше мылись...

На этом мы и оставим Тимку и кончим наш рассказ. Но не потому, что прекратились удивительные приключения Тимки, а потому, что он взял с нас слово пока молчать о приключениях его и его друзей – Зелёных Рыцарей – в царстве Хранителя Вита. Да–да! Очень скоро Тимка с двумя друзьями снова попал во владения Вита, и приключения их на этот раз оказались ещё более необыкновенными. Но об этом в следующий раз, если, конечно, Тимка снимет с нас клятву молчания.

